

ЗАКУЛИСЬЕ ВОЙНЫ

Штрафники, заградотряды, трудовые армии

ХХ военные
тайны
века

В.А. Рунов

Annotation

В книге на основании архивных документов и разработок кафедр военных академий рассмотрен ряд недостаточно изученных моментов истории Великой Отечественной войны. Многие из них, будучи напрямую не связанными с операциями, проводимыми войсками на фронтах, в то же время существенно влияли на общий ход вооруженной борьбы и жизнь народов в условиях войны.

Рассчитана на широкий круг читателей.

-
- [Валентин Рунов](#)
 - [Введение](#)
 - [Эвакуация тюрем](#)
 - [ГУЛАГ в годы войны](#)
 - [Штрафные формирования в РККА](#)
 - [Разведка боем](#)
 - [Заградительные отряды](#)
 - [СМЕРШ – смерть шпионам!](#)
 - [Преступность в СССР в годы войны](#)
 - [Карточная система](#)
 - [Трудовые армии](#)
 - [Ложные партизанские отряды](#)
 - [Применение химического оружия](#)
 - [Железные дороги войны](#)
 - [Польская армия Андерса](#)
 - [Иранский поход 1941 года](#)
 - [Совсем другая Прохоровка](#)
 - [Тайна Знамени Победы](#)
 - [Восточные «союзники» Гитлера](#)
 - [Тайное оружие вермахта](#)
 - [Заговоры против фюрера](#)
 - [Крах гитлеровской дипломатии](#)
 - [В лабиринтах большой политики](#)
 - [Заключение](#)
 - [Иллюстрации](#)

Валентин Рунов

**Закулисье войны. Штрафники,
заградотряды, трудовые армии**

Введение

Мы привыкли к тому, что война главным образом заключается в противоборстве армий на фронтах и работе разведчиков и партизан в ближайшем прифронтовом тылу. Но на самом деле война более широкое явление, которое затрагивает все стороны общественной жизни и имеет самые различные проявления. Она характеризуется особым состоянием общества воюющих стран, жизнь которого временно начинает строиться совсем по другим законам, чем в условиях мирного времени. Это выражается, прежде всего, в мобилизации общества, в ограничении свобод граждан, в принуждении их к дополнительному и безвозмездному труду, в повышении карательных функций государства и многом другом.

Сегодня, в условиях мира, стало модным рассуждать о свободах граждан, об их правах, о гуманности к ним со стороны государства. Но при этом мало кто задумывается о том, как все это будет выглядеть в случае войны, когда на кон будет поставлено существование самого государства? Вероятно, тогда о многом из того, что казалось крайне важным в мирное время, придется забыть. Во время войн государство всегда требовало от своих граждан жертв и терпения к всевозможным лишениям, взамен предоставляя только одно право – умереть за свою страну. Всякий отказ и уклонения от подобного рода обязанностей карались очень жестоко. И это было свойственно не какому-то конкретному государству, а всем странам без исключения.

Другой вопрос – как в условиях ведения войны государство должно вести себя со своими гражданами? Даже в этих условиях общество продолжало оставаться неоднородным – в нем встречались как патриоты, так и недовольные, как законопослушные, так и преступники, как полезные труженики, так и бесполезные с точки зрения производства люди. И если в мирное время все они «незаметно» растворялись в огромной человеческой массе, то с началом войны индивидуальность каждого человека начинала проявляться более ярко. Появились предатели, пособники врага, паникеры, отчаявшиеся... С каждым из этих людей нужно было

разбираться отдельно, на что не было ни сил, ни времени. Поэтому государству оставалось одно – выявлять и карать.

Но как поступать с людьми, уже нарушившими закон и отбывающими наказание в тюрьмах и лагерях? Пересматривать в срочном порядке дело каждого, не имея для этого ни сил, ни времени, ни, главное, – оснований? А если эти люди содержатся в местах, которые находятся под угрозой оккупации противником?

Третий вопрос – обеспечение должной боеспособности армии. С началом войны по мобилизации под ружье ставятся миллионы граждан, не привыкших не то что к смертельному риску, но и к элементарной воинской дисциплине. Среди них немало откровенных трусов и психически неуравновешенных людей. Как заставить их выполнять приказы, рискуя своим здоровьем и самой жизнью? А без этого достижение победы в бою невозможно. И опять государство должно брать на себя решение этого вопроса.

Но это только внутренние проблемы, имеется много и внешних. Главная из них – выявление и отношения с союзниками. Мировой историей доказано, что ни одна война не возникает без прямого или косвенного участия третьих стран. И, как правило, это участие не бескорыстное. Так возникают большие политические игры. Большая политическая игра по площади намного превышает размеры поля любого сражения, а по времени она всегда выходит далеко за временные рамки любой войны. И любое государство вынуждено считаться с этим, и по мере возможности вести свою игру, не всегда понятную его гражданам.

Но и само государство представляли люди, поднявшиеся к тому времени на вершину власти, имевшие как определенные достоинства, так и недостатки. Во время Великой Отечественной войны Германию представлял Адольф Гитлер, СССР – Иосиф Сталин. Рядом с ними стояли их соратники, каждый из которых имел свой собственный взгляд на происходившее. Сегодня мы знаем, что полного единства этих взглядов не было, и даже более того – были сугубо противоположные взгляды, которые становились причиной вполне конкретных действий.

Итак, каждая война имеет свое закулисное, и именно там происходят события, которые обеспечивают продолжение жизни

человеческого общества в столь экстремальных условиях. Сражения, которые исторически формируют облик войны, – лишь производное от того, что, казалось бы, не совсем вписывается в ее сущность. Но реально это не так. В любой войне главная задача общества – выжить, сохранив свою идентичность, территорию, язык, культуру. Задача власти – обеспечить это, для чего, безусловно, нужна Победа. О том, какими средствами будет достигнута эта победа – историки будут разбираться уже после.

В этой книге о Великой Отечественной войне я не буду рассказывать об операциях и в очередной раз характеризовать или критиковать военачальников. Я попробовал написать о том, о чем обычно не принято говорить, поднимая столь важную тему. И не беда, если кому-то покажется все это неважным или неполным. Война считается не завершенной до того времени, пока не захоронен последний солдат, а проблема до того момента, пока о ней не заговорят на уровне дискуссии.

Предлагаю последовать этому примеру.

Эвакуация тюрем

В последние предвоенные годы в связи с проводившейся внутренней политикой в СССР было арестовано большое количество людей. Часть этих людей по обвинению в измене Родине были расстреляны, часть – отправлены в исправительно-трудовые лагеря, располагавшиеся в северных и восточных районах СССР, еще часть в ходе следствия и в ожидании приговора и этапа содержалась в местных тюрьмах.

К началу Великой Отечественной войны в составе этой последней группы были, прежде всего, недавно арестованные уголовники, а также граждане с не до конца доказанной виной. Судя по тому, как жестко работал в то время репрессивный механизм, доля последних была незначительной.

В самом Львове было три тюрьмы: № 1 – на Лонцкого, № 2 – Замарстыновская и № 4 – Бриgidки. Тюрьма № 3 находилась в замке г. Золочева, что около семидесяти километров от Львова, – сюда отправляли заключенных, когда львовские тюрьмы были переполнены (а они были переполнены: в тюрьме на Лонцкого при лимите 1500 человек находилось 3638 заключенных). В тюрьмах Львовщины по состоянию на 22 июня 1941 года было 5424 заключенных. Большинству инкриминировали преступления по статье 54 Уголовного кодекса УССР, то есть – контрреволюционную деятельность.

С началом Великой Отечественной войны выходит приказ Берии и прокурора СССР В.М. Бочкова № 221 от 22 июня 1941 года: В его приказной части указывалось:

1. Прекратить освобождение из лагерей, тюрем и колоний контрреволюционеров, бандитов, рецидивистов и других опасных преступников.

2. Указанных заключенных, а также польские контингенты, немцев и иноподданных сосредоточить в усиленно охраняемые зоны, прекратив бесконвойное использование на работах. Содержащихся в лагере заключенных максимально законвоировать.

3. Арестовать заключенных, на которых имеются материалы в антисоветской деятельности.

4. Охрану лагерей, тюрем и колоний перевести на военное положение.

5. Прекратить отпуска всем работникам лагерей, тюрем и колоний и работникам прокуратуры ИТЛ, находящихся в отпусках немедленно вызвать.

6. Прекратить всякую переписку заключенных, а также содержащихся в спецпоселках с волей.

7. Исполнение донести в 24 часа».

23 июня 1941 советское руководство осознало, что необходимо принимать срочные меры по вывозу заключенных. Немедленно был направлен документ следующего содержания:

«НКГБ – тов. Мешик Минск, НКГБ – тов. Цанава Рига, НКГБ – т. Шустину Таллин, НКГБ – тов. Кумм Петрозаводск, НКГБ – тов. Баскакову Мурманск, УНКГБ – тов. Ручкину Ленинград, УНКГБ – тов. Куприну Предлагаю Вам: 1. Проработать вопрос о вывозе подавляющего числа арестованных, числящихся за НКГБ, НКВД, судом и прокуратурой. Сообщите общее количество имеющихся у Вас арестованных, с указанием – сколько, за какими органами числится и какое количество арестованных, по Вашему, следует вывезти. Арестованные будут вывезены в центральные и восточные районы СССР. Учтите, что вместе с арестованными будет направлено некоторое количество Ваших работников для ведения следствия по делам арестованных по новому месту их нахождения. 2. Примите меры к отбору из числа архивных дел наиболее важных, которые также должны быть Вами направлены в Москву, в адрес 1-го спец. отдела НКВД СССР. 3. Рассмотрите дела на всех имеющихся у Вас арестованных органами НКГБ и составьте списки на тех, которых Вы считаете целесообразным расстрелять. В списках укажите имя, отчество, фамилию, год рождения, последнюю должность или место работы перед арестом, а также краткое содержание обвинения, с указанием сознался ли арестованный. Указанные списки вышлите не позднее 23 июля.

Меркулов 23 июня 1941 г. № 2445/М. Москва».

Летом 1941 года продвижение немецких войск от западных границ СССР на восток было стремительным. С учетом того, что 1-я танковая группа генерала Э. фон Клейста уже 10 июля вышла на подступы к Киевскому оборонительному району, преодолев расстояние

в 600 километров за 20 дней, средний темп наступления ее соединений составлял 30 километров в сутки. 350 километров от Бреста до Минска 2-я танковая группа Г. Гудериана преодолела за 6 дней со средним темпом 58 километров в сутки. Организовать эвакуацию имущества, а тем более тюрем, в таких условиях было очень трудно.

Рассмотрим этот процесс с севера на юг.

В республиках Прибалтики перед самым началом войны была завершена операция по выселению «неблагонадежного и контрреволюционного элемента» – из Эстонии было выслано чуть более 10 тыс. человек, из Литвы около 17,5 тыс. из Латвии – по разным оценкам, от 15,4 до 16,5 тыс. человек. Эта операция была завершена к 21 июня 1941 года.

В то же время местные тюрьмы оказались заполненными заключенными и подследственными, в отношении которых нужно было принимать самые неотложные меры. И они были приняты...

Эстония: Из Эстонской ССР ко 2 июля было эвакуировано 4047 заключенных.

Но также имеются сведения о том, что в ночь с 8 на 9 июля 1941 года в тюрьме города Тарту было расстреляно 192 человека из числа задержанных с начала военных действий. В Лихула – 6 человек, в Хаапсалу и Вильянди – по 11 человек, в Печорах – 6 человек.

Латвия: Известно, что из литовских тюрем в тыл были эвакуированы 3722 заключенных. Ряд современных латвийских источников, основываясь на изданной в 1942 году в Риге трудах «Комиссии по расследованию зверств большевиков в Латвии» под названием «Год ужасов» и «Обвинительные доказательства», указывают на то, что в рижской тюрьме было расстреляно 78 заключенных.

Литва: Территория Литвы была захвачена немецкими войсками в течение первых дней войны – Ковно (Каунас) и Вильно (Вильнюс) были заняты немцами 24 июня. Эвакуация около 1700 заключенных из тюрем Вильно была начата вечером 23 июня. Но в пути по каким-то причинам состав при отправлении был расцеплен и в Горький эвакуировали только 609 заключенных. Всего из Литвы было эвакуировано 1363 заключенных.

Город Тельшяй был оставлен советской администрацией 22 июня и находился под контролем Литовского фронта активистов (ЛФА) до

прихода немцев 25 июня 1941 года. После установления в этом районе власти немецким командованием возле фермы Райняй, расположенной недалеко от Тельшай в лесу было обнаружено 74 тела, которые были признаны убитыми 24 и 25 июня 1941 года заключенными тюрьмы Тельшай.

Город Ковно (Кунас) с 23-го находился под контролем ЛФА, а 24 июня был занят немецкими войсками. Но при этом в ряде источников указывается, что 26 июня 1941 года органами НКВД было уничтожено 400 человек заключенных и весь персонал каунасской тюрьмы вместе с семьями в колонии для заключенных в Правенешкес, расположенном в 12 км от Ковно.

Белоруссия: На 10 июня 1941 года в 32 тюрьмах Белорусской ССР содержалось 25 860 человек, причем самые большие тюрьмы были расположены в приграничных городах – Брест и Белосток, в каждой из которых содержалось около 4 тыс. заключенных. Крупной была и тюрьма в городе Гродно, где содержалось около 3,5 тыс. заключенных.

Уже в первый день войны замнаркома внутренних дел СССР Чернышов передал по телефону наркому внутренних дел БССР Матвееву указание Берии о немедленной эвакуации тюрем. Из тюрем западных областей БССР по плану предполагалось вывезти 16 357 заключенных. Правда, планировалось вывозить не всех. В этот же день ЦК КП(б) Белорусской ССР, издал постановление о срочном приведении в исполнение приговоров в отношении заключенных, осужденных к высшей мере.

Однако, в условиях быстрого продвижения немецких войск и постоянного воздействия авиации на тыловые объекты, вызвавшего во многих местах панику и хаос, этого сделать не удалось. Также следует помнить о том, что во время эвакуации колонны заключенных эвакуируемые в пешем порядке подвергались налетам немецкой авиации и несли потери. В ряде случаев заключенные «за контрреволюционные преступления» в пути следования преднамеренно расстреливались конвоем.

Иногда расстрелы производились в ответ на провокации самих заключенных. Так, 24 июня 1941 года во время эвакуации заключенных из тюрьмы города Глубокое заключенные поляки начали кричать: «Да здравствует Гитлер!» На основании этого начальник

тюрьмы Приемьшев распорядился отконвоировать заключенных до ближайшего леса, где и было расстреляно около 600 человек.

Имели место и случаи расстрелов в тюрьмах. Так, установлено, что в тюрьме города Ошмяны 23 июня 1941 года политруком Клименко и уполномоченным Авдеевым во время бомбежки этого города самочинно было расстреляно в подвале 30 заключенных, обвиняемых в преступлениях контрреволюционного характера.

Из тюрем города Минска было эвакуировано около 2000 заключенных. При этом, по донесению начальника конвоя, «ввиду систематических нападений на колонну с заключенными под местечком Червень при согласовании с руководством тюрьмы 209 политических заключенных были расстреляны, а остальные заключенные, содержащиеся под стражей за бытовые преступления, освобождены».

В тюрьме города Мозырь в июле 1941 года в срочном порядке было расстреляно 38 человек, а в тюрьме города Гомель – 11 человек, приговоренных судом к высшей мере наказания.

Утром 22 июня на тюрьму города Гродно упала авиационная бомба, взрывной волной от которой вышибло двери камер. Охране удалось перевести заключенных в главный корпус. Но днем того же дня главный корпус прямым попаданием другой авиабомбы был разрушен, и многие из заключенных погибли. Ближе к ночи третья авиабомба разрушила часть второго корпуса. При этом многим заключенным, несмотря на открытый охраной огонь, удалось вырваться из тюрьмы и разбежаться по городу. Начальник тюрьмы попытался связаться с местным НКВД и НКГБ, однако к тому времени те уже эвакуировались в тыл. После этого территория тюрьмы ее охраной была оставлена.

Аналогичная ситуация была и в других тюрьмах Западной Белоруссии. По подсчетам, из 32 тюрем НКВД БССР, функционировавших на 22 июня 1941 года, удалось провести эвакуацию лишь из 14 (Глубокое, Молодечно, Пинск, Столин, Дрогичин, Орша, Полоцк, Витебск, Могилев, Мозырь, Гомель, Червень, Вилейка и Столбцы). Всего было эвакуировано 9573 человека, «оставлено противнику» – 16 048 человек, бежало в пути при бомбежке 775 заключенных, освобождено «налетом банды» – 76,

расстреляно в тюрьмах – 530, расстреляно конвоем в пути – 714 человек.

Украина: В западных регионах УССР в предвоенный период в тюрьмах содержалось значительное количество осужденных и подследственных. Только по ликвидации активно действовавшего подполья ОУН в тюрьмах находилось более 23 тыс. человек. По западным областям количество заключенных по тюрьмам распределялось следующим образом:

Львовская область – 4 тюрьмы, из них три в самом Львове (4960 человек), и одна – в Злочеве (623 человека). В Волынской области – 3 тюрьмы: Луцк (2052 человека), Владимир-Волынский (333 человека), Ковель (800 человек). Ровенская область – 4 тюрьмы: две в Ровно (992 человека), Дубно (296 человек), Острог (76 человек). Дрогобычская область – 3 тюрьмы: Перемышль (818 человек), Самбор (1212 человек), Стрый (848 человек). Тернопольская область – 4 тюрьмы: Тернополь (1790 человек), Чертков (1290 человек), Бережаны (376 человек), Кременец (350 человек). Станиславская область – 3 тюрьмы: Станислав (2914 человек), Коломыя (1470 человек), Печенежино (66 человек). Черновицкая область – 4 тюрьмы: две в Черновцы (2000 человек), Сторожинец (67 человек), Хотин (223 человека). Каменец-Подольская область – 3 тюрьмы: две в Каменец-Подольском (1700 человек), Проскуров (811 человек). Винницкая область – две тюрьмы: Винница (2700 человек) и Брацлав (2100 человек). Измаильская область – две тюрьмы: Измаил (623 человека) и Аккерман (532 человека). Одесская область – 3 тюрьмы: две в Одессе (5008 человек) и Балта (84 человека).

С началом войны только из западных областей УССР на 23 июня 1941 года требовалось эвакуировать 23 236 заключенных – для чего было необходимо представить 778 вагонов. Но затребованного количества вагонов в условиях начала войны, конечно же, получено не было – в связи с чем ряд тюрем эвакуировался пешим порядком до тыловых станций.

Эвакуация заключенных была организована плохо. Так, известно, что при эвакуации заключенных и задержанных 22 июня из Перемышля 669 человек из них попали к немцам. В Самбор был доставлен всего 181 заключенный, главным образом приговоренные к

высшей мере наказания и задержанные по контрреволюционным статьям.

Кроме того, с началом военных действий вооруженными отрядами ОУН, переброшенными ранее с немецкой стороны в западные районы Украины, были предприняты попытки нападения на ряд тюрем. Такие случаи имели место в городах Львов, Злочев, Луцк, Дубно и др.

23 и 24 июня 1941 года НКГБ СССР передает указание в прифронтовые области о том, что «всех следственных и осужденных за контрреволюционные преступления по ст. 170 УК, и лиц, совершивших большие растраты, расстрелять, а следственных и осужденных по другим статьям освободить».

На начало войны в тюрьмах Львова содержалось 3602 человека. Всего, по официальным данным, в тюрьмах № 1, 2, 4 гор. Львова и № 3 Злочева было расстреляно 2464 человека, освобождено – 800 человек, вывезено перебежчиков – 201 человек, осталось в тюрьмах – 1546 человек. Из них бежало во время ухода охраны тюрем из города 23–24 июня и в результате нападения на тюрьму № 1 23 июня – 362 человека, преимущественно уголовников и бытовиков ОУН.

На местном уровне основанием для ликвидации заключенных тюрем стали распоряжения республиканских властей. Так, на территории Западной Украины 23 июня 1941 года в действие были введены приказ № 2445/М наркома государственной безопасности Меркулова и приказ начальника тюремного управления НКВД СССР капитана госбезопасности Филиппова. В первом документе речь шла о срочном учете всех заключенных в тюрьмах и делении на тех, что подлежат депортации в концлагеря ГУЛАГа, и тех, кого необходимо расстрелять (эта задача возлагалась на местное руководство НКГБ).

Во втором документе говорилось об эвакуации заключенных, к нему прилагался «План эвакуации», согласно которому депортации из Львовской области подлежало пять тысяч арестантов, для чего выделялось 204 вагона. Согласно инструкции НКВД СССР от 29 декабря 1939 года один вагон эшелона вмещал тридцать депортированных лиц, следовательно, указанных вагонов хватало бы на эвакуацию 6800 заключенных. Однако эвакуировали только 1822 из 5000 запланированных. Кроме того, в последнем документе рукой

прокурора Львовской области Харитонова содержалась надпись черными чернилами: «Расстрел как врагов народа санкционирую».

Практиковались и другие меры. Так, в тюрьме города Луцка сразу же с началом войны были расстреляны 73 человека, приговоренные к высшей мере наказания. Но дальше события развивались уже по другому сценарию. В 14 часов 22 июня на территорию тюрьмы упало две авиабомбы, частично разрушив ряд помещений. Взрывной волной были выбиты двери части камер, в других они были взломаны самими заключенными. После чего они смогли попасть во внутренний двор, откуда предприняли попытку к бегству, но были остановлены охраной. При этом часть пытавшихся убежать были расстреляны на месте.

23 июня 44 осужденных по бытовым статьям и 40 малолеток были освобождены. Утром 23 в тюрьму прибывает опергруппа УНКГБ во главе с майором Розовым, которая требует выдать всех з/к, содержащихся в тюрьме гор. Луцка по статьям УК УССР 54, 2, 11, и особенно членов ОУН. После того как стало известно о приближении немецких войск, отобранные 800 человек были расстреляны на хозяйственном дворе тюрьмы работниками НКВД, НКГБ и силами охраны. Кроме того, было расстреляно охраной тюрьмы и воинскими частями в окрестностях тюрьмы еще некоторое количество заключенных, пытавшихся бежать из тюрьмы. По информации начальника тюремного управления НКВД по Волынской области – в общем – расстреляно в тюрьме и возле тюрьмы около 1000 человек. В тюрьме было оставлено около 1000 человек, большинство из которых обвинялись по бытовым статьям УК УССР. Но в более ранних сводках НКВД (июнь 1941) приводилась информация о том, что были расстреляны все заключенные – всего около двух тысяч человек.

В тюрьме города Владимир-Волынский 22 июня были расстреляны 36 заключенных, приговоренных к высшей мере наказания, после чего она, в связи с быстрым продвижением немецких войск, была оставлена.

В тюрьме города Ковель было расстреляно 194 заключенных, освобождено 300 человек и осталось невывезенными 145 заключенных.

В тюрьме города Острог (Ровенская область) 1 осужденный к высшей мере наказания был расстрелян, 5 заключенных были освобождены и 77 оставлены (из них 15 осужденных за

«контрреволюционные преступления»). Правда, позже появились заявления о том, что все эти 77 человек были расстреляны.

В тюрьме города Дубно осужденные на длительные сроки были направлены в город Ровно, за контрреволюционную деятельность (260 человек) – расстреляны. При вступлении в город немцев в камерах осталось еще около 60 человек, которых, по заявлению местных украинских исследователей, просто не успели расстрелять.

В тюрьме города Черновцы было расстреляно 16 осужденных к высшей мере наказания (включая 3 пленных немцев). Остальные двумя партиями, соответственно 1405 и 757 заключенных, были этапированы на восток.

В тюрьме города Тарнополь (современный Тернополь) было расстреляно – 560 заключенных, освобождено – 217 человек, эвакуировано 1141 человек. С приходом немцев в тюрьме оставалось всего 5 заключенных.

В тюрьме города Бережаны в июне было расстреляно 222 человека, 94 заключенных эвакуированы и 60 человек освобождены (инвалиды и малолетки).

В тюрьме города Чертков было расстреляно 88 человек, 954 человека были эвакуированы. Из них в пути следования, при попытке к побегу и бунтам, было расстреляно 123 человека.

В тюрьме города Кременец 23 и 24 июня было 38 заключенных.

В тюрьмах городов Стрый и Самбор был расстрелян 1101 заключенный (из них 67 человек из тюрьмы Перемышля), этапировано – 637 человек, освобождено – 250 человек и оставлено в своих камерах 304 человека.

В тюрьме города Станислав (современный Ивано-Франковск) в июне 1941 года было расстреляно около 1 тыс. человек, этапировано – 954 человек, освобождено – 295 человек, осталось в камерах 674 человека.

В тюрьмах, находившихся на значительной глубине от границы, количество расстрелянных было несколько меньшим. Так, в тюрьмах Киева по состоянию на 7 августа 1941 года было расстреляно 346 человек, в тюрьмах Житомира – 46 человек, в Сумах – 108 человек, Черкассах – 9 человек, в городе Белая Церковь – 3 человека. Примечателен и такой факт, что 97 приговоренных к высшей мере

наказания и содержащихся в тюрьме города Чернигова были не только освобождены, но и отправлены в военкоматы.

Сегодня в Умани на улице Ленина возвышается здание районного отдела внутренних дел – обычное строение казенного типа. Но старожилы хорошо помнят, что до конца 80-х годов на этом месте находился комплекс тюремных зданий. По периметру он был огорожен 5-метровыми кирпичными стенами, по гребню которых проходило несколько рядов колючей проволоки. По углам стен были сооружены вышки с прожекторами, на которых круглосуточно дежурили стрелки тюремной охраны.

В конце июля 1941 года, когда над городом нависла угроза фашистской оккупации, сотни заключенных были тайно расстреляны в подвалах тюрьмы, устроенных в специально оборудованных участках катакомб, отгороженных от остальных лабиринтов толстыми кирпичными стенами. Трупы были пересыпаны хлоркой, а входы в расстрельные помещения тщательно замурованы. Всего в тюрьме города Умань 20 июля было расстреляно 767 человек, освобождено – 34 человека, а 31 заключенный (поляки) оставлены в тюрьме.

Вскоре после того, как немецкие войска вошли в Умань, они обнародовали доказательство злодеяний большевиков. В доказательство этого жителям города были предъявлены трупы расстрелянных, извлеченные из подземелий. Тогда к уманской тюрьме начали сходить и съезжаться жители города и окрестных сел, потерявшие родных и близких накануне и в годы войны. По каким-то приметам они узнавали родных, близких и односельчан, арестованных органами ГПУ в начале 1941 года. Информация о расстрелах органами НКВД в уманской тюрьме заключенных была широко освещена германской прессой.

Всего из 78 тюрем СССР в 1941 году было эвакуировано 45 569 человек, расстреляно в тюрьмах – 8789 человек, убито при попытке побега – 48 человек, расстреляно конвоем в пути при подавлении бунта и сопротивления – 123 человека, незаконно расстреляно конвоем в пути – 55 человек, оставлено немцам – 3536 человек.

При расстрелах органы НКВД вначале применяли привычную для них практику – осужденных индивидуально, в специальной камере расстреливали выстрелом в затылок. Когда приближался фронт, а планы не были выполнены, начали расстреливать массово: сгоняли

заключенных в камеры подвалов и через дверцу для передачи пищи стреляли из автоматического оружия. В последние дни – бросали в камеры гранаты. Практиковали и такой способ: открывали двери камер, заключенные выходили в коридор, думая, что их увольняют, и в этот момент их расстреливали из автоматического оружия.

Остро стояла задача, как избавляться от тел расстрелянных. Вначале тела вывозили грузовиками и хоронили в специальных местах. Однако перед самым приходом немцев чекисты, спеша, хоронили убитых во дворах и подвалах тюрем. В официальных документах НКВД эти действия именовались как «разгрузка тюрем» или «убытие по 1-й категории». В последующем раскопки этих массовых захоронений стали хорошим материалом для нацистской пропаганды.

Таким образом, в начале Великой Отечественной войны из западных регионов СССР пришлось срочно эвакуировать 272 тюрьмы, в которых содержалось 141 527 человек. Эвакуация контингента сопровождалась людскими потерями. В ходе ее осуществления по различным причинам выбыло около 43 тыс. человек, в том числе: остались невывезенными – 21 504, освобождены при эвакуации – 7444, бежали при бомбежках – 819, бежали из-под конвоя – 264, погибли при бомбежках – 23, убиты при попытке к бегству – 59, освобождены налетом банды – 346, расстреляны в тюрьмах – 9817, расстреляны конвоем в пути следования при подавлении бунта и сопротивления – 674, незаконно расстреляны конвоем в пути – 769, умерли в пути следования – 1057 человек.

Расстрелы заключенных имели место и в тюрьмах, расположенных на территории РСФСР. Так известно, что 11 сентября 1941 года в Медведевском лесу, в 10 километрах от города Орла, сотрудники НКВД расстреляли 157 заключенных, содержащихся в местной тюрьме. Данный расстрел произошел более чем за три недели до взятия Орла немцами. Основанием этого расстрела стала докладная записка Берии Сталину от 6 сентября 1941 года. В ней указывалось: «Некоторая – наиболее озлобленная часть содержащихся в местах заключения НКВД государственных преступников ведет среди заключенных пораженческую агитацию и пытается подготовить побеги для возобновления подрывной работы. Представляя при этом список на 170 заключенных, одновременно осужденных за

террористическую, шпионско-диверсионную и иную контрреволюционную работу, НКВД СССР считает необходимым применить к ним высшую меру наказания – расстрел».

Данный список составлялся в спешке, без всякой проверки, и в него даже были включены фамилии 9 человек, которых к тому времени в орловской тюрьме уже не было (одни умерли, другие были освобождены после пересмотра их дел). На основании этой записки было издано постановление № ГКО-634сс от 6 сентября 1941 года. В нем указывалось: «Применить высшую меру наказания – расстрел к 170 заключенным, одновременно осужденным за террористическую, шпионско-диверсионную и иную контрреволюционную работу. Рассмотрение материалов поручить Военной Коллегии Верховного Суда СССР».

По приговору, вынесенному 8 сентября 1941 года, на основании постановления ГКО, без возбуждения уголовного дела и проведения предварительного и судебного разбирательства, Военной коллегией Верховного суда СССР под председательством Ульриха В.В. (члены коллегии Кандыбин Д.Я. и Буканов В.В.) вынесен приговор в отношении 161 заключенного, согласно которому все были осуждены по ст. 58–10, ч. 2 УК РСФСР к высшей мере наказания – расстрелу.

Сегодня демократическая пресса ловко использует факты расстрелов подследственных и заключенных при отступлении советских войск для того, чтобы еще раз вскрыть «звериную сущность» большевизма. Безусловно, казни людей, по которым еще не завершено расследование и которым вынесен более «мягкий» приговор, – преступление против Закона. Но что было делать, если возможности эвакуации этих тюрем не было?

Также нужно сказать и о том, что случаи массовых убийств арестованных далеко не всегда поощрялись органами советской власти. Так известно, что в период с 22 июня по 31 декабря 1941 года по НКВД было осуждено за самочинные расстрелы и убийства 19 человек из числа работников органов НКВД. В частности, заместитель начальника тюрьмы А.Х. Табер и помощник оперуполномоченного В.А. Мохов 13 сентября 1941 года были приговорены военным трибуналом к высшей мере наказания «за участие в самочинном расстреле 714 заключенных, эвакуированных из тюрьмы № 28 белорусского города Глубокое». Проходившие по этому же делу

сотрудники НКВД И.Я. Баталов, В.Н. Малинин и П.И. Скребневский получили по 10 лет исправительно-трудовых лагерей.

Нужно признать, что во многих местах по разным причинам содержащиеся в тюрьмах лица оказывались на свободе. В этом случае арестанты из простых людей, как правило, возвращались к своим семьям и продолжали трудиться, теперь уже на оккупантов. Отдельные из них даже назначались бургомистрами, старостами и полицаями.

Но как вели себя уголовники? В большинстве случаев они добровольно поступали на службу к оккупантам. В последующем именно из них формировались карательные отряды и ударные отряды полиции. По воспоминаниям людей, переживших оккупацию, именно полицаи из числа бывших уголовников были самыми жестокими и коварными. Из них формировались расстрельные команды, ложные партизанские отряды и ложные подпольные группы. Многие из них «работали» в концентрационных лагерях и лагерях смерти.

Так, известно, что заключенные тюрьмы города Брест, которая не была эвакуирована, начали грабить городские склады и магазины, «занились пьянкой и приветствием вступления германских фашистских войск в город: «Да здравствует освободитель Гитлер» и т. д.». Часть охранников тюрьмы не успела уехать из города, и немцы с помощью заключенных отлавливали их и расстреливали.

ГУЛАГ в годы войны

Термин «ГУЛАГ» хорошо знаком каждому россиянину как Главное управление исправительных лагерей и в последние десятилетия ассоциируется с периодом сталинских репрессий 30-х гг. Через систему ГУЛАГа в те годы прошли сотни тысяч человек. Дармовой труд этих заключенных «эффективно» использовался при строительстве ряда крупных объектов и выполнении других работ хозяйственного плана.

Но вот началась Великая Отечественная война, которая затронула все стороны жизни советского общества. Не могла она обойти стороной и ГУЛАГ. Но по ряду причин этот вопрос в последующих исследованиях не поднимался.

Подполковник внутренней службы О.Н. Яковлева, пожалуй одна из первых, задалась этим вопросом и провела достаточно глубокое исследование. Она установила, что в системе Главного управления исправительных лагерей, трудовых поселений и мест заключения (ГУЛАГ НКВД СССР) на 1 января 1941 года находилось 53 исправительно-трудовых лагеря, 425 исправительно-трудовых колоний, 172 контрагентские колонии, 622 тюрьмы и 50 колоний для несовершеннолетних. Общее количество заключенных, содержащихся в этих учреждениях, составляло 1 млн 929 тыс. 729 человек.

Прежде всего, большое количество сотрудников уголовно-исполнительной системы были направлены на фронт и в прифронтовую полосу для выполнения различных боевых задач. На фронт были направлены 117 тыс. сотрудников уголовно-исполнительной системы – это свыше половины рядового и командного состава военизированной охраны, а также начальствующего и оперативного состава ИУ. Военизированная охрана перешла на военное положение с казарменным размещением всего личного состава.

В соответствии с указами Президиума Верховного Совета СССР от 12 июля и 24 ноября 1941 года из мест лишения свободы были досрочно освобождены некоторые категории заключенных,

отбывавших наказание за малозначительные преступления. Подавляющее число этих людей через военкоматы были отправлены на фронт. Только в 1941 году на фронт по этой линии было направлено 480 тыс. человек, что составило около 25 % общего числа заключенных. В течение 1942–1943 гг. были досрочно освобождены и призваны в ряды Красной Армии еще 157 тыс. человек.

Изменился и порядок участия бывших заключенных в боевых действиях. Если в 1941 и 1942 гг. из них формировались штрафные роты, то с начала 1943 года начали создаваться обычные воинские части. Всего за три года войны на укомплектование Красной Армии было передано 975 тыс. осужденных.

Однако даже после этого еще очень большое количество осужденных оставались в местах заключения. Нужно было решать, что делать с этой массой людей, как лучше использовать их для решения оборонных задач?

Первой задачей, стоявшей перед правительством страны, стала эвакуация на восток предприятий из районов, которые оказались под угрозой захвата их противником. При этом сразу предусматривалось и развертывание этих предприятий на новом месте. Это было, прежде всего, связано с производством больших объемов погрузочно-разгрузочных работ, часть из которых производилась в непосредственной близости от противника, под ударами его авиации. На эти работы были направлены, прежде всего, рабочие данных предприятий (рабочий лично отвечал за демонтаж своего станка и сборку его на новом месте), а также заключенные.

Надо отметить, что разгрузочно-погрузочные операции производились быстро и точно. Так, первые эшелоны с оборудованием Людиновского локомотивного завода прибыли из Украины в Сызрань 11 августа 1941 года, а уже 6 ноября предприятие выдало военную продукцию – минометные снаряды.

Заключенные расположенного неподалеку от Куйбышева Безымянского исправительно-трудового лагеря Особстроя НКВД СССР в сентябре – октябре 1941 года разгружали и складировали имущество 1-го государственного подшипникового завода, а затем помогали монтировать оборудование на новом месте. При этом велась переориентация данного предприятия на выпуск военной продукции.

И уже в декабре 1941 года на данной базе был выпущен первый самолет – штурмовик Ил-2.

С началом войны около 60 крупных строек, не имевших непосредственного военно-стратегического значения, были закрыты. Так, строительство БАМа было не только остановлено, но даже значительная часть уложенных путей позже была демонтирована и перенаправлена на фронт (в частности, использовалась для строительства железнодорожной линии Сталинград – Сызрань – Ульяновск). Прекратилось строительство железной дороги на Салехард. Все заключенные, ранее задействованные на этих стройках, были перенацелены на выполнение других задач.

В годы Великой Отечественной войны работники системы ГУЛАГа вносили посильный вклад в развитие оборонной науки и техники. Так, в Молотов (ныне Пермь) были эвакуированы два тюремных конструкторских бюро. Из-под Москвы (Болшево) туда же эвакуировали Особое техническое бюро НКВД при Научно-исследовательском институте промышленности боеприпасов. Учреждение включилось в разработку баллистического пороха для «катюш» и новых технологий. Разработанная ими система непрерывного шнекового производства ракетных зарядов увеличила в два раза скорость их изготовления. Инженерами Ленинградского Особого конструкторского бюро № 172 на пушечном заводе в Мотовилихе были разработаны и внедрены в производство 45-мм противотанковая пушка М-42, модернизированная гаубица-пушка 152-мм МЛ-20 (для самоходки ИСУ-152), 122-мм самоходная гаубица повышенной мощности М-22, 76-мм дивизионная пушка БЛ-14, 85-мм противотанковая пушка БЛ-19 и др. За годы войны Мотовилихинским заводом было выпущено 48,6 тыс. пушек – каждая четвертая, произведенная в стране.

Заключенные также привлекались на оборонительное строительство, для чего из лагерей ГУЛАГа было выделено более 200 тыс. человек. Заключенные строили отдельные участки оборонительных рубежей под Москвой, Ленинградом, Сталинградом. Кроме того, они широко использовались для строительства запасных командных пунктов Ставки Верховного Главного Командования и Генерального штаба на рубеже Волги и за Уралом.

В частности, за счет ресурсов Вытегорского строительства и лагеря НКВД были обеспечены рабочей силой, продовольствием и материальными ресурсами полевые работы по строительству 2-го армейского Управления оборонительных работ НКО. За счет Беломоро-Балтийского лагеря НКВД – полевые работы по строительству Управления оборонительных работ Карельского и Северного фронтов.

В непростых условиях военного времени сотрудники уголовно-исполнительной системы изыскивали средства и возможности внести дополнительный вклад в дело приближения победы. Так, например, осенью 1941 года личный состав тюрьмы № 1 города Кирова организовал сбор средств на постройку эскадрильи самолетов. Коллектив Ивдельлага (Свердловская область) за годы войны на постройку танков и самолетов перечислил 3,5 млн рублей наличными и более 10 млн рублей облигациями.

Совместным трудом сотрудников, вольнонаемного персонала и заключенных в годы войны страна обеспечивалась лесом, углем, рудой, восстанавливала и строила новые предприятия. К основным направлениям народно-хозяйственной деятельности с использованием труда заключенных в годы Великой Отечественной войны можно отнести: – железнодорожное строительство, куда было направлено 448 тыс. заключенных);

- лесная промышленность (320 тыс. заключенных);
- промышленное строительство (310 тыс. заключенных);
- аэродромное и шоссеное строительство (268 тыс. заключенных);
- горно-металлургическая промышленность (171 тыс. заключенных);
- строительство оборонительных рубежей (200 тыс. заключенных).

С первых дней войны в системе ГУЛАГа непосредственно на местах было организовано производство, направленное на выполнение заказов для нужд фронта. Главным образом производился выпуск боеприпасов, спецупаковки, пошив обмундирования для Красной Армии, изготовление другой военной продукции. На базе заводов и заводиков системы ГУЛАГа производилось огромное количество боеприпасов, в их числе различного калибра мины, авиабомбы,

авиационные осколочные бомбы типа «АО», ручные гранаты, противопехотные мины. Кроме того, в ИТЛ были организованы производство и поставка на фронт средств инженерного вооружения: грейдеров, катков, снегоочистителей, автобензоприцепов.

В целом же производство продукции заключенными исправительно-трудовых лагерей в годы войны охватывало 15 отраслей народного хозяйства. Только в течение 1942 года предприятиями ИТЛ было выпущено продукции на 1 млрд 290 млн рублей, что составило 108,3 % от предусмотренного планом.

К 1944 году заключенные работали на 650 предприятиях страны. Общий объем продукции, выпущенный этими предприятиями, составил 1 млрд 652 млн рублей. Кроме того, благодаря производственно-хозяйственной деятельности ИТЛ в государственный бюджет за 1944 год поступило накоплений в сумме 1 млрд 630 млн рублей, в доход государства сдано 767 млн рублей. При этом важно отметить, что в годы войны все колонии и лагеря перешли на самоокупаемость и не получали дотаций из государственного бюджета.

Заключенными решались даже творческие задачи. Так, для оборонной промышленности (авиастроение, танкостроение, артиллерия, транспорт, изготовление боеприпасов) были необходимы в большом количестве технические изделия из кожи. Для их производства требовались остродефицитные полуфабрикаты, которые поступали с перебоями. Заключенные Московской колонии № 1 НКВД России изобрели и сконструировали небольшую экспериментальную установку по изготовлению манжет из полихлорвиниловых масс, заменяющих кожаные полуфабрикаты. Производство экспериментальной партии позволило исключить из технологического процесса дефицитное сырье и обеспечило колоссальную экономию финансовых средств.

В годы войны силами заключенных обеспечивалось строительство объектов разного назначения. Были построены и введены в действие такие крупные промышленные объекты, как Актюбинский завод ферросплавов, Норильский никелевый, Новотагильский и Байкальский металлургический заводы, нефтепровод Астрахань – Саратов, Ухтинский нефтяной комбинат, Тавдинский, Канский, Красноярский, Любвинский гидролизные

заводы по выработке спирта. Особо среди оборонных сооружений следует выделить пороховой завод в Соликамске, авиационные в Омске и Куйбышеве, аэродромы с твердым покрытием, в том числе заполярный в Уэлькале на трассе Москва – Америка.

Постановлением Государственного Комитета Обороны от 21 мая 1943 года, для обеспечения возможных боевых действий на Дальнем Востоке, на ГУЛАГ было возложено строительство железнодорожной линии Комсомольск – Советская Гавань и порта Ванино. Обе эти задачи были выполнены успешно.

Всего же за период 1941–1944 гг. строительными организациями НКВД было выполнено капитальных работ на 14,2 млрд рублей, что составило 14,9 % всех выполненных строительных работ по народному хозяйству СССР в целом, было построено и сдано в эксплуатацию: 612 оперативных аэродромов и 230 аэродромов с взлетно-посадочными полосами, группа авиационных заводов в районе Куйбышева, 3 доменных печи общей мощностью 980 тыс. тонн чугуна в год, 16 мартеновских и электроплавильных печей производительностью 445 тыс. тонн стали, прокатные станы общей производительностью 542 тыс. тонн проката, 4 коксовые батареи производительностью 1 млн 740 тыс. тонн кокса, угольные шахты и разрезы общей производительностью 6 млн 790 тыс. тонн угля, 46 электрических турбин общей мощностью 596 тыс. киловатт, 3 тыс. 573 километра новых железных дорог, 4 тыс. 700 километров шоссейных дорог, 1 тыс. 58 километров нефтепроводов и другие объекты.

За этот период промышленными предприятиями НКВД было выдано: 315 тонн золота, более 14 тыс. тонн олова (в концентратах), 6 тыс. 795 тонн вольфрамового концентрата, 1 тыс. 561 тонн молибденового концентрата, 6 тыс. 511 тонн никеля электролитного, 6 тыс. 81 тонн меди черновой, 968 тыс. тонн хромитовой руды, 8 млн 924 тыс. тонн угля, 10 тыс. 150 тонн сажи газовой, 407 тыс. тонн нефти, 90 млн м³ леса и дров, произведено 30,2 млн штук мин. Удельный вес продукции предприятий НКВД в общем производстве по народному хозяйству СССР составил: по золоту – 64 %; по платине и палладию – 65 %; по оловянным концентратам – 82 %; по электролитному никелю – 71 %; по молибденовым концентратам – 27 %; по вольфрамовым концентратам – 34 %; по минам – 17 %. Несмотря на трудности, помимо высоких показателей трудовой

активности заключенными было перечислено в Фонд обороны страны свыше 40 млн рублей добровольных взносов, а также значительное количество золота и серебра. Из предприятий ГУЛАГа в освобожденные районы страны в 1943–1944 гг. было передано 356 единиц разного оборудования, 160 тракторов, 170 автомашин, 30 комбайнов, 235 плугов, 62 сеялки.

Уже в 1944 году началась переориентация части ресурсов ГУЛАГа на нужды послевоенного развития. Хотя многие производства и стройки продолжали выполнять прежние задания, большинство производственных мощностей исправительной системы стало перестраиваться на выпуск «мирной» продукции. Именно в это время было завершено строительство Угличской и Рыбинской электростанций, которое было приостановлено в 1941 году.

Тогда же НКВД получил ряд новых заданий Государственного Комитета Обороны по капитальному строительству и расширению производственной деятельности. В числе первоочередных задач были восстановление и строительство военно-морских баз в Таллине, Риге, на полуострове Порккала-Удд, строительство газопровода «Саратов – Москва», восстановление Беломорско-Балтийского канала, строительство Закавказского металлургического комбината и железной дороги Кировобад – Дашкесан, строительство Ивдельского и Бирюсинского гидролизных заводов мощностью на 500 тыс. декалитров спирта каждый, развитие нового месторождения коксующихся углей Хелмер-Ю, включая строительство железной дороги Воркута – Хелмер-Ю, строительство Ангренского и Волчанского угольных разрезов, расширение куйбышевского, краснодарского и дагестанского нефтепромыслов, строительство урановых рудников и заводов, а также второй очереди Тырно-Аузского вольфрамowego комбината.

На 1 января 1945 года всего в исправительной системе НКВД насчитывалось 1 млн 460 тыс. человек. Из них 715,5 тыс. содержались в исправительно-трудовых лагерях и 745,2 тыс. в исправительно-трудовых колониях. Вскоре туда начали массово поступать лица из числа восточных рабочих, обвиненных в сотрудничестве с фашистами, освобожденных из лагерей бывших белогвардейцев, захваченных полицаев, власовцев и других.

В 1945 году перед ГУЛАГом была поставлена совершенно новая задача – обеспечить развитие атомной промышленности в СССР.

Таким образом, система ГУЛАГа продолжала функционировать на протяжении всего периода Великой Отечественной войны. В лагерях этой системы отбывали наказание самые разные люди, от уголовников, совершивших тяжкие преступления, до людей, осужденных по политическим мотивам. Сама система четко вписывалась в общую структуру жизни и деятельности страны в условиях войны, являясь ее составной частью.

Штрафные формирования в РККА

После неудачного исхода Харьковской оборонительной операции (4–25 марта 1943 года) советские войска были вынуждены отступать к Дону, а затем к Волге. На отдельных направлениях это отступление ввиду напора превосходящих сил противника и потери управления советским командованием превращалось в бегство с элементами паники. Для того чтобы воспрепятствовать этому, от 28 июля 1942 года был подписан приказ № 227 народного комиссара обороны СССР больше известный как приказ И.В. Сталина «Ни шагу назад!».

Сразу же надо сказать, что этот приказ не был секретным, так как он объявлялся во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах и штабах. Но затем советские историки предпочли о нем умалчивать. Порой он даже публиковался только под грифом «Для служебного пользования».

На самом же деле приказ в своей первой части гласил:

«Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется в глубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа».

Но далее, говоря о сопротивлении отдельных соединений и частей Красной Армии говорилось:

«Часть войск Южного фронта, идя за паникерами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа из Москвы, покрыв свои знамена позором. Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную Армию, а многие из них проклинаят Красную Армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама утекает на восток. Некоторые

неумные люди на фронте утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступать на восток, так как у нас много территории, много земли, много населения и что хлеба у нас всегда будет в избытке. Этим они хотят оправдать свое позорное поведение на фронтах. Но такие разговоры являются насквозь фальшивыми и лживыми, выгодными лишь нашим врагам».

После этого в приказе шло напоминание о том, что «Каждый командир, каждый красноармеец и политработник должны понять, что наши средства небезграничны. Территория Советского Союза – это не пустыня, а люди – рабочие, крестьяне, интеллигенция, наши отцы и матери, жены, братья, дети. Территория СССР, которую захватил и стремится захватить враг, – это хлеб и другие продукты для армии и тыла, металл и топливо для промышленности, фабрики, заводы, снабжающие армию вооружением и боеприпасами, железные дороги. После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 млн населения, более 80 млн пудов хлеба в год и более 10 млн тонн металла в год. У нас нет уже преобладания над немцами ни в людских ресурсах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше – значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину».

И только после этого в приказном порядке указывалось: «надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступать, что у нас много территории, страна наша велика и богата, населения много, хлеба всегда будет в избытке. Такие разговоры являются лживыми и вредными, они ослабляют нас и усиливают врага, ибо если не прекратим отступления, останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог.

Из этого следует, что пора кончить отступление.

Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв».

Ставился вопрос – чего же не хватает для того, чтобы остановить наступление врага? Приказ отвечал и на этот вопрос. Так, указывалось: «Не хватает порядка и дисциплины в ротах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток».

Для устранения этого главного недостатка предписывалось принимать неотложные и самые жесткие меры. Указывалось: «Нельзя дальше терпеть командиров, комиссаров, политработников, части и соединения которых самовольно оставляют боевые позиции. Нельзя терпеть дальше, когда командиры, комиссары, политработники допускают, чтобы несколько паникеров определяли положение на поле боя, чтобы они увлекали в отступление других бойцов и открывали фронт врагу.

Паникеры и трусы должны истребляться на месте.

Командиры роты, батальона, полка, дивизии, соответствующие комиссары и политработники, отступающие с боевой позиции без приказа свыше, являются предателями Родины. С такими командирами и политработниками и поступать надо как с предателями Родины».

Но это только призывы и угрозы. Нужно было выработать четкий механизм достижения поставленных целей. И в этом деле, как это часто бывает на войне, невольно помощь оказал противник. Так, в приказе № 227 указывалось:

«После своего зимнего отступления под напором Красной Армии, когда в немецких войсках расшаталась дисциплина, немцы для восстановления дисциплины приняли некоторые суровые меры, приведшие к неплохим результатам. Они сформировали 100 штрафных рот из бойцов провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, поставили их на опасные участки фронта и приказали им искупить кровью свои грехи. Они сформировали, далее, около десятка штрафных батальонов из командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, лишили их орденов, поставили их на еще более опасные участки фронта и приказали им искупить свои грехи. Они сформировали, наконец, специальные отряды заграждения, поставили их позади неустойчивых дивизий и велели им расстреливать на месте паникеров в случае попытки самовольного оставления позиций и в случае попытки сдаться в плен. Как известно, эти меры возымели свое действие, и теперь немецкие войска дерутся лучше, чем они дрались зимой».

На основании немецкого опыта было приказано:

«Сформировать в пределах фронта от 1 до 3 (смотря по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников

всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины...

Сформировать в пределах армии от 5 до 10 (смотря по обстановке) штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной».

Таким образом, штрафные батальоны о которых особенно часто стало «модным» говорить в последнее время, формировались исключительно из провинившихся средних и старших командиров и соответствующих политработников. При направлении в такой батальон с офицеров снимали знаки отличия, награды, и они временно становились рядовыми. Командовали такими подразделениями исключительно строевые офицеры, не являвшиеся штрафниками. Время пребывания в штрафном батальоне было ограниченным, по истечении которого все уцелевшие штрафники восстанавливались в воинском звании, им возвращались их награды, а сами они возвращались в свои части.

Штрафные роты комплектовали провинившимися младшими командирами и рядовыми бойцами. Кроме того, туда могли направляться заключенные, пожелавшие искупить кровью свою вину перед Родиной и народом. Все они носили военную форму, но без знаков различия и наград. Командирами взводов и, тем более, штрафной роты, были строевые офицеры, не являвшиеся штрафниками. Причин перевода из штрафной роты в строевую было несколько. Первая – после ранения, полученного в бою. Вторая – после случая явного проявления храбрости по ходатайству командира роты. Третья – после длительного периода участия в боевых действиях и при отсутствии замечаний в трусости. Но последний случай практиковался крайне редко.

На сержантские должности по приказу командира батальона, как правило, назначались штрафники, отличившиеся в боях или проявившие высокие организаторские качества. Но при этом никаких

льгот для их боевой службы по сравнению с рядовым составом не было.

Исследователь истории штрафных подразделений полковник юстиции А.В. Мороз пишет, что на Сталинградском фронте сразу же после объявления приказа № 227 в августе 1942 года приступили к формированию по временным штатам двух штрафных батальонов, которым, соответственно, были присвоены номера 1 и 2. Но в связи с быстрой сменой обстановки вскоре эти батальоны оказались в полосе Донского фронта. Кроме того, стало ясно, что данный фронт укомплектовать их личным составом не сможет. Поэтому приказом по войскам № 09/0125 от 30 сентября 1942 года 2-й отдельный штрафной батальон был расформирован, а его командный и политический состав в количестве 33 человек направлен на доукомплектование 1-го батальона.

Командный состав батальона был представлен строевыми офицерами, имевшими боевой опыт и отличавшимися решительностью и требовательностью. Командиром 1-го штрафного батальона был назначен гвардии майор Григорьев Яков Федорович, комиссаром – батальонный комиссар Лавренюк Павел Прохорович, начальником штаба – капитан Лобань Григорий Иванович. За батальоном закреплялся оперуполномоченный особого отдела НКВД фронта лейтенант госбезопасности Ефимов Павел Тимофеевич. Кадровыми офицерами были заместитель командира батальона по строевой части, офицеры штаба и политаппарата, командиры и политруки трех стрелковых рот и роты противотанковых ружей, командиры взводов, несколько интендантов, военврач и военфельдшер. Помимо этих офицеров, в ротах на постоянной основе служили шесть сержантов и красноармейцев (писарь-каптенармус, санинструктор и четыре санитар-носильщика). Также из нештрафников состоял взвод снабжения и предусмотренный штатом позднее комендантский взвод.

Всего по состоянию на 15 августа 1942 года в 1-м отдельном штрафном батальоне числились 95 военнослужащих постоянного состава (из них 29 сверх штата до особого распоряжения). Это были проверенные боями люди. Командира и военного комиссара ОШБ подбирал и утверждал Военный совет фронта. Комбату и штабу разрешалось подыскивать подходящих командиров рот и взводов в

Отдельном полку резерва офицерского состава (ОПРОС) и отчислять тех, кто надежд не оправдывал.

Снятие офицеров с занимаемых ими должностей имело место. Так, в одном из приказов командира 1-го отдельного штрафного батальона мы читаем: «За попытку уклонения от командировки к передовой линии фронта, командира стрелковой роты капитана Юхту Ивана Даниловича от занимаемой должности отстраняю, направляю в отдел кадров фронта и ходатайствую перед Военным советом о снижении его в звании до лейтенанта». Также его приказами было откомандировано и несколько командиров взводов.

По решению советского командования трудности службы в отдельном штрафном батальоне для строевых офицеров компенсировалась несколькими моментами. Во-первых, воинские звания для командиров штрафных подразделений были на ступень выше, чем для строевых. Во-вторых, офицеры штрафных частей пользовались льготной выслугой: сутки числили за шесть.

С первых дней августа в 1-й батальон, формировавшийся в селе Самофаловка (ныне Дубовского района Волгоградской области), начали поступать разжалованные в рядовые вчерашние офицеры. Из них начали комплектовать стрелковые роты и роту ПТР.

В последующем 1-й штрафной батальон последовательно перемещался по хуторам Терновка, Попов, Ширяевский. За всю войну он, как и другие штрафные части, ни разу в крупном населенном пункте не размещался, ни одного крупного населенного пункта не освобождал. Он всякий раз решал только вспомогательные задачи, хотя и самые опасные. Важнейшей из них была разведка боем, проводившаяся на фронте предстоящего наступления дивизии с целью вскрытия огневых точек противника.

Еще до непосредственного вступления в бои батальон понес первые потери и были наложены первые дисциплинарные взыскания. Так, 19 августа 1942 года был отправлен в госпиталь раненым первый боец-переменник, старший лейтенант. В тот же день при налете немецкой авиации на станцию Котлубань осколок сразил командира 1-й стрелковой роты капитана Спиридона Черного. Его похоронили в Самофаловке на сельском кладбище.

Первое взыскание – строгий арест – гвардии майор Григорьев, пользовавшийся дисциплинарной властью командира дивизии,

объявил двум бойцам-переменникам (старшим лейтенантам) за то, что для обустройства батальона те похитили в соседнем колхозе стройматериалы.

Первой в батальоне удостоилась благодарности начальник санитарной службы военврач 3-го ранга Родина, которая под обстрелом противника оказала первую помощь раненому начальнику финансовой службы и вынесла его вместе с батальонными ценностями.

2 октября 1942 года командир батальона Григорьев получили приказ из штаба фронта. Он требовал сформировать маршевую роту численностью 116 человек и обоз (6 лошадей и 3 повозки). На вооружение этой роты было передано 2 станковых и 12 ручных пулеметов, 36 автоматов ППШ и 60 винтовок. После формирования она должна была по маршруту Терновка – Ширяевский – Б. Ивановка – Лозное прибыть в распоряжение командующего 24-й армией генерал-майора И.В. Галанина и к исходу 3 октября сосредоточиться в селе Садки.

Вскоре после этого туда же была направлена и вторая маршевая рота примерно такого же состава.

Первые серьезные потери 1-й отдельный штрафной батальон понес во время боев в районе высоты 108,4, что у села Котлубань. Там, как сказано в приказе, «проявив отвагу и мужество, погибли смертью храбрых 19 бойцов-переменников и один командир взвода, 28 бойцов-переменников получили ранения. Все погибшие были захоронены на южных скатах той же высоты».

3 ноября 1942 года гвардии майора Григорьева на посту командира 1-го отдельного штрафного батальона сменил гвардии майор Бурков Дмитрий Ермолаевич.

25 ноября 1942 года распоряжением начальника Главного организационно-штатного управления Главного управления формирования частей Красной Армии № орг. /2/78950 штрафным батальонам всех фронтов были присвоены номера. В связи с этим 1-й ОШБ Донского фронта получил номер 8 и под этим номером воевал до самой Победы.

Теперь хочется сказать несколько слов о том, что представлял собой переменный состав данного отдельного штрафного батальона. Имеются сведения о том, что только в период с 1 августа по 30 декабря

1942 года в отдельном штрафном батальоне Сталинградского (Донского) фронта в качестве рядовых воевали бывший начальник штаба дивизии, начальник штаба танковой бригады, начальник политотдела стрелковой бригады, военные комиссары дивизии, танковой и стрелковой бригад, 12 командиров полков и 5 командиров батальонов, 40 командиров рот и батарей, 26 политруков, 81 командир взвода. Кроме того, через этот батальон за первые пять месяцев прошли начальник госпиталя, начальник склада НКО СССР вместе с военкомом этого же склада, райвоенком, начальник военторга, ответственный секретарь бюро ВЛКСМ, начальник клуба, секретарь военного трибунала, оперуполномоченный особого отдела НКВД, военфельдшер.

Использовался данный батальон и для исправления кровью летчиков. Среди его воинов были 4 командира авиационных авиазвеньев, 2 штурмана эскадрильи, 8 авиатехников, 2 бортмеханика.

Штрафникам под Сталинградом, как и всей армии в те дни, жилось очень тяжело. Распорядком дня ежедневно предусматривалось 10 часов занятий. Горячую пищу готовили только на завтрак и обед. Но что это была за пища? Военврач 3-го ранга Родина доносила по команде: «Половина муки непригодна для выпечки хлеба, соли нет, картофеля последние двадцать дней – тоже. Из овощей в наличии лишь соленые огурцы и помидоры. Витаминные продукты не поступали со дня основания батальона. 30 и 31 декабря 1942 года все блюда на завтрак и обед готовились из пшеничной муки». Ужин в распорядке дня не значился вовсе. Поэтому неудивительно, что во время боев под Сталинградом до трети бойцов и офицеров вели бои, как сказано в документе, с проявлениями туляремии, болями в желудке, метеоризмом (вздутием живота), с высокой температурой.

В то же время из числа штрафников во время боев под Сталинградом за мужество было много реабилитированных досрочно. Кроме того, было много восстановленных в званиях посмертно. И это неудивительно. Так, в 1-м (8-м) отдельном штрафном батальоне с 1 августа по 30 декабря 1942 года из 177 человек, направленных туда по приказу «о трусости», и 154 – по суду, 71 человек был убит и 138 получили ранения.

Вначале всегда, а затем – как правило, реабилитация обставлялась определенной торжественностью. Приказ войскам объявлялся перед

строим. Затем представители штаба и политуправления фронта возвращали восстановленным в правах ордена и медали, а позднее – вручали полевые погоны с прежними знаками различия. После этого выдавались на руки предписания: одним – убыть в свою часть, другим – в отдельный полк резерва офицерского состава фронта, третьим (по особому указанию) – в отдел кадров округа.

Приказы о восстановлении в правах офицерского состава и воинских званиях составлялись отдельно по погибшим, раненым, освобождаемым досрочно за подвиги на поля боя и полностью отбывшим срок. Они были развернутыми, с биографическими данными офицеров и их краткой характеристикой. Так, в выписке из приказа № 0988 по войскам 1-го Белорусского фронта от 11 июня 1944 года указывалось: «Бывший командир пульроты 4-го стрелкового полка 10-й запасной стрелковой бригады капитан Хохлов Михаил Сергеевич, 1913 года рождения, уроженец Башкирской ССР, г. Уфа, ул. Таботская, д. 41. Русский, служащий, беспартийный, образование: общее – 8 классов, военное – пехотное училище в 1938 году, в Красной Армии с 1934 года. В батальон прибыл 7.4.44 г. сроком на 2 месяца по приговору военного трибунала 10-й зсбр, осужден по ст. 193–3 (за самовольное оставление поля сражения во время боя) сроком на 8 лет ИТЛ. За время пребывания в батальоне показал себя смелым и решительным бойцом. 13.6.1944 г., участвуя в разведке, действовал энергично и смело. Получил слепое ранение в область поясницы с повреждением правой почечной капсулы, госпитализирован».

Всего же этим приказом были реабилитированы 20 штрафников-офицеров.

Но некоторые офицеры, прошедшие через штрафной батальон, в последующем не пожелали расставаться с этим подразделением. Так, в летописи 8-го отдельного штрафного батальона зафиксирован случай, когда только что реабилитированного офицера – старшего лейтенанта Николая Буравникова по его просьбе оставили командиром взвода во 2-й роте штрафбата.

10 мая 1943 года командиром 8-го отдельного штрафного батальона был назначен подполковник Осипов Аркадий Александрович. Эта часть участвовала в Курской битве, во время которой понесла очень большие потери. Так, подсчитано, что в

оборонительных и наступательных боях на Курской дуге из состава батальона погибло 143 человека и 375 получили ранения.

Не обходилось и без казусов. Однажды штаб батальона доложил, что в одной из рот, которая действовала в отрыве от батальона, четыре бойца-переменника погибли и захоронены в братской могиле, а один пропал без вести. Но спустя три месяца выяснилось, что все они попали в плен, но затем сумели бежать и вернулись из-за линии фронта.

В дело батальона по этому поводу вшит приказ по фронту, отпечатанный типографским способом. Он гласит: «за ослабление контроля, предоставление непроверенных данных начштаба 8-го отдельного штрафного батальона майор Носач В.А. переводился адъютантом старшим обычного стрелкового батальона в 240-й стрелковый полк, а подполковнику Осипову А.А. объявлялось предупреждение».

Данный эпизод не был характерным для А.А. Осипова, который рассматривал его не как штрафное подразделение, а как боевую единицу. Об этом свидетельствует такой факт. Когда 8-й отдельный штрафной батальон находился в распоряжении командующего 3-й армией генерал-лейтенанта А.В. Горбатова, Осипов предложил командарму вместо разведки боем, дела весьма кровавого, добыть языка. Горбатов согласился.

Ночью комбат переправил за реку к противнику группу штрафников, которые искусно замаскировались у самой кромки воды. В это время основной состав батальона развернул на своем берегу «строительство»: одни почти на виду тесали бревна топорами, другие в глубине леса стучали по стволам деревьев пехотными лопатами. Было не понятно, готовят советские войска форсирование или оборону?

Противник не выдержал и выслал в следующую ночь разведку. Ее обнаружила группа, находившаяся на противоположном берегу реки. Вражеские солдаты были уничтожены без выстрелов, ножами, а офицера и двух солдат доставили в штаб 3-й армии.

В следующий раз при освобождении Рогачева, родного для Осипова города, комбат по приказу командарма только одному ему известными тропами вывел отдельный штрафной батальон в тыл противника, организовал засады и развернул дерзкие диверсии на

коммуникациях. Тогда огнем из засады был уничтожен даже один генерал.

1 августа 1944 года полковник Осипов сдал командование 8-м отдельным штрафным батальоном подполковнику Батурину Николаю Никитовичу. С ним штрафники пошли дальше на запад, уже за пределы своего Отечества.

Хотя Батурина подчиненные и недолюбливали – сыпал взысканиями направо и налево, – батальон успешно решал боевые задачи. Многие из командиров рот и взводов были награждены, в том числе орденами Красного Знамени, Александра Невского, и даже Богдана Хмельницкого III степени.

7 мая 1945 года приказом командующего войсками 1-го Белорусского фронта Г.К. Жукова весь переменный состав 8-го отдельного штрафного батальона был восстановлен в правах офицерского состава и воинских званиях. После этого офицеры начали разъезжаться по своим частям. В то же время в батальон вплоть до 20 июля 1945 года прибывали те из проштрафившихся, кого конец войны застал на пути в ОШБ. Но и их, подготовив соответствующие документы, сразу же отправляли обратно в свои части.

Последний приказ по 8-му отдельному штрафному батальону Группы советских оккупационных войск в Германии был датирован 7 августа 1945 года. Он гласил: «Я, командир ОШБ подполковник Батурин Николай Никитович, с сего числа убываю в распоряжение ОК ГСОВГ для дальнейшего прохождения службы, а для сдачи в архив дел оставляю начальника штаба майора Киселева Филиппа Андреевича. Основание: отношение ОК ГСОВГ № 02255 от 27 июля 1945 г.».

Имел место случай, когда в разряд штрафных был переведен целый полк во главе с командиром. Это был 214-й кавалерийский полк, который с мая 1942 года очень достойно воевал на Кавказе. С апреля 1944 года полком командовал гвардии подполковник Е.В. Данилевич.

23 октября 1944 года 214-й кавалерийский полк 63-й кавалерийской дивизии 3-го Украинского фронта, действуя на территории Венгрии, перешел в наступление. Но вскоре после этого противник атаковал полк во фланг танками и большой группой пехоты. Пришлось вырываться из окружения, но при этом было утеряно Боевое знамя полка.

Найти знамя не удалось, и Военный совет фронта сообщил об этом наркомату обороны. Сталин отреагировал приказом № 0380 от 23 ноября 1944 года о переводе полка в разряд штрафных. При этом Е.В. Данилевич был понижен в воинском звании, остальные офицеры практически не пострадали, и наград у личного состава, как это делалось в штрафных батальонах и ротах, никто не отбирал. Более того, на следующий после объявления приказа НКО № 0380 командир дивизии от имени Президиума Верховного Совета СССР вручил ряду офицеров и красноармейцев ордена и медали, которыми те были награждены за предыдущие бои. Е.В. Данилевич также получил орден Красной Звезды.

После этого полк продолжал сражаться в составе своего соединения наряду с остальными частями. В феврале 1945 года по ходатайству Военного совета 3-го Украинского фронта полк был выведен из разряда штрафных с правом вновь получить Боевое красное знамя. Полк же был расформирован 20 сентября 1945 года.

Уже после окончания войны Е.В. Данилевич стал полковником, а действительную военную службу закончил в 1955 году заместителем командира 33-й гвардейской механизированной дивизии. К моменту увольнения в запас в 1955 году в числе наград он имел орден Ленина, три ордена Красного Знамени, ордена Суворова III степени, Отечественной войны I степени и Красной Звезды.

Имели место случаи, когда в штрафные подразделения направляли и женщин. В выписке из одного приказа было указано: «В период наступательных боев в районе деревни Соковинка бывший боец переменного состава Лукьянчикова Пелагея Ивановна, исполняя должность санитары стрелковой роты, самопожертвенно презирая смерть, оказывала помощь раненым непосредственно на поле боя. В период боев с 15 по 24 июля ею вынесено 47 раненых бойцов с их оружием. Отмечая героизм, изъятый товарищем Лукьянчиковой, объявляю ей благодарность и представляю к правительственной награде». Представление к правительственной награде гарантировало немедленный перевод военнослужащего из штрафного батальона в строевую часть.

Приказом НКО СССР № 413 от 21 августа 1943 года командирам полков действующей армии и командирам дивизий в военных округах и на недействующих фронтах разрешалось своей властью направлять в

штрафные роты солдат и сержантов за самовольные отлучки, дезертирство, неисполнение приказа и некоторые другие воинские преступления. Но это имело место только в том случае, если обычных мер дисциплинарного воздействия было недостаточно.

Офицерского состава этот приказ не касался. Офицера по-прежнему мог направлять в штрафбат командир дивизии, равный или более высокий начальник только за нарушение дисциплины по трусости или неустойчивости в бою. При всех других преступлениях судьбу виновного определял военный трибунал. Если суд выносил приговор с отсрочкой его исполнения до окончания боевых действий и направлением осужденного для искупления вины на передовую линию фронта, те же командиры своими приказами и направляли лишенного звания офицера в отдельном штрафном батальоне на срок от одного до трех месяцев.

По мере очищения от врага оккупированных территорий набирал силу новый источник пополнения штрафных частей. Это были военнопленные, оставшиеся в живых и освобожденные, а также окруженцы, отставшие от своих частей. Отношение к этим людям определялось приказом Ставки Верховного Главного Командования Красной Армии № 270 от 16 августа 1941 года.

Всех побывавших в плену и в окружении противника проверяла комиссия Военного совета фронта. Как правило, она состояла из председательствующего (представителя политуправления фронта) и двух членов – старшего оперуполномоченного контрразведки Смерш и заместителя командира полка по политчасти. Выводы комиссия излагала в протоколе. После утверждения протокола на титульном листе командующим фронтом и членом Военного совета фронта он обретал силу приказа.

По решению комиссии в виде наказания отдельные лица направлялись в штрафные батальоны. Иногда такое направление было массовым. Так, по протоколу № 61 от 16 мая 1944 года в 8-й отдельный штрафной батальон было направлено сразу 52 человека. С каждым из них следовал сопроводительный документ с краткой биографической справкой и изложением проступка. Например:

«Жданов Петр Григорьевич – воентехник, начальник оружейной мастерской 77-го стрелкового полка 10-й дивизии НКВД, 1911 года рождения, уроженец города Быхов Могилевской области, белорус,

рабочий, кандидат в члены ВКП(б) с 1939 года, образование: общее – 10 классов, военное – курсы оружейных техников в 1938 году. В Красной Армии с 1933-го по 1934-й и с 1939 года, имеет 2 ранения.

3.08.1941 года попал в окружение с группой из 30 человек в районе деревни Подвысокое и был ранен. Дойдя до Первомайска, затем до Николаева, повернул назад в свой город. В Быхов прибыл 20.10.41 года и жил до 4.10.43 года, занимаясь сельским хозяйством.

4.10.43 года вступил в партизанский отряд № 152 11-й бригады, где был командиром взвода до соединения с частями Красной Армии 24.02.44 года, после чего был направлен в 58-й армейский запасный стрелковый полк. Никаких документов, подтверждающих правдивость изложенного, нет. Красноармейскую книжку уничтожил.

Решение: Жданова П.Г. направить в штрафной батальон сроком на 1 месяц».

Согласно Перечню стрелковых частей и подразделений (отдельных батальонов, рот, отрядов) действующей армии, составленному Генеральным штабом в начале 60-х годов прошлого века, всего за годы войны было создано 65 отдельных штрафных батальонов (ОШБ) и более 1 тыс. штрафных рот (ОШР). Но этот перечень не точный. Дело в том, что в нем одна и та же штрафная часть может упоминаться и дважды, и трижды, каждый раз под другим номером. В частности, 1-й отдельный штрафной батальон, о котором речь велась выше, в одной строке проходит под этим номером, в другой – как 8-й отдельный штрафной батальон Донского, Центрального, а затем 1-го Белорусского фронтов. Еще большая путаница происходила в отношении отдельных штрафных рот.

В завершение хотелось бы рассказать о судьбе еще одного штрафника – Карпова Владимира Васильевича. Перед самой войной он, будучи курсантом выпускного курса Ташкентского танкового училища, по доносу другого курсанта был арестован за антисоветскую пропаганду и осужден на 5 лет исправительно-трудовых лагерей. Но осенью 1942 года осужденному Карпову была представлена возможность смыть кровью судимость. В составе других заключенных он был направлен на фронт и включен в состав 45-й штрафной роты Калининского фронта. Эта рота для выполнения боевых задач придавалась 629-му стрелковому полку 134-й дивизии, командиром которого был подполковник А.К. Картунов.

Два месяца В.В. Карпов ходил в атаки в составе штрафной роты. Вскоре отважного бойца заметил командир полка и в начале 1943 года добился того, чтобы он был переведен в обычную роту. Спустя некоторое время рядовой Карпов был переведен во взвод пешей разведки. В этом качестве он быстро освоил дорогу в тыл противника, начал добывать ценные сведения, приводить языков.

А.К. Кортунов в очередной раз начал хлопотать об отважном бойце, добился присвоения ему офицерского звания и назначил командиром взвода пешей разведки. Выбор оказался удачным – командир и штаб полка всегда имели свежие достоверные сведения о противнике, которые оченьгодились в период наступательных боев. По количеству добытых языков Владимир Васильевич был «чемпионом» своего фронта.

Тогда командир полка пошел еще дальше – начал хлопотать о представлении старшему лейтенанту В.В. Карпову звания Героя Советского Союза. Это был невиданный для того времени случай, и, естественно, первые представления получили отказ. Но А.К. Кортунов, который сам стал Героем Советского Союза, не отступал. Дело завершилось тем, что когда в полк прибыл член Военного совета армии, Алексей Кириллович пригласил В.В. Карпова и попросил высокого политработника объяснить офицеру причину отказов на его представления. После этого вскоре Владимир Васильевич Карпов был удостоен звания Героя Советского Союза.

В завершение этой необычной истории хочу сказать, что в процессе работы над книгой о А.К. Кортунове я познакомился и несколько раз встречался с В.В. Карповым. После войны он окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе, дослужился до полковника. Затем занялся литературной работой, был председателем Союза писателей СССР. Свою историю он описал в книге «Судьба разведчика».

Также необычно сложилась и судьба А.К. Кортунова. Приняв стрелковый полк весной 1942 года, он привел его в Берлин. А после войны Алексей Кириллович стал первым организатором и министром газовой промышленности СССР. Именно он заложил основы газовой отрасли, благодаря которой «голубое топливо» греет нас и сегодня.

Штрафные батальоны и роты прошли не только через всю войну с Германией, но создание их было предусмотрено и при подготовке

войны с Японией. Так, на Забайкальском фронте постоянный состав штрафбата был сформирован из офицеров 26-й окружной школы снайперов, а начальник этой школы майор Марченко Федор Степанович стал командиром батальона. Однако из-за скоротечности войны в Маньчжурии укомплектовать переменным составом не успели.

На основании детального изучения фондов частей, хранящихся в Центральном архиве Минобороны РФ получается, что всего за годы Великой Отечественной войны было сформировано 38 отдельных штрафных батальонов и 516 отдельных штрафных рот. Сколько человек «прошло» через эти подразделения – точно не известно, но сомнений нет, что их было достаточно много. Также нет сведений о том, сколько из них погибли как штрафники. Дело в том, что после гибели военнослужащего в составе штрафного подразделения считалось, что он искупил кровью свой проступок перед Родиной, и семье направлялась похоронка с обычной трактовкой.

* * *

В годы Великой Отечественной войны, наряду с частями сухопутных войск, также создавались штрафные эскадрильи в ВВС. На комплектование этих эскадрилий поступали летчики, проявившие трусость в воздушном бою, при штурмовке или бомбардировке цели, а также технические специалисты, плохо обслуживавшие самолеты. При этом почему-то не бралось в расчет то, что летчик, униженный и оскорбленный положением штрафника, лишенный, пусть и временно, заслуженного звания, наград, в знак протеста мог перелететь на сторону противника и предпочесть позору плен. Советская идеология не допускала такого, да и о таких случаях историкам не известно.

Вместе с тем с началом войны дисциплинарные проступки среди военнослужащих, в том числе и среди летного состава, были не редкими. К примеру, в одном из дел на пилота 1-й эскадрильи 6-го истребительного авиаполка младшего лейтенанта В.В. Копейкина было указано:

«Тов. Копейкин с первых дней войны допускал халатное отношение к боевой работе, проявлял недисциплинированность,

выражавшуюся в пьянках, из которых одна со стрельбой... Эта недисциплинированность в конце концов привела к грубому летному происшествию – допустил промах на посадке и столкновение с другим самолетом на пробеге. За эти факты тов. Копейкин осужден военным трибуналом в декабре 1941 года к десяти годам».

Но реально вместо исправительно-трудовых лагерей младший лейтенант В.В. Копейкин в феврале 1942 года был направлен в 6-й истребительный авиаполк для переучивания на новой матчасти. Он там провинился – по рассеянности не переключил топливный бак и совершил вынужденную посадку.

После этого в аттестации Копейкина старшим начальником был сделан вывод: «Имеет большое стремление искупить вину. Должности пилота соответствует, но требует контроля со стороны начальников».

После выхода в свет приказа № 227 в штабах ВВС начали задумываться о том, как применять его в отношении летного состава. Выход был найден самый простой – приказ механически был распространен на все части ВВС. Полковник юстиции А.В. Мороз, детально занимавшийся этим вопросом, правовой документ о формировании штрафной эскадрильи обнаружил в архивных делах 811-го штурмового полка 206-й штурмовой дивизии. Положение было подписано начальником штаба 8-й воздушной армии полковником Н. Селезевым и военкомом штаба старшим батальонным комиссаром В. Ануфриковым, а утверждено командующим армией генерал-майором авиации Т. Хрюкиным и военкомом армии бригадным комиссаром А. Вихоревым.

Задачу организации штрафных эскадрилий положение определило так: предоставить возможность летчикам, стрелкам-бомбардирам, техникам и механикам, уличенным в саботаже, проявлении элементов шкурничества, уклонении от полетов, путем выполнения ответственных боевых заданий на самых опасных участках и направлениях искупить свою вину перед Родиной.

Далее в документе было сказано, что перечисленные выше лица, независимо от занимаемых должностей, направляются в штрафные эскадрильи распоряжением командира дивизии с последующим оформлением и отдачей приказа по личному составу воздушной армии. Отчисление из штрафной эскадрильи осуществляется по представлению командира дивизии приказом командующего армией.

Предусматривалось создание штрафных эскадрилий трех типов:

а) истребительной на самолетах Як-1 и ЛаГГ-3; б) штурмовой на Ил-2; в) легкомоббардировочной на У-2. Каждая эскадрилья содержалась по штату неотдельной эскадрильи десятисамолетного состава и подчинялась непосредственно командиру той дивизии, в которой была оформлена решением командования воздушной армии.

Как и в штрафбате, руководящий состав штрафной эскадрильи подбирался из нештрафников. Он включал пять человек: командира и военного комиссара эскадрильи, заместителя командира, адъютанта старшего (начальник штаба) и старшего техника. На командование эскадрилий и дивизий возлагалась обязанность тщательно учитывать всю боевую работу штрафников, и только на основании этих учетных данных возбуждать ходатайство о переводе их в строевые части.

Весь остальной командный, рядовой летный и технический состав эскадрильи укомплектовывался за счет штрафников. Положение предусматривало единственное исключение: при неуккомплектованности штрафной легкомоббардировочной эскадрильи стрелками-бомбардирами командиру дивизии разрешалось замещать эти должности нештрафниками.

Положение не разрешало представлять штрафников к государственным наградам, лишало их полагавшегося другим летчикам денежного вознаграждения за боевые успехи в порядке приказов НКО СССР № 0299, 0489 и 0490, а также процентной надбавки за выслугу лет. Пребывание в штрафной эскадрилье не засчитывалось в срок, определявший присвоение очередного воинского звания. Кроме того, штрафники, независимо от должности, которую занимали в строевой части, удовлетворялись денежным содержанием по должности, которую им определили в штрафной эскадрилье, с процентной надбавкой за пребывание на фронте.

Таким образом, документ о штрафниках ВВС получился даже более суровым, чем Положение о штрафбате для сухопутных сил РККА. Штрафников в пехоте, как мы знаем, за подвиги к государственным наградам представляли. Они заранее знали, на какой срок направлены в штрафной батальон или роту – этот срок не мог превышать трех месяцев. Ранение, каким бы ни был его характер, признавалось свидетельством искупления вины. Авиаторы же предпочли иной критерий: для летного состава – только число и итоги

боевых вылетов; для технического – качество подготовки самолетов к боевой работе. Поэтому имели место случаи, когда некоторым летчикам не удавалось избавиться от статуса штрафника в течение пяти месяцев. Даже получив в воздухе ранения или ожоги, они автоматически в строевые части не переводились.

В тот момент, когда в 8-й воздушной армии приступили к комплектованию штрафных эскадрилий, она имела в своем составе десять авиационных дивизий и ряд отдельных частей – всего 49 авиаполков и 40 батальонов аэродромного обслуживания, объединенных в пять районов аэродромного базирования. Формируемые с 9 сентября 1942 года штрафные эскадрильи создавались: истребительная – при 268-й истребительной авиадивизии (командир полковник Б.А. Сиднев), штурмовая – при 206-й штурмовой авиадивизии (командир полковник В.А. Срывкин) и легкомбомбардировочная – при 272-й ночной бомбардировочной дивизии (командир полковник П.О. Кузнецов).

В дивизиях штрафные эскадрильи, оставаясь в непосредственном подчинении комдива, прикреплялись к одному из полков. Так, в 206-й штурмовой авиадивизии штрафная эскадрилья была прикреплена к 811-му штурмовому полку двухэскадрильного состава. Командиром штрафной эскадрильи был назначен один из лучших летчиков этой части капитан Петр Федосеевич Забавских, до этого возглавлявший обычную эскадрилью. К тому времени на его счету было уже два сбитых вражеских самолета – «Мессершмитт-109» и «Фокке-Вульф-189», за что он был награжден орденом Красного Знамени.

Летчики попадали в штрафные эскадрильи за самые различные проступки, но чаще всего за трусость, проявленную в бою, или аварии, совершенные по их вине. Но нередко летчики совершали поступки, которые по-своему напоминали об их молодости и житейской неосмотрительности.

Так, 5 июня 1943 года командир 10-го учебно-тренировочного авиаполка отправил в Астрахань на самолете УТ-2 младшего лейтенанта Минченко и старшину Минина. На полевом аэродроме Началово им надлежало принять самолет Як-1 и вернуться в полк парой. Но летчики к установленному сроку не вернулись. Выяснилось, что они самовольно вылетели из Астрахани в Кизляр за вином и при взлете с пустыря поломали самолет УТ-2.

В приказе по этому поводу командующий 8-й воздушной армией отмечал, что за такое исключительное хулиганство Минченко и Минин заслуживают предания суду военного трибунала, но, учитывая их отличную технику пилотирования и то, что в полку они были инструкторами, он предоставляет им возможность искупить вину в штрафной эскадрилье.

Технические специалисты ВВС в штрафные эскадрильи попадали по самым разным причинам. Так, один из механиков авиационного звена попал в штрафники за то, что снял недостающие детали для своего самолета с самолета в соседнем полку. Другой – за то, что, нарушив меры безопасности, сжег при заправке самолет У-2. Несколько техников и механиков оказались в штрафниках за то, что в начале ноября не отреагировали на температуру воздуха и заморозили водосистему в моторах самолетов Ил-2 и МиГ-3. Начальник технического отдела одного из батальонов аэродромного обслуживания стал штрафником за то, что по личной халатности не обеспечил самолеты сжатым воздухом, сорвав тем самым боевые вылеты нескольких групп штурмовиков и истребителей. Старший техник эскадрильи по вооружению угодил в штрафники потому, что выпустил самолет Ил-2 на боевое задание, не зарядив пушку снарядами. Молодой механик стал штрафником за то, что, охраняя в составе караула склад с боеприпасами, со скуки выстрелил в воробья. В воробья он не попал, но... склад взлетел на воздух!!!

Но были и другие случаи. Так, осенью 1942 года в штрафную эскадрилью угодил Григорий Алексеевич Потлов. В 1933 году он окончил военную школу пилотов. С началом войны на Южном фронте совершил 15 боевых вылетов в составе ночного бомбардировочного полка на У-2. Затем, уже на Сталинградском фронте, принял эскадрилью в 622-м штурмовом полку, совершил на Ил-2 девять успешных боевых вылетов.

В роковой для него день 14 августа 1942 года. Тогда Потлов, ведя в бой группу из шести самолетов, задание не выполнил и вернулся на свой аэродром с полной бомбовой нагрузкой. Вполне возможно, что летчики не нашли назначенную им цель. Но командир 228-й штурмовой авиадивизии полковник В.В. Степичев увидел причину невыполнения задачи в трусости ведущего группы. И приказом по

армии Потлов в звании красноармейца, сдав на хранение в штаб свой орден Красного Знамени, был направлен в штрафную эскадрилью.

Но опытный летчик не потерялся и в новом качестве. Он совершил два боевых вылета в качестве ведомого, два – ведущим звена и восемь – ведущим группы. Командир эскадрильи в своем ходатайстве на имя командира 206-й авиадивизии писал: «Все боевые задания Потлов выполнял отлично, в бой идет смело, уверенно и с большим желанием, показывая образцы мужества и отваги. Самолетом Ил-2 овладел в совершенстве, техника пилотирования отличная, может летать в сложных метеорологических условиях... В эскадрилье и в 811-м ШАП пользуется заслуженным боевым авторитетом и любовью всего личного состава полка».

Но командир дивизии полковник В. Срывкин ходатайство командира эскадрильи не поддержал, посчитав, что боевых вылетов у Потлова пока маловато. Пришлось Потлову продолжать службу в составе штрафной эскадрильи. И только по следующему ходатайству 24 января 1943 года приказом по воздушной армии красноармеец Г.А. Потлов был восстановлен в звании капитана и назначен командиром эскадрильи 811-го штурмового авиаполка.

Перед новым, 1943 годом 811-й штурмовой авиаполк убыл в город Куйбышев для нового формирования и обучения. Штрафную эскадрилью, в которой к тому моменту числилось десять штрафников, прикрепили к 807-му полку 206-й авиадивизии.

Из трех штрафных эскадрилий 8-й воздушной армии особенно ярко проявила себя ночная легкомомбардировочная на У-2, первым командиром которой был старший лейтенант Иван Михайлович Семертей. Летчики этой эскадрильи, как, впрочем, и всех других в 272-й авиадивизии, летали ночью и в сложных метеоусловиях. За ночь они успевали совершить 5–6 боевых вылетов со стандартной бомбовой нагрузкой в 200–230 кг. Летчик-штрафник красноармеец Мухамедзян Шарипов, в действительности имевший звание батальонного комиссара, за месяц произвел 94 боевых вылета, а красноармеец (старший политрук) Кузьма Волков – 75. При этом нужно сказать, что летчики строевых эскадрилий за 50 боевых вылетов согласно приказу НКО СССР № 294 представлялись к ордену Отечественной войны II степени, а за 60 боевых вылетов – к этому же ордену I степени.

Авиаторы-штрафники в подавляющем большинстве добросовестно выполняли боевые задачи, проявляя при этом и мужество и героизм. Об этом могут свидетельствовать записи в приказах командующего 8-й воздушной армией о их реабилитации. При этом в данных приказах разжалованные штрафники уже указывались со своими воинскими званиями. Вот только некоторые из них:

«28 февраля 1943 года сержант Котенко Борис Борисович при штурмовке высоты 101 попал под сильный заградительный зенитный огонь. Несмотря на то, что были перебиты тяги и пробиты бензобаки, бомбы положил точно в цель, после чего посадил самолет на линии фронта и под пулеметным огнем лично эвакуировал его на 20 км в тыл».

«При выполнении боевого задания 28 марта 1943 года днем на самолете У-2 пилот старшина Казарянц Владимир Егишевич, будучи обстрелянным зенитно-пулеметным огнем, получил ранение в ногу и, истекая кровью, привел самолет на свой аэродром».

«Пилот сержант Смирнов Георгий Кузьмич при выполнении боевого задания на самолете У-2 днем 15 февраля 1943 года был подбит над целью, получил осколочные ранения в руку и ногу, несмотря на боль, посадил поврежденный самолет под миномето-пулеметным огнем у линии фронта, после чего эвакуировал его в тыл».

«Сержант Песигин Василий Алексеевич за время пребывания в штрафной эскадрилье с 15 ноября 1942 года по 15 января 1943 года произвел 95 боевых вылетов с общим налетом 153 часа 41 минута, из них на защиту города Сталинграда 45 боевых вылетов со средней бомбовой нагрузкой 200–230 кг... Летает смело и уверенно в сложных условиях, не имея случаев потери ориентировки и вынужденных посадок. Для поражения цели, несмотря на ураганный огонь противника, заходил по 2–3 раза. Выполнял специальные задания командования по связи и перевозке грузов частям Красной Армии в Сталинград. Сбросил на территории противника 200 000 листовок...»

«Старший техник-лейтенант Седлик Мечислав Дариусович, работая оружейником, обеспечил 210 самолетовылетов с хорошей подготовкой вооружения».

«Старший техник-лейтенант Ноготков Василий Николаевич, осужденный военным трибуналом 35-го района аэродромного

базирования сроком на 5 лет, работая механиком, обеспечил 129 боевых вылетов при образцовом содержании материальной части».

В заключение нужно отметить, что потери среди пилотов-штрафников были сопоставимыми с потерями строевых летчиков обычных эскадрилий. Так, штрафная штурмовая эскадрилья 8-й воздушной армии за период с 1 октября по 31 декабря 1942 года потеряла трех летчиков.

Таким образом, говоря о штрафниках, нужно отметить ряд принципиальных моментов. Во-первых, инициатором создания штрафных подразделений было не советское, а германское командование. Во-вторых, в отличие от широко разрекламированного в 2013 году телефильма «Штрафбат», штрафные батальоны никогда заключенными не комплектовались. В-третьих, не то что командирами штрафных батальонов, но и других штрафных подразделений назначались исключительно строевые офицеры. И, наконец, в-четвертых, – штрафные подразделения в действиях советских войск играли не существенную роль. Они использовались на отдельных участках наступления, в том числе и для проведения разведки боем. Но на завершающем этапе Великой Отечественной войны для проведения разведки боем от дивизий первого эшелона выделялись передовые батальоны, которые и решали эту задачу.

Разведка боем

Перед началом наступления на противника всегда крайне важно получить ответы на несколько вопросов. В числе важнейших из них – точное начертание истинного переднего края вражеской обороны и расположение огневых средств противника. Начинать атаку без этого – значит обречь ее на неудачу. Для получения таких сведений в годы войны советским командованием практиковалось проведение разведки боем.

Это была не пуская прихоть. Дело в том, что обороняющийся нередко путем создания передовой позиции пытался ввести вражеское командование в заблуждение относительно начертания главной полосы обороны. В результате этого огневая подготовка зачастую проводилась практически по пустому месту. Наряду со стационарными, широко использовались кочующие огневые средства, что в значительной мере затрудняло их поражение в период проведения артиллерийской подготовки атаки. В результате этого войска неоднократно переходили в наступление на плохо разведанную и неподавленную огнем оборону противника, что, как правило, заканчивалось плачевно.

Требования к организации и проведению разведки боем были изложены в Полевом уставе Красной Армии 1936 года. Однако в ходе учений и при повседневной подготовке войск данный вопрос не отрабатывался.

Проведение разведки боем также допускало и немецкое командование. В боевом уставе пехоты германской армии 1940 года было записано: «Полное представление о противнике дает только сам бой. Боевая разведка должна в кратчайший срок дать полное представление о противнике, данные ее должны служить основанием для использования собственных сил и огневых средств. Непрерывно проводимая боевая разведка является лучшим средством предотвращения внезапного нападения противника. Хорошо поставленная и непрерывная боевая разведка является предпосылкой успеха любого боя. Если боевая разведка не дает достаточных данных, то последние должны быть добыты путем ввода в бой крупных сил, то есть наступлением с ограниченной задачей».

Разведка боем проводится немцами для выполнения таких задач, как захват пленных, документов, трофеев, отдельных тактически выгодных участков местности, уточнения системы огня, а также боеспособности советских войск, проведения демонстрации действий на вспомогательных участках фронта при наступлении на главном направлении. Кроме того, разведка боем нередко способствовала заброске в тыл советских войск шпионов и диверсионных групп.

Были у нее и другие задачи. Так, в учебной брошюре немецкой 16-й армии было сказано, что она проводится для поддержания наступательного духа в обороне, усиления чувства превосходства над противником у каждого отдельного солдата и воспитания боевых качеств одиночного бойца.

Разведка боем (или, как ее называют немцы, силовая разведка) проводилась ударными отрядами силою от взвода до батальона при огневом обеспечении артиллерии и минометов, а иногда при поддержке мелких групп танков с орудиями самоходной артиллерии. Окончательное определение численного состава отряда зависело от задачи, характера местности и силы противника в районе действий. Сам отряд разбивался на ряд команд: штурмовую, обеспечения, подрывников, по разминированию, связи, санитарного обеспечения. Причем штурмовых команд и команд обеспечения могло быть несколько.

Несмотря на признание значимости разведки боем, в начале Великой Отечественной войны противоборствующие стороны к ней относились без особого энтузиазма. Немецкие войска больше полагались на сведения, добывавшиеся авиацией и наблюдением. Советское командование считало, что в обороне проводить разведку боем ни к чему, и впервые в ограниченных масштабах начали ее применять только перед началом контрнаступления под Москвой в декабре 1941 года.

Организация разведки боем также претерпевала большие изменения.

В первом периоде войны для проведения разведки советским командованием выделялись только отдельные стрелковые взводы. Никакого усиления и огневой поддержки не было. Сама разведка боем проводилась за 2–5 суток до начала общего наступления. Результат – в лучшем случае – выявлялось начертание переднего края противника.

Большой временной интервал между разведкой боем и началом наступления приводил к тому, что к началу истинной атаки в обороне противника все менялось настолько, что результаты разведки боем оказывались устаревшими.

Во втором периоде войны для проведения разведки боем начали выделяться от стрелковой роты до стрелкового батальона. Эти подразделения усиливались 2–3 танками, до батареи артиллерии и взводом сапер. Артиллерийская поддержка осуществлялась 2–3 дивизионами артиллерии, а то и ударами авиации. Проводилась такая разведка боем уже только за одни-двое суток до начала общего наступления. Результат – намного чаще вскрывалась группировка противника, характер инженерного оборудования местности и система огня. Результата такой разведки боем более эффективно можно было реализовывать с началом истинного наступления.

Так, в декабре 1942 года, перед началом наших наступательных действий на р. Дон, на участке Новая Калитва, Красно-Ореховое проводилась разведка боем, которая выявила, что невдалеке от берега, занимаемого противником, параллельно ему имеется сплошная траншея, которая тянется на большом протяжении и очень искусно замаскирована сверху хворостом и прутьями. Траншею занимали автоматчики. Никакими другими способами войсковой разведки, в том числе и аэрофотографированием эта траншея выявлена не была. По результатам разведки боем данная цель во время артиллерийской подготовки атаки была поражена массированным огнем артиллерии.

Затем в январе 1943 года в районе среднего течения р. Дон (на участке южнее Россошь) после разгрома итальянских и немецких войск, занимавших оборону по правому его берегу, противник, учитывая успешное продвижение наших войск, подвёл новые части, которые и заняли оборону в тылу. При подходе наших войск к этому рубежу противник оказал сопротивление. Долгое время не удавалось установить принадлежность подошедших неприятельских войск, вследствие чего решено было провести разведку боем на участке Михайловка, Митрофановка с основной задачей захвата пленных. В результате допроса пленных и изучения документов, захваченных при разведке боем, была установлена не только принадлежность подошедших пехотных частей, но и выявлено наличие в данном районе дивизии СС.

С целью достижения внезапности в это время разведка боем проводилась без предварительной огневой подготовки. В частности, одну из таких разведок было решено провести в районе деревни Семкина Горушка в начале июня 1943 года. Противостоявший советским войскам опорный пункт противника включал две высоты с хорошим обзором и обстрелом во всех направлениях и имел развитую систему огня, инженерных сооружений, траншей полного профиля.

Для проведения разведки боем был выделен разведывательный отряд в составе батальона, усиленного взводом саперов, двумя взводами автоматчиков, девятью 45-мм, тремя 76-мм, тремя 122-мм орудиями и ротой танковой Т-34. Кроме того, его действия поддерживались двумя дивизионами артиллерии и четырьмя минометными дивизионами. Перед командиром разведывательного отряда была поставлена задача – овладеть деревней Семкина Горушка, вскрыть систему огня противника, его инженерные укрепления и наличие резервов на этом направлении и захватить пленных.

Для подготовки к намеченной операции 24 мая все подразделения, участвующие в действиях разведывательного отряда были выведены в тыл для проведения практических занятий на специально оборудованной местности, соответствующей той, на которой находится объект нападения. Там было проведено несколько дневных и ночных занятий с боевой стрельбой во взаимодействии с танками и тренировка в ведении траншейного боя. Со всеми категориями офицеров проведены две рекогносцировки местности.

Операция началась 5 июня. Еще ночью этого дня саперы местами проделали проходы в проволоке и минных полях, обозначив их небольшими колышками, и заложили удлиненные заряды для взрыва и проделывания дополнительных проходов.

5 июня с наступлением темноты разведывательный отряд начал выдвижение на исходные рубежи и к 2 часам 6 июня незамеченным для противника сосредоточился у проволоки против проделанных проходов.

В 2 часа 30 минут по сигналу залпа гвардейских минометов (на соседнем участке) саперы подорвали удлиненные заряды, и разведчики быстрым броском ворвались через образовавшиеся проходы в траншеи противника. В 3 часа 30 минут деревня была взята. В течение дня

противник пытался контратаковать, но все его атаки были отбиты с большими для него потерями.

7 июня ночью разведывательный отряд вернулся на свои позиции. В результате разведки боем была вскрыта вся огневая система противника, характер его оборонительных сооружений и численный состав гарнизона, выявлено также наличие резервов на данном направлении. Полученные ценные разведывательные данные позволили правильно подкорректировать замысел наступления дивизии и выполнить поставленную ей задачу без значительных потерь. Кроме того, в результате самого боя разведывательным отрядом было уничтожено до 500 солдат и офицеров противника, десять пулеметов, шесть орудий, минометная батарея, захвачено шесть пленных.

В третьем периоде для проведения разведки боем начали выделяться еще большие силы – по одному батальону от каждой дивизии первого эшелона армии. При этом эти подразделения усиливались танковой ротой или батареей САУ, взводами ранцевых огнеметов и сапер. Артиллерийская поддержка осуществлялась силами 3–4 полков (бригад) артиллерии, а то и ударами авиации. Проводилась такая разведка боем всего за одни сутки до начала общего наступления. Результат – как правило полностью вскрывалась система огня, подтверждались группировка противника и характер его обороны, в ряде случаев даже прорывалась первая позиция главной полосы обороны.

Правда, разведка боем по-прежнему была связана с большими людскими потерями. Поэтому далеко не все военачальники были сторонниками такого способа разведки. Так, генерал армии А.В. Горбатов в мемуарах пишет: «Такой способ разведки я ненавижу всеми фибрами души – и не только потому, что батальоны несут при этом большие потери, но и потому что подобные вылазки настораживают противника, побуждают его заранее принять меры против нашего наступления».

Вместе с тем отказ от проведения разведки боем в ряде операций периода войны приводил к серьезным потерям уже в ходе начавшегося наступления. Так, в разборе наступательной операции 8-й гвардейской армии 1-го Белорусского фронта по расширению Кюстринского плацдарма на реке Одер 22–24 марта 1945 года в качестве недостатков

указывалось: «Разведка боем не проводилась, и позиции боевого охранения были приняты за передний край. Противник определил сроки и направление главного удара. В период артподготовки оборона противника оказалась неподавленной. В результате, при бое за основную первую позицию, армия потеряла 122 танка и САУ, или 65–79 % от состава группы танков НПП».

В конце войны разведка боем организовывалась так, чтобы не дать возможности противнику раскрыть время перехода наших войск в наступление и направление главного удара. В целях введения противника в заблуждение она при подготовке наступления проводилась периодически на разных направлениях и в различное время суток. Подобного рода действия предпринимали наши войска в период подготовки Висло-Одерской операции в январе 1945 года. Тогда в течение нескольких суток специально выделенные стрелковые и разведывательные подразделения периодически вели активные действия на переднем крае. В результате этого разведку боем, проведенную 14 января 1945 года, противник принял за начало наступления наших войск и ввел в действие основные огневые средства.

Существовало жесткое требование, что во время проведения разведки боем все командиры подразделений, на участках которых она проводилась, находились на своих наблюдательных пунктах и лично изучали противника, его расположение и систему огня. Для наблюдения привлекались офицеры штабов и разведывательных подразделений. Кроме того, наблюдение за действиями противника велось с наблюдательных постов всех родов войск и специальных войск, а при необходимости выставлялись и дополнительные посты или наблюдатели.

В обороне разведку боем предусматривалось проводить в нескольких случаях. Во-первых, когда ожидалось наступление противника, а его группировка, способ и время перехода в наступление, а также направление главного удара были неизвестны или требовали уточнения и установить это другими средствами и способами разведки не удавалось. В этих условиях разведка велась с целью добывания данных, позволяющих определить нумерацию, силы, состав, группировку, способ перехода противника в наступление,

направление главного удара и исключить возможность внезапного перехода его в наступление.

Во-вторых, перед началом нашей контрподготовки, когда разведывательных данных о составе главной группировки противника и объектах поражения было недостаточно, а добыть их другими способами разведки не представлялось возможности. В этом случае перед разведкой боем ставилась цель исключить нанесение ударов нашими огневыми средствами по второстепенным объектам противника. В результате такой разведки можно было уточнить (установить) группировку войск противника, которая находится в непосредственном соприкосновении с обороняющимися и подлежит огневому поражению (подавлению).

В-третьих, в период нашей контрподготовки или после ее проведения. Целью разведки в такой обстановке являлось уточнение боеспособности и группировки противника, а также внесение замешательства в его войска, изготовившиеся или развертывающиеся для наступления.

Разведка боем во всех случаях вынуждала противника раскрывать имеющиеся в его распоряжении огневые средства и группировку войск, которые до этого он тщательно скрывал. Кроме того, подразделения, ведущие разведку боем, ворвавшись в расположение противника, добывали наиболее достоверные сведения о системе огня, группировке, характере занимаемых позиций, нумерации войск, захватывали пленных и документы убитых.

Одна из таких разведок боем была проведена в апреле 1944 года перед фронтом обороны 1-го стрелкового корпуса. Ее необходимость была вызвана тем, что замыслы и силы противника на этом участке были неясны. В то же время наблюдением и подслушиванием было отмечено двустороннее движение его подразделений и мелких групп, изменение режима огня и частое появление на его переднем крае рекогносцировочных групп. Все это свидетельствовало о подготовке наступления, но нужно было убедиться в правильности данных выводов.

Поэтому было принято решение провести разведку боем одновременно на трех направлениях. Для этой цели от 306-й, 204-й и 179-й стрелковых дивизий командиром корпуса было приказано выделить по одной стрелковой роте, каждую из которых поддерживали

два-три артиллерийских дивизиона 76-мм орудий, одна-две батареи 120-мм минометов, одна-две роты 82-мм минометов, 5–14 орудий для стрельбы прямой наводкой.

В результате проведения разведки боем удалось не только установить перегруппировку войск немцев, но и с достаточной полнотой изучить вновь созданную группировку противника, вскрыть систему его огня и намерения. В ходе самих боевых действий было захвачено семь пленных и уничтожено до 100 солдат и офицеров противника.

Таким образом, разведка боем в годы Великой Отечественной войны стала одним из распространенных средств получения разведывательных данных о противнике. Несмотря на большие потери, советским командованием она практиковалась довольно часто. Наиболее эффективной она была при подготовке наступления. При проведении разведки боем в обороне выяснилось, что данный вид разведки не всегда рационален. Так, если противник готовится к наступлению с ходу, то разведкой боем было невозможно вскрыть главную группировку наступающих войск, так как она находится в глубине его расположения.

Заградительные отряды

История создания заградительных отрядов уходит своими корнями в далекое прошлое. Так известно, что при штурме османами Константинополя в 1453 году первую волну образовали башибузуки (многоязычное нерегулярное войско), которых ударами плетей и железных прутьев подгоняли вперед шедшие за ними шеренги военной полиции.

Создавались такие отряды и в русской армии. Так, командующий 8-й армией А.А. Брусилов в 1915 году в одном из своих приказов писал: «Сзади нужно иметь особо надёжных людей и пулемёты, чтобы, если понадобится, заставить идти вперёд и слабодушных. Не следует задумываться перед поголовным расстрелом целых частей за попытку повернуть назад или, что ещё хуже, сдаться в плен».

Не гнушались создавать заградительные отряды и немцы в самом начале агрессии против СССР. Так, А. Бабаджанян в книге «Дороги победы» пишет о том, что позади наступавших румынских войск находились немецкие заградительные отряды, которые расстреливали отступающие части своих союзников» (Бабаджанян А. Дороги победы. М.: Молодая гвардия, 1975. С. 163).

Советское командование также не гнушалось подобными мерами принуждения. Так, в Директиве Управления особых отделов НКВД СССР № 39212 от 28 июля 1941 года об усилении работы по выявлению и разоблачению агентуры противника, перебрасываемой через линию фронта, было сказано:

«Одним из серьёзных средств выявления засылаемых к нам агентов германской разведки являются организованные заградительные отряды, которые должны тщательно проверять всех без исключения военнослужащих, неорганизованно пробирающихся с фронта в прифронтовую полосу, а также военнослужащих, группами или в одиночку попадающих в другие части. Однако имеющиеся материалы говорят о том, что работа заградительных отрядов ещё недостаточно организована, проверка задержанных лиц проводится поверхностно, зачастую не оперативным составом, а военнослужащими.

В целях выявления и беспощадного уничтожения агентуры противника в частях Красной Армии предлагаем:

1. Усилить работу заградительных отрядов, для чего выделить в отряды опытных оперативных работников. Установить, как правило, что опрос всех без исключения задерживаемых должен производиться только оперативными работниками.

2. Всех лиц, возвратившихся из германского плена, как задержанных заградительными отрядами, так и выявленных агентурным и другим путём, арестовывать и тщательно допрашивать об обстоятельствах пленения и побега или освобождения из плена.

Если следствием не будут добыты данные о причастности их к органам германской разведки, таких лиц из-под стражи освобождать и направлять на фронт в другие части, установив за ними постоянное наблюдение как со стороны органов особого отдела, так и со стороны комиссара части».

В сентябре 1941 года, в виду ухудшения положения на фронтах, по инициативе армейского руководства, Ставка Верховного главнокомандующего директивой № 001919 создает заградительные отряды в стрелковых дивизиях – по батальону (из расчета рота на полк). Вот их первичной задачей и было недопущение отхода войск. Только формировались они не из сотрудников НКВД, а из лучших, наиболее подготовленных и «обстрелянных» красноармейцев. Никакого права расстреливать отступающие части «из пулеметов» не было и у них. Максимум, для чего они имели право применить оружие, – это нейтрализация вооруженных зачинщиков бегства.

Об этом может свидетельствовать сообщение комиссара госбезопасности 3-го ранга С. Мильштейна народному комиссару внутренних дел Л.П. Берии о действиях особых отделов и заградительных отрядов войск НКВД СССР за период с начала войны по 10 октября 1941 года. В нем, в частности, указывалось:

«С начала войны по 10 октября с.г. Особыми отделами НКВД и заградительными отрядами войск НКВД по охране тыла задержано 657 364 военнослужащих, отставших от своих частей и бежавших с фронта. Из них оперативными заслонами Особых отделов задержано 249 969 человек и заградительными отрядами войск НКВД по охране тыла – 407 395 военнослужащих.

Из числа задержанных, Особыми отделами арестовано 25 878 человек, остальные 632 486 человек сформированы в части и вновь направлены на фронт...

По постановлениям Особых отделов и по приговорам Военных трибуналов расстреляно 10 201 человек, них расстреляно перед строем – 3321 человек» (Топтыгин А.В. Неизвестный Берия. М. – СПб., 2002. С. 439–440).

Теперь о самих заградительных отрядах. Приказом № 227 предписывалось «сформировать в пределах армии 3–5 хорошо вооруженных заградительных отрядов (по 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизий выполнить свой долг перед Родиной».

Такие отряды, как правило, занимали свои позиции в тылу соединений и частей, прибывших на фронт из резерва, и всегда – в тылу штрафных рот. Они никакого отношения к НКВД не имели, состояли из солдат и командиров Красной Армии, как правило, уже испытанных боями. Так, в 21-м заградотряде 67-й армии из 199 человек 151 участвовал в боях, многие имели ордена и медали. Они носили ту же форму, что и остальная армия.

О работе заградительных отрядов в первые месяцы после выхода в свет приказа № 227 может свидетельствовать сообщение Особого отдела НКВД Сталинградского фронта в Управление особых отделов НКВД СССР от 14 августа 1942 года «О ходе реализации приказа № 227 и реагировании на него личного состава 4-й танковой армии». В нем, в частности, было указано:

«Заградотрядами и заградбатальонами на 7.8.42 г. по частям и соединениям на участках армии задержаны 363 человека, из которых 93 чел. вышли из окружения, 146 – отстали от своих частей, 52 – потеряли свои части, 12 – пришли из плена, 54 – бежали с поля боя, 2 – с сомнительными ранениями.

В результате тщательной проверки: 187 человек направлены в свои подразделения, 43 – в отдел укомплектования, 73 – в спецлагерь НКВД, 27 – в штрафные роты, 2 – на медицинскую комиссию, 6 чел. арестованы и, как указано выше, 24 чел. расстреляны перед строем»...

В масштабах же всей РККА работа заградительных отрядов была весьма эффективной. Так, известно, что только за десять дней августа 1942 года заградотряды, сформированные военными советами армий, сражавшихся в составе Сталинградского фронта, задержали более 9 тыс. человек, самовольно покинувших поле боя.

С 1 августа по 15 октября 1942 года заградотрядами были задержаны 140 755 военнослужащих, сбежавших с передовой линии фронта. Из числа задержанных арестованы 3980 человек, расстреляны 1189 человек, направлены в штрафные роты 2776 человек, штрафные батальоны 185 человек, возвращены в свои части и на пересыльные пункты 131 094 человека. Поэтому в октябре 1942 года в войсках действующей армии было сформировано уже 193 армейских заградительных отряда, из них на Сталинградском фронте – 16, на Донском – 25.

В первой половине 1943 года заградительные отряды продолжали выполнять свои прямые обязанности. Общая обстановка на театре военных действий была еще довольно сложная – враг яростно огрызался, местами переходя в наступление. Среди личного состава РККА было немало людей, стремившихся уклониться от участия в боевых действиях. Однако случаи отступлений и дезертирства уже не носили массовый характер.

Об этом можно судить из спецсообщения начальника отдела контрразведки Смерш 69-й армии Воронежского фронта полковника Строилова от 18 июля 1943 года в Военный совет армии. В нем он докладывал, что «В порядке выполнения задачи по задержанию рядового и командно-начальствующего состава соединений и частей армии, самовольно оставивших поле боя, Отделом контрразведки Смерш 69-й армии 12 июля 1943 года из личного состава отдельной роты было организовано 7 заградотрядов, по 7 человек в каждом, во главе которых были поставлены по 2 оперативных работника».

В результате проведенной работы заградотрядами с 12 по 17 июля 1943 года были задержаны 6956 человек рядового и командно-начальствующего состава, оставивших поле боя или вышедших из окружения войск противника.

Но далее он указывал: «Необходимо отметить, что число задержанных военнослужащих, начиная с 15 июля, резко сократилось по сравнению с первыми днями работы заградотрядов. Если за 12

июля были задержаны 2842 человека, а за 13 июля – 1841 человек, то за 16 июля были задержаны 394 человека, а уже за 17 июля были задержаны всего лишь 167 человек, и то вышедших из окружения войск противника. Начавшийся в пятом часу 12 июля 1943 года массовый отход рядового, командно-начальствующего состава с поля боя организованными нами заградотрядами был в основном остановлен в 16 часов того же дня, а впоследствии совсем прекратился».

В этом донесении также говорилось о том, что в процессе боевых действий имели место случаи самовольного оставления поля боя целыми подразделениями. «Так, например, заградотрядом в районе с. Новая Слободка 14 июля с. г. были задержаны 3 подразделения 305-й сд, как то: батарея 76-мм пушек, гаубичная батарея и сапёрная рота. Другим заградотрядом в районе дер. Самойловки были задержаны 3 миномётные батареи 290-го армейского миномётного полка».

Из числа задержанных было арестовано 55 человек. Из них по подозрению в шпионаже – 20 человек, в терроре – 2 человека, в измене Родине – 1 человек, трусов и паникёров – 28 человек, дезертиров – 4 человека. Остальные военнослужащие из числа задержанных были направлены в свои части.

После перелома в войне и перехода советских войск в общее наступление заградительные отряды начали быстро терять свою первоначальную роль и обрести комендантскими функциями. Начальник политуправления 3-го Прибалтийского фронта генерал-майор А. Лобачев, к примеру, в августе 1944 года доносил в ГлавПУР: «Большая часть личного состава заградотрядов используется для охраны штабов армий, линий связи, дорог, прочесывания лесов и т. д. Характерна в этом отношении деятельность 7-го заградотряда 54-й армии. По списку в отряде 124 человека. Используются они так: 1-й автоматный взвод охраняет второй эшелон штаба армии; 2-й автоматный взвод придан 111-му стрелковому корпусу для охраны линии связи от корпуса до армии; стрелковый взвод придан 7-му стрелковому корпусу с той же задачей; пулеметный взвод находится в резерве командира заградотряда, а командир этого взвода назначен комендантом управления тыла армии...» Похожими были донесения и с других фронтов.

Насколько страшными для бойцов Красной Армии были эти заградительные отряды – сказать трудно. Безусловно, о них знали все, и особых симпатий они не вызывали. Но напрямую сталкиваться с этими отрядами приходилось не часто.

Так, Герой Советского Союза П.Н. Лащенко вспоминал: «Да, были заградительные отряды. Но я не знаю, чтобы кто-нибудь из них стрелял по своим, по крайней мере на нашем участке фронта. Уже сейчас я запрашивал архивные документы на этот счёт, таких документов не нашлось. Заградотряды находились в удалении от передовой, прикрывали войска с тыла от диверсантов и вражеского десанта, задерживали дезертиров, которые, к сожалению, были; наводили порядок на переправах, направляли отбившихся от своих подразделений солдат на сборные пункты. Скажу больше, фронт получал пополнение, естественно, необстрелянное, как говорится, порошу не нюхавшее, и заградительные отряды, состоявшие исключительно из солдат уже обстрелянных, наиболее стойких и мужественных, были как бы надёжным и сильным плечом старшего. Бывало нередко и так, что заградотряды оказывались с глазу на глаз с теми же немецкими танками, цепями немецких автоматчиков и в боях несли большие потери. Это факт неопровержимый»...

Другой участник войны, кавалер ордена Александра Невского А.Г. Ефремов писал: «Действительно, на угрожающих участках выставлялись такие отряды. Эти люди не какие-то изверги, а обычные бойцы и командиры. Играли они две роли. Прежде всего готовили оборонительный рубеж, чтобы отступающие смогли на нём закрепиться. Во-вторых, пресекали паникёрство. Когда наступил перелом в ходе войны, я не видел больше этих отрядов».

После успешного проведения Белорусской и Львовско-Сандомирской операций внешний облик РККА резко стал меняться в лучшую сторону. Это уже не была армия обороны, проводились одна за другой наступательные операции. Безусловно, отдельные случаи бегства с поля боя и даже дезертирства из своих частей были, но с этими явлениями боролись уже другие органы. 29 октября 1944 года приказом НКО № 0349 заградительные отряды были упразднены, а их личный состав был передан на пополнение стрелковых дивизий.

Таким образом, заградительные отряды всегда следует рассматривать как средство противодействия сложившейся обстановки

и низким боевым качествам войск. Чаще всего они присущи периоду оборонительных действий, проводившихся только что мобилизованными войсками в период массовых отступлений. Для наступающих войск такие органы дисциплинарного и карательного характера становятся не нужными.

СМЕРШ – смерть шпионам!

В 1941 году Сталин подписал постановление ГКО СССР о государственной проверке (филътрации) военнослужащих Красной Армии, бывших в плену или в окружении войск противника. Аналогичная процедура осуществлялась и в отношении оперативного состава органов госбезопасности. Филътрация военнослужащих предусматривала выявление среди них изменников, шпионов и дезертиров.

В начале войны этим вопросом занималось 3-е управление НКО и особые отделы НКВД.

После поражения немецких войск под Сталинградом началось освобождение территории СССР от противника. И тогда оказалось, что на ней остается большое количество бывших советских людей, по разным причинам перешедших на службу к врагу.

В марте 1943 года первый заместитель наркома внутренних дел В.Н. Меркулов собрал в Москве срочное совещание начальников особых отделов ряда фронтов и армий. Каждому из них была предоставлена возможность вкратце отчитаться о проделанной работе. В заключение Меркулов довел требование И.В. Сталина о необходимости улучшить контрразведывательную работу. Он процитировал приказ вождя: «Работать надо таким образом, чтобы ни один шпион, диверсант или террорист не смог ускользнуть от зоркого глаза особистов».

31 марта И.В. Сталин провел совещание по вопросу борьбы со шпионами с руководителями НКВД СССР Л.П. Берией, В.Н. Меркуловым и В.С. Абакумовым. Ко 2 апреля Меркуловым был подготовлен документ об образовании Наркомата госбезопасности, который был подписан Л.П. Берией и направлен И.В. Сталину. Но этот документ утвержден не был. 4 апреля В.Н. Меркулов представил новый вариант, но и он не был утвержден И.В. Сталиным.

13 апреля по вопросу борьбы со шпионами состоялось очередное представление данного документа. В целом он был одобрен. Но на предложение назвать контрразведку «СМЕРНЕШ» («Смерть немецким шпионам») Сталин отметил: «Речь идёт не только о борьбе с

немецкими шпионами. У нас пасутся разведки и других стран. Назовем просто Смерш.

Постановлением СНК СССР № 415–138сс о создании ГУКР Смерш было подписано И.В. Сталиным 19 апреля 1943 года. На него возлагалось решение следующих задач:

а) борьба со шпионской, диверсионной, террористической и иной деятельностью иностранных разведок в частях и учреждениях Красной Армии;

б) принятие через командование необходимых оперативных и иных мер «к созданию на фронтах условий, исключающих возможность безнаказанного прохода агентуры противника через линию фронта с тем, чтобы сделать линию фронта непроницаемой для шпионских и антисоветских элементов»;

в) борьба с предательством и изменой Родине в частях и учреждениях армии, с дезертирством и членовредительством на фронтах, проверка военнослужащих и других лиц, бывших в плену и окружении противника, а также «выполнение специальных заданий народного комиссара обороны».

Специальным пунктом постановления было отмечено, что органы Смерш освобождаются от выполнения других, кроме изложенных выше задач. Начальник ГУКР Смерш объявлялся заместителем наркома обороны, т. е. И.В. Сталина.

21 апреля 1943 года И.В. Сталин подписал Постановление ГКО № 3222 сс/ов «Об утверждении положения о Главном управлении контрразведки НКО Смерш. На основании данного постановления были созданы:

Главное управление контрразведки Смерш Народного комиссариата обороны СССР, начальник – комиссар государственной безопасности 2-го ранга В.С. Абакумов. Подчинялось непосредственно наркому обороны И.В. Сталину.

Управление контрразведки Смерш Народного комиссариата Военно-Морского флота СССР, начальник – комиссар ГБ П.А. Гладков. Подчинялось наркому флота Н.Г. Кузнецову.

15 мая 1943 года, в соответствии с упомянутым постановлением СНК, для агентурно-оперативного обслуживания пограничных и внутренних войск, милиции и других вооруженных формирований

Наркомата внутренних дел, приказом НКВД СССР № 00856 был создан:

Отдел контрразведки (ОКР) Смерш НКВД СССР (начальник – комиссар государственной безопасности С.П. Юхимович). Подчинялся наркому Л.П. Берии.

27 апреля 1943 года И.В. Сталин утвердил штат Главного управления Смерш НКО СССР в количестве 646 человек. Его руководящий состав был представлен следующими лицами:

Абакумов, Виктор Семёнович (19 апреля 1943 – 4 мая 1946 года), комиссар государственной безопасности 2-го ранга, с 9 июля 1945 года – Начальник Главного управления контрразведки (ГУКР) Смерш, генерал-полковник.

Заместители начальника:

Селивановский, Николай Николаевич (19 апреля 1943 – 4 мая 1946 года), комиссар государственной безопасности 3-го ранга, с 26 мая 1943 г. – генерал-лейтенант.

Мешик, Павел Яковлевич (19 апреля 1943 – 17 декабря 1945 года), комиссар государственной безопасности 3-го ранга, с 26 мая 1943 года – генерал-лейтенант.

Бабич, Исай Яковлевич (19 апреля 1943 – 4 мая 1946 года), комиссар государственной безопасности, с 26 мая 1943 года – генерал-лейтенант.

Врадий, Иван Иванович (26 мая 1943 – 4 мая 1946 года), генерал-майор, с 25 сентября 1944 года – генерал-лейтенант.

В состав ГУКР Смерш с апреля 1943 года входили следующие отделы, начальники которых были утверждены 29 апреля 1943 года приказом № 3 /сш Наркома обороны И.В. Сталина:

1-й отдел – агентурно-оперативная работа в центральном аппарате Наркомата обороны (начальник – полковник ГБ, затем генерал-майор Горгонов Иван Иванович).

2-й отдел – работа среди военнопленных, проверка военнослужащих Красной Армии, бывших в плену (начальник – подполковник ГБ Карташев Сергей Николаевич).

3-й отдел – борьба с агентурой, забрасываемой в тыл Красной Армии (начальник – полковник ГБ Утехин Георгий Валентинович).

4-й отдел – работа на стороне противника для выявления агентов, забрасываемых в части Красной Армии (начальник – полковник

государственной безопасности Тимофеев Петр Петрович).

5-й отдел – руководство работой органов Смерш в военных округах (начальник – полковник ГБ Зеничев Дмитрий Семенович).

6-й отдел – следственный (начальник – подполковник государственной безопасности Леонов Александр Георгиевич).

7-й отдел – оперативный учет и статистика, проверка военной номенклатуры ЦК ВКП(б), НКО, НКВМФ, шифрработников, допуск к совершенно секретной и секретной работе, проверка работников, командированных за границу (начальник – полковник Сидоров А.Е.; назначен позднее, в приказе данные отсутствуют).

8-й отдел – оперативной техники (начальник – подполковник государственной безопасности Шариков Михаил Петрович).

9-й отдел – обыски, аресты, наружное наблюдение (начальник – подполковник государственной безопасности Кочетков Александр Евстафьевич).

10-й отдел – Отдел «С» – специальных заданий (начальник – майор государственной безопасности Збраилов Александр Михайлович).

11-й отдел – шифровальный (начальник – полковник государственной безопасности Чертов Иван Александрович).

Кроме того, в составе этого ведомства были политотдел (начальник – полковник Сиденьков Никифор Матвеевич), отдел кадров (начальник – полковник Врядий Иван Иванович, административно-финансово-хозяйственный отдел (начальник – подполковник Половнев Сергей Андреевич и секретариат (начальник – полковник Чернов Иван Александрович). Общая численность центрального аппарата ГУКР Смерш НКО составляла 646 человек.

Кроме заместителей, начальник ГУКР СМЕРШ имел 16 помощников, каждый из которых курировал деятельность одного из фронтовых Управлений контрразведки Смерш. В их числе были:

Авсеевич, Александр Александрович (апрель – июнь 1943 года), полковник государственной безопасности, с 26 мая 1943 года – генерал-майор.

Болотин, Григорий Самойлович (1943 – 4 мая 1946 года), полковник государственной безопасности, с 26 мая 1943 года – генерал-майор.

Рогов, Вячеслав Павлович (май 1943 – июль 1945 года), генерал-майор.

Тимофеев, Пётр Петрович (сентябрь 1943 – 4 мая 1946 года), генерал-майор, с 1944 года – генерал-лейтенант (УКР Смерш Степного, с 16.10.1943 2-го Украинского фронтов).

Прохоренко, Константин Павлович (29 апреля 1943 – 4 октября 1944 года), полковник ГБ, с 26 мая 1943 года – генерал-майор.

Москаленко, Иван Иванович (май 1943 – 4 мая 1946 года) полковник государственной безопасности, с 6 мая 1943 года – генерал-майор, с 21 июля 1944 года – генерал-лейтенант.

Мисюрев, Александр Петрович (29 апреля 1943 – 4 мая 1946 года), полковник государственной безопасности, с 26 мая 1943 года – генерал-майор.

Кожевников, Сергей Федорович (29 апреля 1943 – 4 мая 1946 года), полковник государственной безопасности, с 26 мая 1943 года – генерал-майор.

Ширманов, Виктор Тимофеевич (на июль 1943 года), полковник, с 31 июля 1944 года – генерал-майор. (УКР Смерш Центрального, с 16.10.1943 Белорусского фронтов).

Штат управления Смерш фронта насчитывал 130 человек. Управление состояло:

1-й отдел – штаб и управления фронта.

2-й отдел – контрразведывательная работа в тылу, борьба с агентурой противника (парашютисты), работа среди военнослужащих, фильтрация находившихся в плену или окружении.

3-й отдел – руководство работой подчиненных органов, борьба с подрывной деятельностью иностранных разведок, антисоветскими элементами, изменой Родине, воинскими преступлениями.

4-й отдел – следственный.

Отделы контрразведки НКО Смерш были созданы и в армиях в количестве 57 человек. Они состояли из пяти отделений.

1-е – работа по штабу, отделам, управлениям.

2-е – работа по управлению тыла и его объектам.

3-е – руководство подчиненными органами (корпусами, дивизиями, бригадами).

4-е – борьба с агентурой противника, фильтрация, зафронтная работа.

5-е – следственное отделение.

Для комплектования органов Смерш помимо бывших сотрудников особых отделов НКВД в Смерш массово призвали армейских офицеров, а также «профильных» специалистов с гражданки, в частности юристов.

Первым приказом по личному составу ГУКР Смерш, 29 апреля 1943 года, (приказ № 1/сш) нарком обороны СССР И.В. Сталин установил новый порядок присвоения званий офицерскому составу нового Главка, имевшему преимущественно «чекистские» спецзвания. В соответствии с этим приказом лицам, имевшим воинские звание с приставкой «государственной безопасности», было приказано именоваться только по основному званию, без данной приставки. Так, офицер, ранее имевший звание лейтенант государственной безопасности, впредь должен был именоваться просто «лейтенант», и т. д. вплоть до полковника. Остальным лицам начальствующего состава, имевшим звание комиссар государственной безопасности и выше, воинские звания присваивались в персональном порядке. Вместе с тем имеется достаточно примеров, когда военные контрразведчики-«смершевцы» (особенно это касается старших офицеров) и далее носили персональные звания госбезопасности. Так, начальник ГУКР НКО СССР Смерш В.С. Абакумов – единственный «армейский смершевец», несмотря на назначение его по совместительству заместителем Наркома обороны (занимал этот пост чуть более месяца – с 19.04 по 25.05.1943 года), сохранял за собой вплоть до июля 1945 года «чекистское» спецзвание комиссар государственной безопасности 2-го ранга. Начальник ОКР НКВД СССР Смерш С.П. Юхимович до июля 1945 года оставался комиссаром государственной безопасности 3-го ранга. Но при этом для всех сотрудников контрразведки были сохранены оклады содержания, выслуга лет, снабжение и нормы продовольственных и промышленных пайков, установленные ранее для органов НКВД. Сотрудникам всех трех ведомств Смерш надлежало носить форму одежды и знаки различия воинских частей и соединений, ими обслуживаемых.

Для пополнения органов Смерш кадрами были созданы 1-я и 2-я Московские школы, соответственно, на 600 и 200 человек, Ташкентская школа (300 человек), Хабаровская (250 человек) и курсы в Новосибирске и Свердловске на 250 человек. Срок обучения

предусматривался в течение от шести до девяти месяцев. В начале 1943 года новосибирские и свердловские курсы были реорганизованы в школы. В этих военно-учебных заведениях, кроме чисто военных дисциплин, преподавались специальные дисциплины по оперативно-разыскной работе.

В феврале 1944 года для обучения работников контрразведки публикуется «Сборник материалов об организации германской разведки, действующей на советском фронте». В апреле того же года в органы Смерш был разослан аналогичный сборник об органах финской военной разведки.

Постановлением СНК от 6 января 1945 года при штабах фронтов начали функционировать отделы по делам репатриации, в работе которых принимали участие сотрудники органов Смерш. Возглавил эти отделы генерал-лейтенант Ф.И. Голиков. Данные отделы создавали сборно-пересыльные пункты для приема и проверки советских граждан, освобожденных Красной Армией. Всего было создано 16 таких пунктов.

В 1990-е гг. либеральная пресса подняла волну, связанную с работой советских органов в годы Великой Отечественной войны. Не обошли своим вниманием они и Смерш. Так, было заявлено, что с 1941 по 1945 год советскими органами было арестовано около 700 тыс. человек – около 70 тыс. из них расстреляно. Также сообщается, что через «чистилище» Смерша прошло несколько миллионов человек и около четверти из них тоже были казнены. В годы войны был арестован 101 генерал и адмирал: 12 умерли во время следствия, 8 освободили за отсутствием состава преступления, 81 был осужден Военной коллегией Верховного суда и особым совещанием.

Также сообщалось, что для слежки и контроля над инакомыслием Смерш создал и поддерживал целую систему слежки за гражданами в тылу и на фронте. Сотрудники этих органов без разбору хватили совершенно невинных людей, а угрозы расправы приводили к сотрудничеству их с секретной службой и к безосновательным обвинениям против военнослужащих и гражданского населения.

Много писалось о том, что органы Смерш выполняли функцию тайной полиции в войсках, в каждом соединении имелся свой особист, который вёл дела на солдат и офицеров, имеющих проблемные

биографии, и вербовал агентуру. Зачастую агентура Смерш проявляла героизм на поле боя, особенно в ситуации паники и отступления.

Также сообщалось, что Смерш играл большую роль в распространении сталинской системы террора на страны Восточной Европы, где установились дружеские к Советскому Союзу режимы. Например, сообщалось, что на территории Польши и Германии после войны некоторые бывшие нацистские концлагеря продолжали функционировать «под эгидой» Смерш как место репрессий идеологических противников новых режимов. При этом в качестве доказательства приводилась информация, что в бывшем нацистском концлагере Бухенвальд ещё несколько лет после войны содержалось свыше 60 тыс. противников социалистического выбора.

При этом авторы совершенно упускали тот факт, что главными противниками Смерш, в его контрразведывательной деятельности были абвер, немецкая служба разведки и контрразведки, полевая жандармерия и Главное управление имперской безопасности РСХА, а также финская военная разведка. Начиная с 1943 года противник повысил интенсивность заброски своей агентуры через линию фронта на самолетах. При отступлении германских войск в тылу Красной Армии оставались агентурные группы, отдельные агенты-диверсанты, а также связанное с ними или действующее самостоятельно разного рода националистическое подполье. Количество людей, задействованных в этих структурах, исчислялись сотнями тысяч человек.

Также упускался тот факт, что вопреки распространенному мнению органы Смерш не могли приговорить кого-либо к тюремному заключению или расстрелу, так как не являлись судебными органами. Приговоры выносил военный трибунал или Особое совещание при НКВД СССР. Санкцию на аресты среднего командного состава контрразведчики должны были получать от Военного совета армии или фронта, а старшего и высшего начальствующего состава – от наркома обороны.

Важно и то, что заградотряды при органах Смерш никогда не создавались и сотрудники Смерша их никогда не возглавляли. В начале войны заградительные мероприятия осуществлялись войсками НКВД по охране тыла действующей армии. В 1942 году начали создаваться заградительные отряды при каждой армии, находившейся

на фронте. Фактически они предназначались для поддержания порядка во время боёв. Только во главе заградотрядов Сталинградского и Юго-Западного фронтов в сентябре – декабре 1942 года стояли работники особых отделов НКВД.

Правда, заградительные службы активно использовались работниками Смерша для розыска агентуры разведки противника. Например, накануне наступательных операций фронтов большой размах приобретали с участием органов Смерш мероприятия по линии заградслужбы. В частности, осуществлялось прочёсывание военных гарнизонов, до 500 и более населенных пунктов с прилегающими к ним лесными массивами, производился осмотр нежилых помещений, тысяч заброшенных землянок. В ходе таких «зачисток», как правило, задерживалось большое число лиц без документов, дезертиров, а также военнослужащих, имевших на руках документы с признаками, указывающими на их изготовление в абвере.

Основных направлений работы органов Смерш было несколько.

Во-первых, это борьба с агентами в расположении действующей армии. Борьба с этими элементами стала одной из главных задач органов Смерш. Так, только с 25 октября по 1 декабря 1944 года органами Смерш действующей армии в расположении частей советских войск было арестовано 776 агентов германской разведки и контрразведки, сброшенных на парашютах или оставленных немцами при отступлении.

Во-вторых, проведение разведывательных операций за линией фронта. С 1 октября 1943 года по 1 мая 1944 года советской контрразведкой было переброшено в тыл противника 345 зафронтowych агентов, в том числе 50 перевербованных германских разведчиков. 57 человек внедрились в разведывательные органы противника. Из них 102 человека вернулись после выполнения поставленного задания, а 26 остались продолжать разведывательную деятельность. Кроме того, за счет внедрения в части РОА и полицейские части, в период с апреля 1943 года по февраль 1944 года из состава этих формирований на советскую сторону через линию фронта и к партизанам перешло 1202 человека.

В-третьих, фильтрация солдат, вернувшихся из плена, а также предварительная зачистка прифронтовой полосы от немецкой агентуры и антисоветских элементов (совместно с войсками НКВД по

охране тыла действующей армии и территориальными органами НКВД). Смерш принимал активное участие в розыске, задержании и ведении следствия по делам советских граждан, действовавших в антисоветских вооруженных группах, воевавших на стороне Германии, таких как Русская освободительная армия.

В-четвертых, непосредственное участие в боях. Известно, что военные контрразведчики Смерш иногда не только выполняли свои прямые обязанности, но и непосредственно участвовали в боях с гитлеровцами, нередко в критические моменты принимали на себя командование ротами и батальонами, потерявшими своих командиров. Немало армейских чекистов погибло при исполнении служебных обязанностей, заданий командования Красной Армии и Военно-Морского Флота.

Например, ст. лейтенант А.Ф. Калмыков, оперативно обслуживавший батальон 310-й стрелковой дивизии, был награждён посмертно орденом Красного Знамени за следующий подвиг. В январе 1944 года личный состав батальона пытался овладеть штурмом деревней Осия Новгородской области. Наступление было остановлено сильным огнём противника. Повторные атаки результатов не давали. По договорённости с командованием Калмыков возглавил группу бойцов и с тыла проник в деревню, обороняемую сильным вражеским гарнизоном. Внезапный удар вызвал у немцев замешательство, однако их численное превосходство позволило окружить смельчаков. Тогда Калмыков вызвал по радиации «огонь на себя». После освобождения деревни на её улицах, кроме погибших советских воинов, было обнаружено около 300 трупов противника, уничтоженного группой Калмыкова и огнём советских орудий и миномётов.

В-пятых, радиоигры. Одной из форм борьбы с противниками были радиоигры. Известно, что с 1943 года до окончания войны одних только радиоигр центральным аппаратом ГУКР Смерш НКО СССР и его фронтовыми управлениями было проведено 186. В ходе этих игр на советскую территорию удалось вывести свыше 400 кадровых сотрудников и гитлеровских агентов, захватить десятки тонн грузов. Можно назвать такие операции, основанные на радиоиграх, как «Ястреб», «Львов», «Бандура», «Дуэт», «Казбек», «Контролеры», «Лесники», «Связисты», «Арийцы», «Янус», «Приятеля», «Трезуб», «Туман» и многие другие.

Для обеспечения оперативной работы, охраны мест дислокации, конвоирования и охраны арестованных из частей Красной Армии органам Смерш выделялись: для фронтового управления Смерш – батальон, для армейского отдела – рота, для отдела корпуса, дивизии и бригады – взвод.

Таким образом, органы Смерш сыграли положительную роль в решении задач вооруженной борьбы в годы Великой Отечественной войны. Благодаря их усилиям в тылу действующей армии было разоблачено большое количество вражеских агентов и их пособников. Сотрудники Смерша успешно работали и за линией фронта. Кроме того, они выполнили большую работу среди военнопленных и гражданского населения в районах, освобожденных Красной Армией.

Всего уполномоченными СКН по репарации на фронтах за все время их существования было учтено 1,7 млн человек. В том числе: бывших военнослужащих – 495 тыс. 911 человек, гражданских лиц – 1 млн 186 тыс. человек. Из них 1,4 млн человек были отправлены по месту жительства, 497 тыс. – в распоряжение Главного управления по комплектованию Красной Армии, а 144 тыс. – для дальнейшей проверки в проверочно-фильтрационные лагеря (ПФЛ).

Всего же по состоянию на 15 мая 1945 года через проверочно-фильтрационные лагеря в порядке проверки прошло 551,8 тыс. человек. Из них 277,4 тыс. человек были направлены в Красную Армию, 14,5 тыс. – в конвойные войска и охрану лагерей, 111 тыс. – на работу в народное хозяйство, и только 15,5 тыс. были арестованы по различным основаниям.

При этом нужно сказать и то, что служба оперативного состава ГУКР Смерш была крайне опасной – в среднем оперативник служил 3 месяца, после чего выбывал по смерти или ранению. Только во время боев за освобождение Белоруссии погибли 236 и пропали без вести 136 военных контрразведчиков.

Всего за годы войны четверо сотрудников Смерша были удостоены высшей награды – звания Героя Советского Союза: старший лейтенант Пётр Анфимович Жидков, лейтенант Григорий Михайлович Кравцов, лейтенант Михаил Петрович Крыгин, лейтенант Василий Михайлович Чеботарёв. Все четверо удостоены этого звания посмертно. Первым фронтовым контрразведчиком, удостоенным звания Героя Советского Союза (посмертно), был ст. лейтенант П.А.

Жидков – оперуполномоченный отделения контрразведки Смерш мотострелкового батальона 71-й механизированной бригады 9-го механизированного корпуса 3-й гвардейской танковой армии.

7 июля 1945 года аппараты уполномоченных были ликвидированы. Во всех германских землях и округах советской зоны ответственности были организованы оперативные сектора, а в 35 городах – оперативные группы НКВД. Они-то и вели дальнейшую оперативную работу. Так, в середине июня 1945 года откомандированный в Восточную Пруссию для охраны тыла 3-го Украинского фронта Ф.Я. Татушкин докладывал в НКВД СССР о том, что за период с 10 мая по 15 июня было арестовано 657 германских агентов разведки и контрразведки, диверсантов и террористов, 161 сотрудник гестапо, СД и других карательных органов, 938 активных членов НСДАП, 35 руководителей областных и районных организаций фашистской молодежи, 71 участник, оставленных немцами для подрывной работы.

Преступность в СССР в годы войны

Начавшаяся Великая Отечественная война вызвала в советском народе не только патриотические чувства, но и многие другие настроения и чаяния. Наряду с заботой о Родине и Победе, что было присуще подавляющей части советского общества, обострились и такие чувства, как желание выжить любой ценой, сохранить свое имущество, а у некоторых граждан даже появились низменные страсти к наживе. Государству, мобилизовавшему все силы на войну, нужно было решительно вести борьбу с данными проявлениями.

В то же время преступные элементы, пользуясь неразберихой, а в некоторых случаях и паникой, дефицитом почти всех товаров, стали действовать дерзко, порой откровенно нагло, совершая лихие налеты на магазины, квартиры граждан, автомобили и простых прохожих. Этому во многом способствовало и то, что во время войны было введено затемнение, в связи с чем улицы населенных пунктов с вечера до раннего утра погружались во мрак. Многочисленные пустыри, лабиринты узких улочек частного сектора, сады и парки позволяли опытным преступникам легко и быстро скрыться от милиции.

Во время Великой Отечественной войны советские города подвергались систематическим налетам немецкой авиации, причем нередко целями бомбардировок были жилые кварталы города. Иногда воздушные тревоги объявлялись по пять-шесть раз в сутки и более. Это приводило к тому, что значительная часть населения покидала жилища и долгое время находилась в укрытиях, а имущество этих людей оставалось без присмотра. Некоторые дома попросту пустели. Вызванные этими налетами разрушения и пожары также способствовали возникновению хаоса, под прикрытием которого можно было хорошенько поживиться.

Преступным элементам способствовало и то обстоятельство, что в годы войны основная масса граждан СССР работала по 10–12 часов, опять же надолго оставляя свои дома и квартиры. Не случайно, что самыми распространенными преступлениями стали кражи из квартир, чьи хозяева находились на работе либо временно покинули свои

жилища в связи с воздушной тревогой. Были и случаи мародерства, когда грабители снимали ценные вещи с погибших граждан.

В первой половине 1942 года значительное распространение получили такие преступления, как убийства и покушения на убийства с целью овладения продовольственными карточками и продуктами питания. Воровство продовольственных карточек происходило, как правило, в очередях, на рынках, в транспорте. Продукты воровались из квартир людей, временно покинувших их по какой-то причине.

Ценность представляли не только продукты, но и любая одежда. Из-за дефицита любой товар можно было сбыть на рынке. В связи с этим городские рынки вскоре превратились в места скопления криминальных элементов, которые не только ими контролировались, но и развивались. На рынках, где традиционно скапливался воровской элемент и сбывалось краденое, милиция проводила массовые проверки документов и облавы с последующей проверкой всех подозрительных лиц. Лица без определенных занятий арестовывались и выдворялись из городов. В связи с ростом карманных краж милиция формировала специальные оперативные группы, которые в штатской одежде патрулировали рынки, трамваи и трамвайные остановки, особенно в часы пик.

Положение по борьбе с преступностью усугублялось изменением в худшую сторону качественного состава самих правоохранительных органов. К 1943 году во многих органах милиции значительно обновился личный состав. Старые, опытные сотрудники ушли на фронт, а на их место пришли малоопытные и недостаточно обученные люди. При этом бандитские группы, как правило, значительно пополнялись уголовниками, скрывающимися от правоохранительных органов, дезертирами, уклонистами от призыва в армию. Кроме этого, криминогенная обстановка, например в ряде восточных регионов страны осложнялась перемещением через них из западных районов в Казахстан, на Урал и в Сибирь огромных потоков людских масс, размещением большого числа эвакуированных. К примеру, в годы войны в Саратовской области четверть всего населения была некоренной.

Следует признать, что в ходе Великой Отечественной войны преступность в стране росла. Только по зарегистрированным милицией преступлениям, в 1942 году по сравнению с 1941 годом

уровень преступности по стране возрос на 22 %, в 1943 году рост составил 21 % по сравнению с предыдущим годом, а в 1944 году соответственно – 8,6 %. При этом наибольший прирост дали тяжкие преступления. Если во второй половине 1941 года в СССР (только на не оккупированной территории) были зарегистрированы 3317 убийств, то в 1944 году – уже 8369, а число разбойных нападений и грабежей выросло соответственно с 7499 до 20 124. Но наиболее впечатляет рост краж с 252 588 до 444 906 и скотокрадства – с 8714 до 36 285. И только в 1945 году наметилось некоторое снижение уровня преступности.

Основная работа по борьбе с преступностью в годы войны лежала на милиции, входившей в структуру НКВД. При этом сотрудникам правоохранительных органов приходилось действовать в трудных условиях. Многие опытные работники были отправлены на фронт, на их место приходили молодые, необстрелянные кадры. Не хватало оружия и автотранспорта, работа в тылу осложнялась наплывом беженцев и эвакуированных.

Чтобы результативнее бороться с этим явлением, в январе 1942 года Пленум Верховного суда СССР своим постановлением установил, что кражи у эвакуированных необходимо квалифицировать как совершенные во время стихийных бедствий, а если они были совершены при дополнительныхотягчающих обстоятельствах: группой лиц, рецидивистом и др. – то уже как бандитизм.

Несмотря на это, в августе 1942 года размах бандитизма в Саратове принял огромные масштабы. «В борьбе с преступностью тесно взаимодействовали подразделения уголовного розыска, ОБХСС, паспортные службы, участковые милиционеры и подразделения внутренних войск НКВД. В течение года саратовские милиционеры изыали у преступников в общей сложности два миллиона рублей, 2100 рублей золотыми монетами царской чеканки, 360 долларов США, 4,8 кг изделий из драгоценных металлов и 6,5 кг серебра».

В 1943 году в ходе проведения операции «Танго» правоохранительными органами была обезврежена бандитская группа Луговского – Бизяева, состоявшая из двенадцати человек. Она, подобно московской «Черной кошке» из знаменитого фильма, длительное время терроризировала население областного центра, создавала у граждан атмосферу страха и неуверенности. Практически ежедневно в различных частях Саратова бандитами совершались

убийства, дерзкие вооруженные налеты на денежные кассы государственных учреждений, магазины и склады.

В конце того же 1943 года в Пензенской области милиционеры ликвидировали бандитскую группу Жилина. Она состояла из 19 человек и совершила 18 вооруженных налетов. При этом бандиты действовали дерзко, стараясь не оставлять свидетелей.

29 ноября 1944 года в г. Мурманске старший оперуполномоченный лейтенант Туркин, обходя городской рынок, по подозрению в продаже краденых вещей, задержал гражданина в военной форме, назвавшегося А.С. Богдановым. При следовании в областное управление НКВД тот неожиданно выхватил из кармана наган и попытался выстрелить в милиционера. Однако Туркин сумел обезоружить Богданова и доставил его в управление. Впоследствии выяснилось, что накануне задержанный совершил кражу, а краденые вещи принес продавать на рынок.

Результативность работы милиции была достаточно высокой. Так, только в Ленинграде органы НКВД изъяли у спекулянтов и воров 9,5 млн рублей наличных денег, 41 215 рублей золотой монетой и 2,5 млн рублей облигациями госзаймов, а также почти 70 кг золота, полтонны серебра, 1537 бриллиантов, 1295 золотых часов, 36 км мануфактуры и 483 тонны продуктов питания! Уже одни эти цифры говорят о том, что уровень жизни в блокадном Ленинграде у разных людей сильно отличался.

У бандитов был обнаружен большой арсенал оружия, коим можно было вооружить полдивизии: 1113 винтовок, 820 ручных гранат, 631 револьвер и пистолет, десять автоматов и три пулемета, а также почти 70 тыс. патронов. Что касается социального состава осужденных, то среди них больше всего было рабочих – 10 тыс. человек. Второе место занимали лица без определенных занятий – 8684 человека.

В годы Великой Отечественной войны бандитизм широко распространился и в отдаленных районах СССР, в том числе в Сибири. Типичный пример – криминальная деятельность так называемой банды Павлова в Томмотском районе Алданского округа Якутской АССР. Свое название эта «бригада» получила по имени организатора Егора Николаевича Павлова – 50-летнего эвенка. До войны этот гражданин был членом ВКП(б) и занимал должность председателя колхоза. Но война в корне изменила судьбу этого человека.

Началось все с того, что в августе 1942 года из возглавляемого Павловым колхоза имени 18-й Партконференции началось массовое бегство колхозников. Почти одновременно из него вышли восемь промысловиков-охотников, которые после этого с семьями ушли в тайгу, к ним присоединились и еще три единоличника. Однако просто так отсиживаться в лесной чащобе «павловцы» не собирались.

Сколотив банду, частично основанную на родственных связях, они 22 ноября 1942 года напали на табор оленевода Хатырхайского прииска. Их трофеями стали двадцать оленей, принадлежавших прииску. На следующий день «отряд» совершил уже куда более дерзкую вылазку. Атаке подвергся участок «Крутой», где бандиты произвели подворный обыск и массовое изъятие оружия у населения. Попутно ими был ограблен местный магазин и взяты «пленные» – рабочие старательских бригад. В центре Хатырхайского прииска «павловцы» атаковали контору с целью грабежа золота и денег. Однако небольшой вооруженный отряд во главе с начальником прииска и парторгом организовали оборону.

Перестрелка длилась до поздней ночи. Бандиты уже в темноте взломали склад с продовольствием. Загрузив товарами 15 нарт, они отправили добычу в тайгу к месту нахождения своего табора. Перед уходом они подожгли радиостанцию, а выбежавшую оттуда безоружную женщину – врача местной приисковой больницы Каменскую – застрелили.

Так начинался грабеж приисков и террор мирных жителей бандой Павлова. В дальнейшем нападения на прииски следовали одно за другим. Только с одного прииска Хатырхай «бригада» Павлова вывезла семь тонн муки, разных промышленных товаров на сумму 10 310 рублей в золотом исчислении, угнала двадцать оленей, попутно ограбив все мирное население.

Милиция той местности бросила все силы на борьбу с бандой Павлова. Благодаря этому в феврале 1943 года со значительными потерями личного состава сотрудники НКВД сумели обезвредить банду.

Помимо банды Павлова, в 1941–1945 гг. в самом Якутске, а также в других районах страны удалось ликвидировать и ряд других бандформирований.

Важнейшей задачей для органов внутренних дел во время Великой Отечественной войны стала борьба с дезертирством. Надо признать, что дезертирство в эти годы было достаточно распространенным явлением. При этом одни дезертиры, сбежав с фронта, попадали в различные банды, другие – благополучно устраивались на работу и даже занимались «бизнесом».

При этом надо сказать, что именно село стало основным приютом для бежавших из армии солдат. Здесь народ жил проще, нежели в городе, документы у «вернувшихся с фронта» не проверяли, и односельчане верили в то, что их «отпустили» по состоянию здоровья. Разоблачение чаще всего наступало только после письменного сообщения командиров воинских частей о дезертирстве военнослужащего. Впрочем, если человеку удавалось затеряться в суматохе боя и только потом сбежать, был шанс попасть в графу «пропал без вести». В таком случае вероятность быть пойманным становилась еще меньше. Тут важно было успеть предупредить родственников до получения теми соответствующего извещения. Впрочем, бумаги эти, как правило, приходили с большим опозданием или вообще не приходили. Иногда у дезертира был шанс, что его воинская часть, скажем, попадет в окружение и погибнет, а документы сгорят или попадут к противнику. Тогда бы о бегстве солдата никто не узнавал.

Работа по розыску дезертиров и призыву новобранцев лежала на плечах районных военкоматов. Наибольшее число дезертиров с фронта было в 1941 году. Но в 1942 году власти, видимо, вздохнув после окончания битвы за Москву, всерьез «озаботились» судьбой тысяч сбежавших из армии бойцов. Но не каждого пойманного дезертира настигала суровая кара. Смертная казнь в отношении них применялась примерно в 8–10 % случаев. А у «уклонистов», то есть не явившихся в военкомат по повестке или иным способом избежавших призыва в армию, встать к стенке шансов было еще меньше. У большинства же появлялся второй шанс послужить Родине, но уже в штрафной роте. К высшей же мере наказания людей приговаривали только за неоднократное дезертирство и дезертирство, связанное с грабежами и другими тяжкими преступлениями. Из-за большого числа дезертиров у следственных органов не хватало времени на тщательное расследование каждого случая. Дела, как правило, велись

поверхностно, данные о дезертирстве вписывались в протокол со слов обвиняемого без всякой проверки. Детали побега с фронта, местонахождение оружия и соучастники не всегда выявлялись.

Впрочем, и в крупных городах, несмотря на, казалось бы, строгие военные порядки, дезертирам удавалось не просто скрываться, а жить прямо у себя дома. Так, некто Шатков сбежал с фронта 28 ноября 1941 года и прибыл в родной город Горький, где без всякой прописки проживал со своей семьей. Задержан он был лишь 11 января 1942 года, опять же после получения сообщения командира части. Всего только за 1942 год в Горьковской области были выловлены и осуждены 4207 дезертиров, при этом многим другим удалось избежать наказания.

Статистика «отлова» дезертиров была более, чем внушительной. В июле – сентябре 1944 года по приказу Л.П. Берии органы НКВД, НКГБ, прокуратуры и Смерш провели масштабную операцию по выявлению дезертиров и уклонистов. В результате этой акции в 1944 году в Саратовской области было выловлено 5700 дезертиров, в Сталинградской – шесть тысяч дезертиров.

В результате проведения этой акции всего по стране были арестованы в общей сложности 87 923 дезертира и еще 82 834 уклониста от службы. Из числа задержанных 104 343 человека были переданы в райвоенкоматы и пополнили ряды Красной Армии перед заключительным этапом Второй мировой войны.

Мнения и том, что всех выловленных дезертиров ожидало суровое наказание, – не всегда верно. Некоторые из них умудрялись избегать его по несколько раз. Вот один из многочисленных примеров. 31 декабря 1942 года уже шесть раз судимый вор, некий Г.В. Киселев был освобожден из тюрьмы и направлен в воинскую часть, откуда очень быстро дезертировал. 30 августа 1943 года его снова арестовали, осудили еще на десять лет и снова отправили «искупать вину» в Красную Армию. И опять Киселев оттуда сбежал и продолжил заниматься грабежами и кражами. 10 октября того же 1943 года он был арестован снова, но и на этот раз сумел дезертировать. И только в стычке с милицией при очередном ограблении данный преступник был убит.

Всего за весь период Великой Отечественной войны из рядов Красной Армии, по разным оценкам, убежали от 1,7 до 2,5 млн человек, включая перебежчиков к противнику. При этом по статье «за

дезертирство» были осуждены только 376,3 тыс. человек, а 212,4 тыс. из числа дезертиров, объявленных в розыск, найти и наказать так и не удалось.

К особой категории в годы Великой Отечественной войны относились лица, совершавшие преступления в экономической области. Трудности с продовольствием, карточная система породили новые виды преступлений, такие как кражи и сбыт по спекулятивным ценам продовольственных карточек, хищения продовольствия со складов, из магазинов и столовых, сбыт и скупка золота, драгоценностей, контрабандных товаров. Основной контингент арестованных по статьям «спекуляция» и «хищение соцсобственности» составляли работники торгово-снабженческих организаций, магазинов, складов, баз и столовых.

Борьбу с этими людьми вели сотрудники отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности (ОБХСС), которые проводили внезапные проверки торговых организаций и столовых, контролировали работу вахтерско-сторожевой службы, следили за порядком на крупных предприятиях, обеспечивали сохранность и строжайшее распределение продовольственных и промтоварных карточек, выслеживали и задерживали с поличным спекулянтов.

Законодательная основа этих действий была разработана еще в 30-е годы. Уже тогда, в отличие от обычной кражи, за которую можно было отделаться и условным сроком, хищение соцсобственности (фактически госсобственности) согласно Постановлению ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 года каралось лишением свободы на срок до десяти лет с конфискацией. В блатной среде это постановление именовали «Указ 7–8».

С переходом страны на военные рельсы, хищения материальных средств происходили и в армии. Поэтому 3 марта 1942 года Госкомитет обороны СССР принял секретное постановление № 1379сс «Об охране военного имущества Красной Армии в военное время». Согласно ему, за хищение оружия, продовольствия, обмундирования, снаряжения, горючего и т. п., а также за его умышленную порчу устанавливалась высшая мера наказания – расстрел с конфискацией всего имущества преступника. За «разбазаривание», т. е. недостаточно строгий учет и пропажу военного имущества, полагалось давать не менее пяти лет лишения свободы.

Одним из факторов, определявших значение и формы борьбы с экономической преступностью в СССР, выступала высочайшая степень огосударствленности советской экономики. В силу этого преступления в хозяйственной сфере либо иные антиобщественные деяния экономической направленности нередко имели признаки должностного злоупотребления, характеризовались определенной политической составляющей. В свою очередь, сугубо должностные преступления наряду с противоправностью самого деяния нередко сопровождались ощутимым экономическим ущербом.

В связи с этим приходится отметить проявление в советском государственном аппарате в условиях неблагоприятной обстановки на фронте тревожных тенденций. Так, отмечались факты, когда при приближении противника часть ответственных работников «пускалась в бега», покидая на произвол судьбы возглавляемые участки, имущество и подчиненных. В этом плане весьма характерна ситуация, сложившаяся 16–17 октября 1941 года в Москве, где в условиях эвакуации началась массовая паника. Она охватила не только рядовых жителей столицы, но и руководящее звено города. Так, только 16 октября из Москвы бежало 779 руководящих работников.

Чрезмерная «пугливость», проявленная частью советского руководства, нередко сопровождалась различными формами шкурничества, наносившего нашей стране наряду с дискредитацией власти ощутимый экономический ущерб. Дело в том, что каждый из этих работников старался вывезти с собой все наиболее ценное. Кроме того, бегство таких руководителей создавало благоприятную почву для массовых хищений ценностей на местах.

Например, в сентябре 1941 года, когда противник стал угрожать захватом Ленинграда, «...часть руководителей предприятий поддалась паническим настроениям и проявила «эгоистический интерес», выразившийся в стремлении «использовать государственные средства в личных целях»... сам факт того, что 5 сентября 1941 года, когда ожидался штурм города, бюро ГК ВКП(б) сочло необходимым принять специальное постановление «Об усилении финансового контроля за расходованием государственных средств и материальных ценностей», говорит о многом... В документе, в частности, говорилось: «...в последнее время имеют место случаи незаконных выплат из соцбытфонда и других источников на лечение, компенсации за

неиспользованный отпуск; выплаты за «сверхурочные работы» в воскресные дни руководящим работникам аппарата; производство расходов на эвакуацию семей под видом служебных командировок; грубейшие нарушения финансовой дисциплины, приводящие к прямому использованию государственных средств в личных целях; бесхозяйственное расходование средств по эвакуации и консервации предприятий и организаций; несвоевременная сдача наличных денег в кассы банков; рост растрат и хищений в торгующих организациях; составление фиктивных сделок и операций и ряд других антигосударственных действий. Больше того, отдельные работники, рассчитывая на ослабление финансового контроля в условиях военной обстановки, встали на путь обмана государства, воровства и расхищения государственных средств...»

Тревожные симптомы проявились в ходе панической эвакуации части представителей руководящего звена страны из Москвы, когда «бежавшие похитили материальных ценностей и денег на сумму около 1,5 млн руб., разбазарили имущество на сумму более 1 млн руб., угнали 100 легковых и грузовых машин». Таким образом, можно заключить, что и в условиях войны задачи защиты экономических ресурсов страны от посягательств со стороны недобросовестных представителей государственного аппарата, хозяйственников не потеряли своей актуальности. В значительной степени осуществление этих задач возлагалось на службу по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией (ОБХСС).

Особое значение и остроту деятельность ОБХСС приобрела в окруженном гитлеровцами Ленинграде. В условиях жесточайшей ограниченности ресурсов жизнеобеспечения корыстные махинации ряда должностных лиц заметно ухудшали и без того крайне тяжелое положение горожан. Остроту ситуации повышало то, что в блокадном городе действия расхитителей угрожали множеству ленинградцев, большинство из которых находились в стадии крайнего истощения, в буквальном смысле перспективой мучительной смерти от голода и лишений.

О неблагоприятном положении в деле обеспечения сохранности и распределения продовольствия свидетельствует ряд источников. Весьма характерно в этом плане содержание писем из сражающегося города: «Паек нам полагается хороший, но дело в том, что в столовой

крадут много». «Есть люди, которые голода не ощущали и сейчас с жиру бесятся. Посмотреть на продавщицу любого магазина, на руке у нее часы золотые. На другой – браслет, золотые кольца». Каждая кухарка, работающая в столовой, имеет теперь золото. «Хорошо живут те, кто в столовых, в магазинах, на хлебозаводах работают, а нам приходится много времени тратить, чтобы получить мизерное количество пищи. А когда видишь наглость сытого персонала столовой – становится очень тяжело». «Прожить трудно. ... Хотя некоторые живут хорошо и войны не чувствуют. Особенно везет евреям, уселись в магазины и столовые, где не только жрут и крадут продукты. Они имеют возможность посылать своим эвакуированным семьям по несколько тысяч в месяц». «Есть люди, которые живут хорошо и наживаются на чужом горе. Это воры и продавцы столовых и лавок, а честные, нужные работники гибнут».

В складывающейся ситуации возросло значение службы БХСС, ее действий по пресечению расхищения продовольствия, мошенничества, спекуляции. О масштабах и интенсивности работы на этом направлении свидетельствуют данные отчетов управления НКВД по Ленинградской области и городу Ленинграду за осень 1941-го – 1943 годы: были разоблачены: хищническая группа на хлебозаводе и в торговой сети в количестве 8 человек (грузчики, шофера, заведующие хлебобулочными магазинами); преступная группа в системе треста столовых и ресторанов Ленинграда в составе 6 человек; спекулятивная группа в столовой № 10 Василеостровского района в составе 5 человек.

Управление НКВД 10 июня 1942 года сообщало о том, что «за последнее время арестовано несколько преступных групп, которые, используя поддельные и похищенные продовольственные талоны, расхищали хлеб и другие продукты.

В августе 1942 года к уголовной ответственности были привлечены 8 человек во главе с заведующим детским садом завода имени Воскова. В следственном деле было сказано: «Руководящие работники заводоуправления систематически посещали детский очаг, устраивали там пьянки и самоснабжение нормированными продуктами. Преступление тщательно скрывалось путем подлогов, систематического занижения количества питания детей против установленных норм, составления фиктивных отчетов с включением

«мертвых душ». Ревизия, назначенная в ходе следствия, никаких злоупотреблений не установила. И только оперативное мастерство сотрудников позволило следственно-оперативными мероприятиями собрать необходимые доказательства и прекратить хищения, совершавшиеся с конца 1941 года по август 1942 года».

4 ноября 1942 года информационная сводка содержала сообщения о том, что «Управхоз домохозяйства Фрунзенского района и директор детдома № 49, систематически получали излишние продовольственные карточки путем подлогов и составления фиктивных списков. Полученные продукты продавали по мародерским ценам. При обыске у этих граждан были изъяты золотые изделия, бриллианты и другие ценности, а сами они были арестованы.

Еще один случай. Было вскрыто, что «один из управделами городского управления по учету продовольственных карточек систематически похищала продовольственные карточки, изымаемые у преступного элемента и направляемые в управление по учету для ликвидации». Но при этом было выяснено, что никакого учета этих карточек в Управлении не было. При обыске у данного преступника было обнаружено 25 килограмм продуктов и разные промтовары.

За систематическое расхищение продуктов из магазина военторга были арестованы заведующая этим магазином и работница завода «Ленфрукткооп». Женщины вошли в преступный сговор. Первая похищала продукты в магазине, вторая с целью покрытия недостатка расхищенных продуктов через служащих разных столовых приобретала отоваренные талоны, которыми и покрывались хищения.

6 мая 1943 года Наркоматом внутренних дел были представлены следующие сведения: «Арестована группа хищников и спекулянтов в составе: начальник продснабжения, шофер 42-го отдельного батальона понтонных работ. Участник группы систематически расхищал продукты питания, хранившиеся в продскладе батальона.

Вскрыта и ликвидирована хищническая группа, состоявшая из работников базы «Главрыбсбыта», работников Фрунзенского и Куйбышевского райпищеторгов. Выяснилось, что: «Участники группы, работавшие в базе «Главрыбсбыта», по договоренности между собой умышленно не приходовали поступавшие на базу сельди. Созданные таким путем излишки сельдей работники базы по сговору с

работниками райпищеторгов по фиктивным документам вывозили с базы в магазины райпищеторгов, где делили между собой, а затем обменивали их на ценные вещи и продавали по спекулятивным ценам».

Всего за годы блокады по линии ОБХСС было привлечено 14,5 тыс. чел. Тем не менее реальное положение дел в рассматриваемой сфере было еще более неприглядным, чем оно выглядит в милицейских сводках и отчетах. Одним из подтверждений таковой констатации могут послужить сведения, содержащиеся в произведениях Э.А. Хруцкого – писателя, уделяющего большое внимание истории органов охраны общественного порядка. В частности, по утверждению данного автора, в годы войны некоему ловкому московскому администратору удалось организовать поставку в блокадный Ленинград продовольствия и фальшивых продуктовых карточек в обмен на вымениваемые у голодающих людей золото и драгоценности.

Количество выявленных и привлеченных к ответственности групп расхитителей, их состав и численность свидетельствуют о том, что на протяжении рассматриваемого периода в блокадном Ленинграде сохранялась угроза масштабной криминализации сферы хранения и распределения продовольствия, всех остальных ресурсов жизнеобеспечения. Реализация данной тенденции в первую очередь угрожала усугублением тех сверхчеловеческих бедствий, которые выпали на долю ленинградцев, без преувеличения, означая для многих из них мучительную смерть от голода и истощения. Кроме того, расхищение скудных продовольственных ресурсов вело к обогащению определенной категории лиц, наживающихся на переживаемых согражданами бедствиях.

В этой ситуации успешная деятельность ОБХСС означала прежде всего спасение жизней тысяч горожан, что являлось одним из важных условий, позволивших Ленинграду выстоять.

Отметим, что ситуация в Ленинграде была наиболее трагической и острой, но соответствующие преступления фиксировались по всей стране, а значит, борьба с ними осуществлялась практически повсеместно. Так, значительное количество хищений выявлялось и пресекалось в Москве – городе, охрана порядка в котором всегда служила объектом особого внимания властей. Например, в 1943 году

«ОБХСС Московского городского управления милиции разоблачил группу расхитителей в 12 человек, действующую на кондитерской фабрике «Ротфронт». Возглавлял ее начальник транспортного отдела фабрики». Аналогичные преступные группы выявлялись в Рязанской, Калининской, Саратовской, Оренбургской областях, Хабаровском крае.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что значительная часть уличенных расхитителей занимала ответственные должности в системе хранения и распределения продовольствия, торговли, общественного питания, социального обеспечения. Должностной статус многих из перечисленных лиц подразумевает наличие у них определенного образовательного уровня, специальной подготовки, организаторских способностей, опыта работы по специальности. Данные качества, вкупе с явной моральной нечистоплотностью их носителей, частично объясняют то обстоятельство, что многие выявляемые преступные группировки имели «...четко разработанные каналы связи, сбыта похищенной продукции, элементы организации, что, безусловно, было наиболее опасным фактом». Разумеется, выявленные свойства оруduющих в хозяйственной сфере преступных группировок требовали использования соответствующих ресурсов и применения адекватных подходов, возможностями для применения которых служба ОБХСС располагала далеко не всегда.

Сложность ситуации выражалась и в том, что наряду с торгово-распределительной сферой угроза криминализации распространялась на целый ряд отраслей государственного управления, по понятным причинам исключаемым из милицейской компетенции. Тем не менее в контексте пресечения обозначенной угрозы ряд случаев мошенничества, расхищения казенного имущества был выявлен и пресечен.

Вести борьбу за чистоту собственных рядов приходилось и самой милиции. Так, в 1943 году в Ленинграде была проведена ликвидация банды Черненко-Черновицкого, которая, в числе прочего, наладила канал систематического хищения подлинных чистых бланков с печатями воинских частей. Используя открывающиеся таким образом возможности, преступники получили в воинских частях продовольствие на гигантскую по тем временам сумму – 2 млн 635 тыс. 243 рубля по розничным ценам. Кроме того, в воинских частях они получили две грузовые автомашины, два мотоцикла,

большое количество горючего и оружие. В ходе разработки данной банды были установлены ее связи со служащими штаба армии и сотрудниками ГАИ, за взятки выписывающими преступникам поддельные водительские удостоверения.

В условиях войны значительная нагрузка по поддержанию жизнеобеспечения страны, снабжению вооруженных сил возлагалась на финансовую систему. Понимание этого вызвало к жизни директиву ГУМ НКВД СССР от 29 декабря 1944 года «об усилении агентурно-оперативной работы в финансовых органах». В ходе реализации данной директивы управлением БХСС были выявлены серьезные должностные преступления в финансовой сфере, наносящие ощутимый ущерб нашей стране. Так, в Кировской области было арестовано 14 работников финансовых органов во главе с заведующим одного из районных финансовых отделов и старшим налоговым инспектором, которые похитили у населения свыше 300 тыс. рублей.

В 1945 году ОБХСС Управления милиции Татарской АССР организовало массовую проверку работы финансовых инспекторов и агентов по сбору от населения налогов, страховых взносов и других платежей. В результате по 45 районам республики вскрыто хищение более одного миллиона рублей, полученных с граждан в уплату налогов и сборов. В связи с этим привлечено к уголовной ответственности 104 работника финансовых органов.

Имеющийся материал подтверждает заключение о том, что «в военный период должностные преступления выражались, главным образом, в злоупотреблении продовольственными и промышленными товарами, а также взяточничестве. В результате расхищение государственного имущества, спекуляция, паразитирование ряда недобросовестных лиц (части хозяйственников, руководителей и сотрудников госпредприятий питания, торговли, финансовых служб и т. д.) на переживаемых страной трудностях грозили приобрести постоянный характер и угрожающий размах, что было чревато пагубной дестабилизацией внутреннего положения в стране. Деятельность сотрудников ОБХСС на рассмотренном участке «внутреннего фронта» нередко приобретала серьезное значение, зачастую требуя от милиционеров не только профессионализма и энергии, но и мужества, самоотверженности.

В годы войны органы милиции проделали большую работу по борьбе с бандитизмом и другими видами преступности. Однако были в них и серьезные проблемы. Нехватка кадров зачастую вынуждала брать на работу малообразованных и малокультурных людей, не проверяя, чем те занимались в прошлом. Поэтому и среди стражей порядка имела место преступность и нарушение законности. «4 июня 1943 года начальник Вадского райотдела (Горьковская обл.) НКВД Карпов организовал прямо на работе коллективную попойку, в которой по его приглашению приняли участие секретарь отдела Лапин и участковый уполномоченный Патин, бывший в тот день ответственным дежурным. Последнего поили зря. Дело в том, что пока милиционеры поднимали тосты за Победу и за Сталина, сидевшие в камере предварительного заключения лица совершили подкуп и сбежали. Всего из лап милиции удрали семь человек. Этот вопиющий случай стал известен даже в Горьковском обкоме ВКП(б)».

Таким образом, преступные элементы на территории СССР в годы Великой Отечественной войны продолжали свою деятельность. Оказалось, что война создает определенные благоприятные условия для такой деятельности. Она заключалась как в откровенных разбойных нападениях, грабежах, кражах, так и в преступлениях экономического характера. При этом также следует отметить, что органы правопорядка и ОБХСС, которые вели борьбу с данными проявлениями, действовали не только активно и исключительно жестко, но и достаточно результативно.

Карточная система

История продуктовых карточек весьма давняя. Известно, что впервые их ввел в обращение еще римский трибун Гай Гракх за полтора столетия до новой эры. Тогда к появлению фрументационных тессер (хлебных жетонов) привел экономический кризис, вынудивший власти каким-то образом защитить от вымирания голодающих горожан.

В Российской империи Николаем II в 1916 году было введено карточное распределение многих видов продовольствия. Весной 1917 года эту же схему продолжило и Временное правительство. Затем, вплоть до 1921 года, ее использовало советское правительство. И только с переходом к НЭП она была отменена.

В 1929 году, после отказа от НЭП, карточная система была возрождена и просуществовала вплоть до 1935 года. Но при этом нужно отметить, что в это же время в связи с мировым экономическим кризисом нормированное распределение было установлено во всех европейских странах, а также в США, Канаде, Новой Зеландии, Австралии, Японии, Индии, Турции, Алжире, Тунисе и др.

В Германии имперская карточная система на все продукты была введена сразу с началом Второй мировой войны. Тогда немцы получили 62 вида различных карточек.

В СССР после начала Великой Отечественной войны была произведена перестройка системы обеспечения граждан продуктами питания и промышленными товарами, выраженная в переходе к нормированному, централизованному снабжению, посредством введения карточек. Первыми Постановлением СНК СССР № 1882 от 18 июля 1941 года карточную систему приняли города Москва и Ленинград. Но тогда она вводилась только на продукты питания. Затем она была распространена на другие промышленные города страны.

В частности, в Магнитогорске переход к карточной системе происходил постепенно. В этом процессе можно выделить два этапа.

Первый – подготовительный этап начался с того, что на заседании исполнительного комитета городского Совета рабочих депутатов 9 июля 1941 года было принято решение «с 16 июля с./г. ввести систему

«Предварительных заказов» в г. Магнитогорске с отпуском всего причитающегося количества хлеба на семью». Торговля хлебом была запрещена через сеть столовых, а обедающим рабочим выделялась норма хлеба «не свыше 300 грамм на человека». Также этот пункт устанавливал «равномерное распределение населения по магазинам». Обязанность выдачи «предварительных заказов» была возложена на «Управдомы и квартальные комитеты Райисполкомов».

Второй этап – непосредственное введение карточек в городе Магнитогорске в соответствии с приказом Наркомторга № 298 от 5 августа, постановлением Облисполкома от 12 августа и решением Исполкома Магнитогорского горсовета от 22 августа 1941 года. Тогда было принято постановление «О введении продажи хлеба населению по карточкам». Само карточное снабжение хлебом было введено с 25 августа.

При этом местные власти заботились об уменьшении очередей посредством «пересмотра дислокации торговой сети Торга и увеличения количества продавцов хлеба». К 23 августа планировали «закончить выдачу хлебных карточек на руки рабочим». Однако на практике выполнить это не удалось. В протоколе сообщалось, что «карточки на хлеб и сахар были своевременно получены в Челябинске, но из-за дождей автомашина смогла доставить в Магнитогорск только 31 июля».

Постановлением правительства № 2148 от 19 октября 1941 года с 1 ноября карточки на продовольственные товары были введены для всего населения страны. По ним горожане получали хлеб, мясо, рыбу, жиры, крупы, макаронные изделия. Соль и чай продавались повсеместно по отдельным талонам или карточкам. По промтоварным карточкам выдавались хлопчатобумажные, льняные и шелковые ткани, чулочно-носочные, швейные и трикотажные изделия, кожаная и резиновая обувь, хозяйственное и туалетное мыло.

С 1 января 1943 года приказом Наркомата торговли СССР «Об упорядочении карточной системы на хлеб, некоторые продовольственные и промышленные товары» вводились единые формы карточек на нормированные товары и платные (5 копеек) стандартные справки на получение этих карточек.

Существовало несколько категорий городского населения при распределении продуктов по карточной системе. Наиболее высокие

нормы были установлены для рабочих, занятых в металлургии и на военных заводах. Они снабжались по первой категории и получали от 800 граммов до 1–1,2 килограмма хлеба в день. В других отраслях производства рабочие были отнесены ко второй категории и получали по 500 граммов хлеба. Служащие по 400–500 граммов, иждивенцы и дети по 300–400 граммов.

Отдельно следует сказать о снабжении спецпереселенцев, которых в то время по стране было довольно много. Их карточки отоваривались обычно после отovarивания карточек остальных групп рабочих и служащих.

Наряду с категориями населения, получавшими продукты и товары по карточкам, существовали категории граждан, которые находились на полном государственном обеспечении. В их числе были пациенты домов престарелых, учащиеся ФЗО и воспитанники детских домов.

Для руководства нормированным снабжением в стране было создано Управление по нормированному снабжению в составе Наркомата торговли СССР. На областном уровне учреждались карточные бюро, в функции которых входило распределение карточек по городским карточным бюро. Выдачей продовольственных и промышленных карточек занимались исполнительные комитеты городских и районных Советов депутатов трудящихся. Каждый месяц они посылали заявку в областное карточное бюро, где указывали необходимое количество карточек и талонов.

Образцы продовольственных и промтоварных карточек были утверждены постановлением СНК СССР № 6907 от 18 июля 1941 года.

Отovarивание карточек было сопряжено с определенными трудностями. По воспоминаниям свидетелей тех событий, «люди в очередях на отovarивание карточек стояли часами. Иногда они отпрашивались уйти ненадолго, поспешно возвратившись, и вновь стояли, судачили, жаловались, тревожились. Писали номера на руках, слюнявя огрызок химического карандаша. Отмыть цифру не удавалось неделями. Цифры разных очередей путались на ладони».

Местные власти в силу своих возможностей пытались решить эту проблему посредством увеличения количества точек и продавцов в торговой сети. Так, в Магнитогорске с 1 февраля 1942 года исполком горсовета ввел прикрепительные талоны на хлеб к конкретному

магазину. Это позволяло на основании предъявленных заранее талонов планировать завоз хлеба на данную точку.

Следить за соблюдением режима экономии были призваны контрольно-учетные бюро (КУБ), созданные в 1942 году по районам городов. В их задачу входило «помочь государству и трудящимся ликвидировать расхищение и разбазаривание продуктов питания и промтоваров».

Карточки месячного пользования выдавались на предприятиях, прикреплялись, т. е. заверялись печатью того магазина или столовой, где их можно было отоварить. В каждом магазине существовала должность марочника, в обязанность которого входило собирать талоны, наклеивать их на картонку (по 100 шт.), составлять ордер и сдавать в КУБ, где их «гасили» (попросту сжигали). По числу отоваренных талонов определяли, какое количество товаров необходимо завезти в магазин.

Контрольно-учетные бюро неоднократно проводили проверки «правильности выдачи карточек». Нужно признать, что каждая такая проверка «устанавливала массовые случаи злоупотребления с карточками». В качестве нарушений отмечались: выдача карточек по завышенным категориям, излишняя выдача карточек, отсутствие контроля со стороны руководящих организаций за действиями исполнителей, на коих возложена работа по выдаче карточек.

Местная пресса не оставалась в стороне от проблем снабжения городов продовольствием и товарами первой необходимости. В частности, в газете «Магнитогорский рабочий» за 2 декабря 1942 года была размещена статья заместителя заведующего горторготделом горсовета Н. Кириллова «Осуществим контроль в снабжении трудящихся». Она сообщала, что при проверке предприятий, учреждений и домоуправлений города вскрыто много фактов неправильной выдачи стандартных справок на иждивенцев, а также о том, что «находились люди, которые, пользуясь беспечностью отдельных работников, получали продуктовые карточки на несуществующих лиц». Также отмечалось, что отдельные лица получали по две карточки, а бывали и такие случаи, когда карточки выдавались людям, не имеющим никакого отношения к производству. Незаконная выдача карточек влекла за собой суровое наказание.

Частыми были случаи утери продуктовых карточек. Власти на это реагировали соответствующим образом. Так, 8 июля 1943 года прокурор города Магнитогорска Н. Матвеев написал статью в газете «Магнитогорский рабочий» под названием «Сурово карать за хищения и продажу карточек». Но вместо того чтобы призвать к борьбе с преступниками, прокурор посетовал, что «многие граждане проявляют небрежность, продолжая терять хлебные и продуктовые карточки и такой беспечностью пользуются преступники». Таким образом, вина была переложена с больной головы на здоровую.

И все же нужно отметить, что местные власти не оставляли горожан, потерявших карточки, наедине со своей бедой. В частности, в том же Магнитогорске на заседании исполкома горсовета 11 июня 1942 года был принят «порядок оказания помощи лицам, у которых похищены карточки на хлеб». При этом горторготделу было поручено «выделить из фонда реализации хлеба по коммерческим ценам для отпуска лицам, потерявшим карточки». Разрешения на отпуск хлеба давались райсоветах «в пределах однодневного лимита хлеба». Но при этом человек, оставшийся без карточек, должен был иметь при себе «документы, подтверждающие хищение и ходатайство с места работы».

Таким образом, в довольно короткий срок был осуществлен переход к нормированному снабжению, которое обеспечивала карточная система. Нельзя отрицать, что нормированное снабжение не всегда было эффективным, но с другой стороны, именно оно стало той необходимой мерой, обеспечившей выживание населения в условиях военного времени.

Трудовые армии

Сам термин «трудовая армия» был заимствован у реально существовавших в годы Гражданской войны трудовых армий («революционных армий труда»). Первой трудовой армией стала 1-я Революционная армия труда, решение о формировании которой на базе 3-й армии Восточного фронта (Урал) 15 января 1920 года принял Совнарком. Последней – восьмой – стала Сибирская трудовая армия, решение о создании которой было принято 15 января 1921 года.

Постановлением Совета Труда и Оборона от 30 марта 1921 года трудовые армии были переданы в ведение Наркомата труда РСФСР. В СССР с июня 1921 года перешли в подчинение уполномоченному Главкомтруда на Украине при командующем трудовыми частями Украины.

В СССР управления трудовых армий были расформированы в сентябре – декабре 1921 года. В европейской части РСФСР расформирование трудовых армий было начато с декабря 1920 года и завершилось 2 февраля 1922 года, когда была расформирована созданная первой 1-я Революционная Армия Труда.

В годы Великой Отечественной войны вновь была введена принудительная трудовая повинность, и тех, кто ее нес, стали называть «трудармейцами». Но ни в одном официальном документе периода 1941–1945 гг. понятие «трудовая армия» не встречается. Большую часть этих формирований составили люди, считавшиеся неблагонадежными по социальному или национальному признаку: поволжские немцы, евреи, эстонцы, финны, румыны, венгры, итальянцы. Они использовались на стройках НКВД в различных отраслях народного хозяйства, стали бесплатной рабочей силой, пополнив обширную сеть ГУЛАГа в Сибири и на Урале.

Всего в истории трудовых армий периода Великой Отечественной войны условно можно выделить четыре этапа.

Первый этап – с сентября 1941 года по январь 1942 года. В это время на основании постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 августа 1941 года «О немцах, проживающих на территории Украинской ССР» в республике происходит трудовая мобилизация

мужчин-немцев призывного возраста. Правда, из-за стремительного продвижения германских войск это постановление в значительной мере не было выполнено, тем не менее всё же удалось сформировать 13 строительных батальонов, общей численностью 18 600 человек. Одновременно с сентября начинается отзыв военнотружущих немецкой национальности из Красной Армии, из которых также формируют строительные батальоны. Все эти стройбаты направляются на 4 объекта НКВД: Ивдельлаг, Соликамбумстрой, Кимперсайлаг и Богословстрой. С конца сентября первые из сформированных батальонов уже приступили к работе.

Вскоре, по решению ГКО СССР, строительные батальоны расформировываются, а военнотружущие снимаются с интендантского снабжения и получают статус строительных рабочих. Из них создаются рабочие колонны по 1 тыс. человек в каждой. Несколько колонн объединяли в рабочие отряды. Такое положение немцев было недолгим. Уже в ноябре их вновь переводят на казарменное положение и распространяют на них действие воинских уставов.

По состоянию на 1 января 1942 года на строительстве и в лагерях НКВД работало 20 800 мобилизованных немцев. Ещё несколько тысяч немцев трудилось в рабочих колоннах и отрядах, приданных другим народным комиссариатам. Таким образом, с самого начала, по ведомственной принадлежности трудармейские рабочие колонны и отряды разделились на два типа. Формирования одного типа создавались и размещались при лагерях и стройках ГУЛАГа НКВД, подчинялись лагерному начальству, охранялись и обеспечивались по нормам, установленным для заключённых. Формирования другого типа образовывались при гражданских наркоматах и ведомствах, подчинялись их руководству, но контролировались местными органами НКВД. Административный режим содержания этих формирований был несколько менее строгим, чем колонн и отрядов, функционировавших внутри самого НКВД.

Второй этап – с января по октябрь 1942 года. На этом этапе происходит массовый призыв в рабочие отряды и колонны – немцев-мужчин от 17 до 50 лет, первоначально тех, кто подвергся переселению, а затем и постоянно проживающих в восточных районах страны.

Начало второму этапу положило постановление Государственного Комитета Обороны № 1123 сс от 10 января 1942 года. «О порядке использования немцев-переселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет». Мобилизации подлежали депортированные из европейской части СССР немцы-мужчины, годные к физическому труду, в количестве 120 тыс. человек «на всё время войны». Проведение мобилизации возлагалось на наркоматы обороны, внутренних дел и путей сообщения в срок до 30 января 1942 года. Постановление предписывало следующее распределение мобилизованных немцев:

- 45 тыс. человек на лесозаготовки в распоряжение НКВД СССР;
- 35 тыс. человек на строительство Бакальского и Богословского заводов на Урале;
- 40 тыс. человек на строительство железных дорог: Сталинск – Абакан, Магнитогорск – Сара, Сталинск – Барнаул, Акмолинск – Карталы, Акмолинск – Павлодар, Сосьва – Алапаевск, Орск – Кандагач в распоряжение наркома путей сообщения.

Необходимость проведения мобилизации объяснялась нуждами фронта и мотивировалась интересами «рационального трудового использования немцев-переселенцев». За неявку по мобилизации для отправки в рабочие колонны предусматривалась уголовная ответственность с применением «к наиболее злостным» высшей меры наказания.

12 января 1942 года в развитие постановления ГКО СССР № 1123 сс нарком внутренних дел СССР Л. Берия подписал приказ № 0083 «Об организации отрядов из мобилизованных немцев при лагерях НКВД». В приказе 80 тыс. мобилизованных, которые должны были поступить в распоряжение наркомата, распределялись по 8 объектам: Ивдельлаг – 12 тыс.; Севураллаг – 12 тыс.; Усольлаг – 5 тыс.; Вятлаг – 7 тыс.; Усть-Вымлаг – 4 тыс.; Краслаг – 5 тыс.; Бакаллаг – 30 тыс.; Богословлаг – 5 тыс. Последние два лагеря образовывались специально для мобилизованных немцев. Все мобилизованные обязаны были явиться на сборные пункты Наркомата обороны в исправной зимней одежде, с запасом белья, постельными принадлежностями, кружкой, ложкой и 10-дневным запасом продовольствия. Безусловно, многие из этих требований были трудновыполнимыми, поскольку в результате переселения немцы лишились своего имущества, многие из них, по существу, были

безработными, и все они, как уже отмечалось ранее, владели жалкое существование.

Управление военных сообщений Наркомата обороны и Наркомата путей сообщения обязаны были обеспечить перевозку мобилизованных в течение оставшихся дней января 1942 года с доставкой к местам работ не позднее 10 февраля. Эти сроки оказались нереальными, точно так же, как не удалось мобилизовать 120 тыс. человек.

О том, как проходила мобилизация немцев-переселенцев и почему не было в полном объёме выполнено требование ГКО СССР, можно судить на примере Новосибирской области. В отчёте местного управления НКВД указывалось, что по наряду Наркомата обороны Новосибирская область должна была отмобилизовать в рабочие колонны 15 300 депортированных немцев из 18 102 учтённых для отправки. Персональными повестками в военкоматы были вызваны для прохождения медкомиссии 16 748 человек, из них явилось 16 120 человек, мобилизовано и отправлено 10 986 человек, то есть наряд оказался невыполненным на 4314 человек. Не удалось мобилизовать лиц, успевших получить освобождение от мобилизации по причине их «незаменимости» в сельском хозяйстве, угольной и лесной промышленности. Кроме того, на призывные пункты прибыло 2389 человек больных и не имевших тёплой одежды. Освобождение от призыва получили также лица с высшим образованием.

Мобилизация немцев в Новосибирской области проходила в течение 8 дней с 21 по 28 января 1942 года. Мобилизованным не объявляли, что они будут направлены в «Трудармию», вследствие чего циркулировали различные слухи о причинах и целях мобилизации. В ходе призыва были привлечены к уголовной ответственности за уклонение – 12, за «антисоветскую агитацию» – 11 человек. Не явилось по повесткам всего 628 человек.

В других краях и областях мобилизация немцев проходила в аналогичных условиях. В результате в «Трудармию» вместо 120 тыс. было набрано лишь около 93 тыс. человек. Из них наркому путей сообщения передали 25 тыс. человек, остальных получил НКВД.

Ввиду того, что план, определённый постановлением ГКО СССР № 1123 сс, был невыполнен более чем на 27 тыс. человек, а потребности военной экономики в рабочей силе всё росли,

руководство СССР решило мобилизовать и тех советских немцев-мужчин, которые не подверглись депортации. 19 февраля 1942 года Государственный Комитет Обороны издал постановление № 1281 сс «О мобилизации немцев-мужчин призывного возраста от 17 до 50 лет, постоянно проживающих в областях, краях, автономных и союзных республиках».

В отличие от первой, вторая массовая мобилизация немцев была подготовлена органами НКВД более тщательно с учётом ошибок и просчётов, допущенных в январе 1942 года, и имела ряд особенностей. Срок её составлял уже не 20 дней, как при первой мобилизации, а растягивался почти на несколько месяцев. Подготовительная работа райвоенкоматов проводилась до 10 марта. За это время мобилизуемые были оповещены, прошли медицинское освидетельствование и зачисление в рабочие колонны. С 10 по 5 марта проходило формирование рабочих отрядов и колонн, которые затем отправлялись к местам своего назначения. Доклады о ходе операции поступали в центр раз в 5 дней.

На этот раз мобилизуемых уже заранее оповещали о том, что они призываются в рабочие колонны и будут направлены на работу, а не в действующую армию, чего не было при первой мобилизации. Также немцы заблаговременно предупреждались, что за неявку на призывные и сборные пункты они будут арестованы и заключены в исправительно-трудовые лагеря. Как и при первой мобилизации, мобилизованные должны были прибыть в исправной зимней одежде с запасом белья, постельных принадлежностей, кружкой, ложкой и запасом продуктов на 10 дней. Поскольку призывавшиеся не подвергались депортации, то обеспеченность их одеждой и продовольствием была несколько лучше, чем у мобилизованных первого массового призыва.

В ходе второй массовой мобилизации вопрос об освобождении от неё каких-либо специалистов ставился весьма жёстко. Он решался только персонально, при крайней необходимости начальником местного управления НКВД совместно с военным комиссаром. При этом каждая область, край, республика направляли в центральный аппарат НКВД списки освобождённых от мобилизации с указанием причин освобождения.

На сборных пунктах и в пути следования органами НКВД проводилась оперативная работа, которая направлялась на пресечение всяких попыток «контрреволюционных» выступлений, на немедленное привлечение к ответственности всех, уклоняющихся от явки на сборные пункты. Все агентурные материалы, имевшиеся в органах на мобилизованных немцев, направлялись через начальников эшелонов оперативным отделам лагерей по месту назначения. Начальники местных управлений НКВД несли персональную ответственность за мобилизованных, вплоть до их передачи на объекты ГУЛАГа.

В июне 1942 года по дополнительной мобилизации в рабочую колонну Волжского лагеря НКВД на строительство железной дороги Свияжск – Ульяновск было отправлено ещё около 4,5 тыс. мобилизованных немцев.

Часть мобилизованных немцев направлялись на строительство железной дороги Свияжск – Ульяновск, строительство которой осуществлялось по постановлению Государственного Комитета Обороны и было возложено на НКВД. Для этого в Казани было организовано управление строительства новой железной дороги и лагеря, получившего название Волжский исправительно-трудовой лагерь НКВД (Волжлаг). В течение марта – апреля 1942 года в этот лагерь предполагалось направить до 20 тыс. мобилизованных немцев и 15 тыс. заключённых.

Постановлениями ГКО СССР № 3095 от 26 апреля, № 3857 от 2 августа и № 3860 от 19 августа 1943 года в «Трудармию» было призвано ещё свыше 30 тыс. немцев: мужчин и женщин. Их направляли на объекты ГУЛАГа НКВД, в гражданские ведомства на добычу угля, нефти, золота, редких металлов, в лесную и целлюлозно-бумажную промышленность, на ремонт дорог и т. п.

По-прежнему большинство немцев трудились на объектах НКВД. В их числе были: Бакалстрой – свыше 20 тыс. человек, Богословлаг – около 9 тыс., Усольлаг – 8,8 тыс., Воркуталаг – 6,8 тыс., Соликамбумстрой – 6,2 тыс., Ивдельлаг – 5,6 тыс., Востураллаг – 5,2 тыс. В 22 лагерях использовался труд 21,5 тыс. немцев. Практически полностью из мобилизованных немцев состояли рабочие колонны при таких лагерях, как Ухтоижемлаг (3,7 тыс.), Унжлаг (3,3 тыс.), Усольлаг (2,8 тыс.), Джидастрой (1,5 тыс.), Поньшлаг (0,3 тыс.). Кроме того, за пределами НКВД 84 % мобилизованных в гражданские ведомства

немцев было сосредоточено в четырёх наркоматах: Наркомате угольной промышленности (56,4 тыс.), Наркомате нефтяной промышленности (29 тыс.); Наркомате боеприпасов (8 тыс.); Наркомате строительства (свыше 7 тыс.). Небольшие группы немцев трудились в Наркомате пищевой промышленности (106 тыс.), стройматериалов (271 тыс.), заготовок (35 тыс.) и других.

Немцы, проживавшие в Таджикской, Туркменской, Киргизской, Узбекской, Казахской ССР, Башкирской АССР, Челябинской области, мобилизовывались на строительство Южно-Уральской железной дороги. Их направляли на станцию Челябинск.

Немцы из Коми АССР, Кировской, Архангельской, Вологодской, Ивановской областей должны были работать в лесотранспортных хозяйствах Севжелдорлага и потому доставлялись на станцию Котлас.

Мобилизованные из Свердловской и Молотовской областей оказались на Тагилстрое, Соликамскстрое, в Вятлаге. Краслаг принял немцев из Бурят-Монгольской АССР, Иркутской и Читинской областей. На Умалытстрой, на станцию Ургал Дальневосточной железной дороги, попали немцы из Хабаровского и Приморского краёв. Всего в ходе второго массового призыва немцев в «Трудармию» было мобилизовано около 40,9 тыс. человек.

Основная масса мобилизованных немцев (по постановлениям ГКО СССР № 1123 сс и 1281 сс) была направлена на стройки и в лагеря НКВД. Лишь 25 тыс. человек из первой мобилизации находились в распоряжении Наркомата путей сообщения и работали на строительстве железных дорог. Однако в октябре 1942 года и они были переданы НКВД.

Третий этап – с октября 1942 года по декабрь 1943 года – характеризовался массовой мобилизацией советских немцев. В этот же период был расширен диапазон призывных возрастов: призывались мужчины в возрасте от 15 до 55 лет. Кроме того, мобилизации подверглись и женщины-немки в возрасте от 16 до 45 лет, кроме беременных и имевших детей до трёхлетнего возраста. При мобилизации матери дети трёх лет и старше должны были передаваться на воспитание остальным членам семьи, а в случае их отсутствия – ближайшим родственникам или колхозам. В обязанности местных советов вменялось принимать меры к устройству остающихся без родителей детей мобилизованных.

Мужчины-трудоармейцы, в основном подростки и пожилые люди, направлялись на предприятия трестов «Челябинскуголь», «Карагандауголь», «Богословскуголь», «Чкаловскуголь» Наркомата угольной промышленности. Всего на шахты планировалось направить 20,5 тыс. человек. Женщины составляли основной контингент мобилизованных для Наркомата нефтяной промышленности – 45,6 тыс. человек. Туда же было мобилизовано 5 тыс. мужчин. Все они попали на предприятия Главнефтестроя, Главнефтегаза, на заводы нефтяного машиностроения, на такие крупные нефтекомбинаты, как Куйбышевский, Молотовский, Башкирский. Трудоармейцы третьего массового призыва направлялись и на предприятия некоторых других наркоматов и ведомств. Всего же по этой мобилизации в «Трудоармию» было направлено 123,5 тыс. человек, в том числе 70,8 тыс. мужчин и 52,7 тыс. женщин.

Мобилизация проводилась примерно в течение месяца. В ходе проведения мобилизации военкоматы столкнулись с «дефицитом рабочего контингента», поскольку вся дееспособная часть немецкого населения была практически исчерпана. Потому-то среди призванных впоследствии были обнаружены люди, имевшие серьезные заболевания, инвалиды 2-й и 3-й групп, беременные женщины, подростки 14 лет и люди старше 55 лет.

К середине 1944 года число областей, краёв и республик, в которых дислоцировались рабочие колонны из мобилизованных советских немцев, увеличилось почти в 2 раза по сравнению с августом 1943 года, с 14 до 27. Эти колонны были разбросаны по всей стране. По состоянию на 1 января 1944 года больше всего немцев-трудоармейцев использовалось на предприятиях Кемеровской (15,7 тыс.), Молотовской (14,8 тыс.), Челябинской (13,9 тыс.), Куйбышевской (11,2 тыс.), Свердловской (11 тыс.), Тульской (9,6 тыс.), Московской (7,1 тыс.), Чкаловской (4,7 тыс.) областей, и в Башкирской АССР (5,5 тыс.).

Четвертый этап – с января 1944 года до ликвидации «Трудоармии» (в основном в 1946 году). Массовой трудовой мобилизации советских немцев не производится, пополнение рабочих отрядов и колонн идет за счет прибытия на территорию СССР бывших советских граждан немецкой национальности, репатриированных из освобожденных Красной Армией стран и Германии.

Трудармейцы, оказавшиеся на объектах НКВД, размещались отдельно от заключённых в специально созданных для них лагерных пунктах. Из них формировались рабочие отряды по производственному принципу численностью 1,5–2 тыс. человек. Отряды подразделялись на колонны по 300–500 человек, колонны – на бригады по 35–100 человек каждая. В наркоматах угольной, нефтяной промышленности и др. формировались рабочие (шахтные) отряды, участковые колонны, сменные отделения и бригады по производственному принципу. Во главе отрядов стояли работники НКВД – «чекисты-лагерники», бригадирами, мастерами назначались специалисты вольнонаёмного состава. Однако, в порядке исключения, бригадиром мог стать и немец-трудармеец, если он был соответствующим специалистом и не числился в «чёрных списках» начальства как неблагонадёжный. В каждый отряд назначался политрук для проведения политико-воспитательной работы.

На предприятиях Наркомугля во главе отряда ставились заведующие шахтами. На производстве мобилизованные немцы обязаны были беспрекословно выполнять все распоряжения главного инженера, начальника участка, мастера-десятника. В качестве начальников колонн, горных мастеров и бригадиров разрешалось использование немцев из числа «наиболее подготовленных и проверенных». Для обеспечения режима труда и содержания рабочих колонн, установленного распорядка дня, дисциплины на производстве и в быту на каждую шахту назначался заместитель заведующего шахтой – начальника отряда из работников НКВД. Заведующий шахтой – начальник отряда и его заместитель обязаны были организовывать непрерывное наблюдение за поведением мобилизованных немцев, не допускать и пресекать «в корне всякого рода проявления массового сопротивления установленному режиму, саботажа, диверсий и других антисоветских выступлений, выявлять и разоблачать профашистские элементы, отказчиков, лодырей и дезорганизаторов производства». Схожая система управления трудармейцами применялась и в других гражданских наркоматах.

Несколько в лучшем положении по режиму содержания находились рабочие колонны при предприятиях других наркоматов. Там иногда допускалось нарушение инструкций, выразившееся в том, что «зоны» не создавались и трудармейцы могли жить более свободно

(иногда даже на квартирах у местного населения). Интересен приказ наркома угольной промышленности от 29 апреля 1943 года. В нём отмечаются нарушения режима содержания на ряде шахт Кузбасса. «Так, на шахте имени Ворошилова и имени Калинина бараки, в которых расселены немцы, не ограждены, вооружённая охрана в зонах не организована, на шахте Бабаевская треста «Куйбышевуголь» более 40 человек расселены на частных квартирах». Как отмечалось далее в приказе, на подавляющем большинстве шахт немцы ходили в сопровождении работников управления спецотряда только на работу, обратно возвращались без сопровождения и охраны. Приём и передача трудармейцев под расписку не производились. Приказ требовал от управляющих трестами и заведующих шахтами к 5 мая 1943 года огородить все общежития и бараки, в которых размещались мобилизованные немцы, и установить вооружённую охрану, прекратить выдачу увольнительных, переселить всех проживающих на частных квартирах в «зоны».

Для профилактики возможных побегов трудармейцев власти ужесточали режим содержания, широко практиковалось проведение обысков. Начальникам лагерей предписывалось не реже двух раз в месяц проводить тщательный осмотр всех помещений лагеря, где содержались мобилизованные немцы. Одновременно с этим проводился осмотр и проверка личных вещей, во время которого изымались запрещённые к пользованию предметы. Запрещалось хранить холодное и огнестрельное оружие, все виды алкогольных напитков, наркотические вещества, игральные карты, документы, удостоверяющие личность, военно-топографические карты, планы местности, карты районов и областей, фото- и радиоаппаратуру, бинокли, компасы. Виновные в хранении запрещённых предметов привлекались к ответственности. С октября 1942 года периодичность проверок и личного обыска немцев была увеличена до одного раза в месяц. Но теперь при обнаружении запрещённых вещей в казарме, палатке или бараке к ответственности привлекались, кроме виновных, также дневальные и командиры подразделений, в помещении которых обнаруживали эти вещи.

За нарушение правил внутреннего распорядка, производственной дисциплины, невыполнение поручений или распоряжений администрации и инженерно-технических работников, невыполнение

производственных норм и заданий по вине рабочего, нарушение правил безопасности, порчу инвентаря, инструмента и имущества на трудармейцев накладывались дисциплинарные взыскания. За незначительные проступки объявляли личный выговор, предупреждение, выговор перед строем и в приказе, применялись денежный штраф, назначение на более тяжёлую работу до 1 месяца, арест. В лагерях НКВД арест подразделялся на простой (до 20 суток) и строгий (до 10 суток). Строгий арест отличался от простого тем, что арестованного содержали в одиночке без вывода на работу, горячую пищу выдавали через день, выводили на прогулку один раз в день на 30 минут под охраной вооружённого стрелка.

Наиболее «злостные» нарушители направлялись в штрафные шахты и штрафные колонны на срок до трёх месяцев или предавались суду. Приказ наркома внутренних дел № 0083 от 12 января 1942 года предупреждал мобилизованных немцев, что за нарушение дисциплины, отказ от работы и дезертирство они подлежат уголовной ответственности «с применением по отношению к наиболее злостным высшей меры наказания».

В конце 1943 – начале 1944 года режим содержания мобилизованных в рабочие колонны немцев был несколько смягчён. Изданные новые приказы наркоматов: угольной промышленности; целлюлозно-бумажной промышленности; инструкции наркоматов чёрной металлургии и строительства разрешили снять с «зон» вооружённую охрану и заменить её вахтёрскими постами на контрольно-пропускных пунктах и подвижными постами на внутренней территории. Стрелки ВОХРа из вольнонаёмного состава заменялись мобилизованными из числа комсомольцев и членов ВКП(б). Вывод на работу стал осуществляться без охраны под командой начальника колонны или бригадира.

По новым руководящим документам конца 1943 – начала 1944 года начальники колонн получили право предоставлять трудармейцам в свободное от работы время отпуск из «зоны» по увольнительным запискам с обязательным возвращением к 22.00. На территории «зоны» разрешалась организация крытых ларьков для продажи молочных и овощных продуктов местным гражданским населением, которое проходило на территорию лагеря по пропускам, выдаваемым дежурным по «зоне». Рабочим разрешалось свободное передвижение

внутри территории, получение и отправление всех видов корреспонденции, получение продовольственных и вещевых посылок, пользование книгами, газетами и журналами, игры в шашки, шахматы, домино и бильярд, занятие физкультурой и спортом, художественной самодеятельностью.

Так, известно, что в годы Великой Отечественной войны в Челябинск было эвакуировано около 60 промышленных предприятий. На них стали выпускать военную продукцию – тяжелые танки, самоходные орудия, танковые моторы. Всего в 1941–1945 гг. в Челябинске было построено 19 заводов и 2 фабрики союзного значения. Основной строительной силой на этих предприятиях были трудармейцы.

Трудовая армия работала ударными темпами: заводы вводились в действие менее чем за год, порой даже за несколько месяцев. Правда, эти трудовые достижения были оплачены многими жизнями: к концу войны из 120 тыс. трудармейцев, работавших на Южном Урале, в живых остались чуть больше 34 тыс. человек. Только на старом кладбище в районе Челябинского тракторного завода в братских могилах времен Великой Отечественной войны, по подсчетам уральских поисковиков, похоронено 2235 человек трудармейцев. При этом, по воспоминаниям старых жителей прилегающих к кладбищу домов, массовые захоронения проводились по ночам. Трупы привозили на подводах и складывали в общие могилы, на которых не устанавливались таблички. Эти захоронения регистрировались как «особенные».

Первый документ приема и устройства рабочих колонн на Кировском заводе датирован 8 февраля 1942 года. Тогда на завод прибыло 4500 трудармейцев. Пока достраивались бараки с двухъярусными нарами, людей поселили в двух школах. На размещение и оформление на работу прибывших отводилось от 2 до 5 дней. Они обеспечивались постельными принадлежностями, спецодеждой и хозяйственным инвентарем.

О качестве проживания в бараках можно судить хотя бы по тому, что перед зимой 1943 года был отдан приказ директора завода обеспечить отдел трудовых колонн 50 вагонами шлака для подсыпки к стенам жилья в качестве утеплителя. Но были и другие бытовые

проблемы – не доставало теплой одежды, белья, постельных принадлежностей, обуви.

Одна из докладных записок на имя директора говорит о том, что основной процент смертности на заводе шел за счет рабочих «Трудармии». Так, в одной из колонн было зарегистрировано 344 человека, больных дистрофией. Из них 262 человека не были госпитализированы, а продолжали трудиться. В этой же колонне было зафиксировано 16 смертельных случаев от дистрофии. Только в 1943–1945 гг. на кладбище в Тракторозаводском районе было похоронено 229 умерших.

В Вятском лагере НКВД мобилизованные немцы использовались на лесозаготовительных, лесоукладочных и лесопогрузочных работах. Не имея навыков работы, они не могли выполнять производственные нормы как опытные рабочие. Обстановка осложнялась интенсивной подачей вагонов для отгрузки леса оборонным предприятиям. Бригады трудармейцев находились на работе по 20 и более часов в сутки. В результате, группа «В» в Вятлаге, составлявшая в марте 1942 года 23 % всего списочного состава трудармейцев, к декабрю этого же года достигла 40,3 %.

В июне 1943 года нарком угольной промышленности издал приказ, в котором потребовал всех мобилизованных немцев не позднее 1 августа сосредоточить для работы на специально выделенных для этого шахтах и стройках с учётом «группового их размещения вблизи производства». Выделенные шахты и стройки должны были полностью укомплектовываться трудармейцами во главе с вольнонаёмными руководителями и инженерно-техническим персоналом. Допускалось использование на этих шахтах на основных агрегатах вольнонаёмных рабочих по недостающим среди немцев профессиям.

Первые «спецучастки» из мобилизованных немцев были созданы на шахтах трестов «Ленинуголь» и «Молотовуголь». Они успешно справлялись с плановыми заданиями. Так, по тресту «Молотовуголь» на шахте «Капитальная» спецучасток № 9 план февраля 1944 года выполнил на 130 %, на шахте № 10 спецучасток № 8 – на 112 %. Но таких участков было мало. Даже к апрелю 1944 года концентрация немцев на отдельных шахтах не была завершена.

Значительная часть допущенных к подземным работам трудармейцев специального обучения («техминимума») не проходила. Отсутствие знаний по специальности и технике безопасности приводило к несчастным случаям, частым травмам, а, следовательно, и к потере трудоспособности. Так, по тресту «Кагановичуголь» только за март 1944 года была зарегистрирована потеря 765 человекоднев из-за травм, полученных на производстве. На шахте имени Сталина комбината «Кузбассуголь» за первый квартал 1944 года произошло 27 несчастных случаев, из них 3 со смертельными исходами, 7 – с тяжёлыми травмами, приведшими к инвалидности, и 17 – с травмами средней тяжести.

На шахте «Вождаевка» треста «Куйбышевуголь» 16 февраля 1944 года произошёл взрыв, в результате которого погибло 80 человек, в том числе 13 немцев, один трудармеец пропал без вести. По мнению руководства шахты, причинами аварии стали несоблюдение правил безопасности некоторыми рабочими, захламлённость проходов, несвоевременное перекрытие печей, непроведение разбора причин предыдущих происшествий, текучесть кадров, нарушения трудовой дисциплины.

На предприятиях Наркомугля имело место широкое использование на шахтах труда подростков-немцев, мобилизованных осенью 1942 года в результате третьего массового призыва немцев. Например, на шахте «Северная» треста «Кемеровуголь» в рабочей колонне, насчитывавшей 107 человек, работал 31 подросток в возрасте от 16 лет и младше, в том числе 15-летних – 12, 14-летних – 1. Работали они на всех участках шахты наравне со взрослыми.

Питание трудармейцев всегда было ограниченным, и в зависимости от выполнения планового задания нормы питания разделялись на три вида («котла»). Норма № 1 – уменьшенная – предназначалась для тех, кто не выполнял производственные задания. Норму № 2 получали те, кто выполнял эти задания на 100–150 %. По норме № 3 – увеличенной – питались те, кто перевыполнял производственные задания более чем на 150 %. Количество продуктов по нормам значительно отличалось друг от друга. Так, норма № 1 была ниже нормы № 3 по картофелю и овощам в 2 раза, по мясу и рыбе более чем в 2 раза, по крупе и макаронам в 3 раза. По сути дела,

питаясь по первой норме, человек находился на грани истощения и мог только поддерживать свои силы, чтобы не умереть голодной смертью.

В отдельных рабочих колоннах на объектах НКВД смертность в 1942 году значительно превышала среднюю по наркомату. Особенно «отличились» 4 лагеря НКВД: Севжелдорлаг – 20,8 %; Соликамлаг – 19 %; Тавдинлаг – 17,9 %; Богословлаг – 17,2 %. Наименьшая смертность была в Волжлаге – 1,1 %, Краслаге – 1,2 %, Востураллаге и Умалытлаге – по 1,6 %.

Вполне понятно, что дезертирство трудармейцев из рабочих колонн имело достаточно широкий размах. По данным НКВД, в 1942 году только из лагерей и со строек этого ведомства было совершено 160 групповых побегов. В частности, в августе 1942 года из Усольского лагеря НКВД дезертировала группа немцев в количестве 4 человек. Подготовка к побегу велась в течение нескольких месяцев. «Организатор побега Лайк приобрёл фиктивные документы, которыми снабдил участников группы». В октябре 1942 года из ремонтно-механического завода Тагильского лагеря НКВД дезертировало на автомашине 6 мобилизованных немцев. Перед побегом дезертиры собирали среди своих товарищей по работе пожертвования на побег, главным образом деньги.

Большую часть беглецов вылавливали и возвращали в лагеря, передавая их дела на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР, что влекло за собой, как правило, высшую меру наказания. И всё же за 1942 год 462 дезертировавших трудармейца так и не были пойманы.

Несмотря на очень трудные условия жизни трудармейцев, даже среди них по инициативе партийно-комсомольского актива проводился сбор средств в помощь Красной Армии. Так, известно, что на строительстве Богословского алюминиевого завода трудармейцы к каждому празднику от своей скудной дневной нормы отдавали по 200 граммов хлеба, чтобы потом из качественной муки испечь печенье и отправить на фронт в подарок бойцам. Там же рабочими-немцами было собрано свыше двух миллионов рублей на вооружение Красной Армии.

Эта инициатива не осталась незамеченной в высшем руководстве страны. В телеграмме, направленной в адрес трудармейцев Богословстроя и подписанной самим Сталиным, говорилось: «Прошу

передать рабочим, инженерно-техническим работникам и служащим немецкой национальности, работающим на БАЗстрое, собравшим 353 783 рубля на строительство танков и 1 млн 820 тыс. рублей на строительство эскадрильи самолётов, мой братский привет и благодарность Красной Армии».

Таким образом, в течение всего периода войны принудительный труд мобилизованных немцев использовали предприятия и стройки 24 наркоматов. Наибольшее количество рабочих колонн из немцев функционировало при лагерях и стройках НКВД.

По приблизительным подсчётам за период с 1941 года по 1945 год в рабочие колонны было мобилизовано свыше 316 тыс. советских немцев. При этом в трудовые армии НКВД было мобилизовано более 182 тыс. немцев. Ещё 133 тыс. человек трудились в других наркоматах.

За годы войны, обладая огромной армией дешёвой рабочей силы, НКВД построил многие промышленные объекты. Рабочие колонны из немцев трудились на строительстве Бакальских металлургического и коксохимического заводов и на создании рудной базы этих предприятий. Они также принимали участие в строительстве Новотагильских металлургического и коксохимического заводов, завода № 166 в Омске, Алтайского бромного завода, Богословского алюминиевого завода, Молотовского судостроительного завода и др., возводили плотины гидроэлектростанций на реках Урала: Поньшской на реке Чусовая, Широковской на реке Косьва, Вилухинской на реке Усьва, многие другие объекты народного хозяйства.

В завершение нужно сказать, что при лагерях НКВД в годы Великой Отечественной войны находились рабочие колонны не только из мобилизованных немцев, но и из представителей среднеазиатских народов.

Ложные партизанские отряды

Для борьбы с партизанами немецкое командование нередко использовало ложные «партизанские» отряды, диверсионные группы и подпольные центры. Эта работа была организована профессионалами и носила плановый характер. За ее организацию отвечало специальное подразделение СД.

Советское командование знало о том, что ведется такая работа. Так, командир Осиповичского партизанского соединения, включавшего несколько партизанских бригад, Герой Советского Союза генерал-майор Николай Филиппович Королев в итоговом отчете засвидетельствовал: «В Бобруйске, Могилеве, Минске и других городах начали формироваться «добровольческие» батальоны «Березина», «Днепр», «Припять» и другие, которые были предназначены для борьбы с партизанами. Для пополнения этих батальонов и для подготовки командных кадров в Бобруйске был создан «Восточный запасной полк».

Как правило, эти формирования добросовестно делали свою «работу». Применяя партизанскую тактику, они небольшими группами проникали в лесные массивы и организовывали засады на партизанских дорогах. Так, в марте 1943 года одна из таких групп организовала засаду на месте партизанских дневок в лесном массиве «Золотково», на которую наскочила штабная группа партизанской бригады «За Родину». Во время боя погиб командир этой бригады майор госбезопасности А.К. Флегонтов.

Особое место среди вооруженных коллаборационистских формирований занимали ложные партизанские отряды. Так в ноябре 1941 года полицией безопасности и СД в городе Луге Ленинградской области из уголовных элементов была создана разведывательно-карательная группа в составе восьми человек. Руководителем этой группы немцами был назначен Николай Александрович Мартыновский, 1920 года рождения, уроженец г. Омска, бывший студент Ленинградского медицинского института.

Данная группа с декабря 1941 года до весны 1942 года выходила в населенные пункты Лужского района, выдавая себя за участников

советского сопротивления. Общаясь с населением, она выявляла места расположения партизан, подпольных организаций, советских разведчиков и лиц, оказывавших помощь партизанам. Таким провокационным методом было вскрыто и уничтожено несколько советских разведывательно-диверсионных групп, а также много партизан и лиц, оказывавших им помощь.

К апрелю 1942 года группа Мартыновского была реорганизована в отряд, который насчитывал к тому времени около 70 человек. С апреля по май 1942 года отряд действовал в Лужском районе Ленинградской области, с мая по сентябрь – в Новоржевском, в сентябре и октябре – в Островском, с октября 1943 года по февраль 1944 года – в Себежском, с февраля по март 1944 года – в Островском и Пыталовском районах Псковской области.

Участники этого отряда, который к тому времени именовался «Ягд-командой», применяли исключительно коварные методы борьбы с советскими партизанами. Все они были одеты в гражданскую форму, а Мартыновский носил форму капитана Красной Армии и Золотую Звезду Героя Советского Союза. Каратели, выдавая себя за партизан, при выявлении лиц, оказывавших помощь партизанам, производили расстрелы. Кроме того, они подвергали сожжению населенные пункты и грабили имущество у советских граждан.

Перед расстрелом захваченным партизанам предлагалось поступать на службу в данный карательный отряд. Если человек соглашался, то для закрепления его дальнейшей службы у карателей он должен был расстрелять перед строем своих же товарищей.

Дисциплина в отряде была жестокой. За пассивные действия во время операций, трусость, малейшее недовольство, попытки перейти на сторону партизан Мартыновский или его заместитель Решетников расстреливали участников отряда перед строем. В то же время они закрывали глаза на то, что в отряде процветало пьянство, массовое изнасилование женщин в местах расположения «ягд-команды», а захваченные в плен партизанки после изнасилования расстреливались. За время нахождения «ягд-команды» на территории Псковской области ее участниками было расстреляно свыше 100 человек, в том числе стариков, женщин, детей, сожжено и разграблено несколько населенных пунктов.

В марте 1944 года «ягд-команда» Мартыновского была переброшена в Белоруссию, где в районе Полоцка и Дрисском районе чинила массовые зверства над мирными гражданами. Так, 1 мая 1944 года в местечке Крышборок карателями на почве мести за убитого партизанами командира одного из их взводов было расстреляно 30 человек ни в чем не повинных детей, женщин и стариков. А всего в этом районе было расстреляно около 60 человек мирных граждан и партизан.

В конце 1944 года «ягд-команда» Мартыновского была переброшена в Польшу, а затем в Югославию для борьбы с партизанским движением. На территории Югославии каратели также чинили массовые зверства, насилия грабежи.

В сентябре 1944 года по пути из Югославии в Польшу Мартыновский из-за личных счетов был убит своим заместителем Решетниковым, который с этого времени и возглавил «ягд-команду».

В январе 1945 года под городом Иновроцлав (Польша) «ягд-команда» была разбита войсками Красной Армии. 39 карателей были взяты в плен, арестованы и осуждены военным трибуналом, а 10 человек из них расстреляны.

Командиру «ягд-команды» Решетникову в тот раз удалось скрыться. Однако в 1947 году он все же был арестован. Но во время следствия он скрыл свое участие в массовых расстрелах и зверствах. Поэтому он был осужден на 25 лет лишения свободы.

В последующем стали известны новые подробности действий «ягд-команды» под предводительством Решетникова. В 1963 году было проведено новое расследование, и данный военный преступник Псковским областным судом был приговорен к расстрелу. Также имеются сведения о том, что «ягд-команды» командованием вермахта создавались из немецких солдат и офицеров, чем-то провинившихся в ходе боевых действий. Они были чем-то наподобие советских штрафных подразделений, но с той разницей, что использовались исключительно для борьбы с партизанами и выполнения карательных задач. Так, в докладной записке «О деятельности контрразведывательных органов противника на оккупированной территории Ленинградской области» начальник Управления НКГБ СССР по Ленинградской области комиссар госбезопасности 3-го ранга Кубаткин писал: «Для физического уничтожения обнаруженных групп

партизан или разведчиков на участке дислокации армейских частей существуют «ягд-команды» и «ост-батальоны».

«Ягд-команды» имеются при дивизиях и подчиняются командиру дивизии. Численный состав команды доходит до 50 человек. При каждой дивизии имеется ориентировочно по две «ягд-команды». Каждая из них состоит из солдат штрафных рот, проявивших себя с положительной стороны. Команды вооружены пулеметами и автоматами. В распоряжении команд имеются собаки-ищейки. Форма бойцов команды обычная, немецкая.

Задача команды состоит в вылавливании и истреблении партизан и групп разведчиков. «Ягд-команды» отличаются особой жестокостью, свойственной карателям.

Одна из подобных команд имеется при 28-м армейском корпусе, контактирует она свои действия с группой «Шмелинг» – Тулинов. Командиром указанной команды является бывший летчик, обер-лейтенант, ранее в чем-то провинившийся.

«Ост-батальоны» состоят из русских военнопленных, ранее частично несших охрану железных дорог от партизан. В настоящее время личный состав их заменен немцами, ввиду их неблагонадежности, разложения. Обычно в «ост-батальоне» четыре взвода по 30–40 человек. Командирами отрядов, как правило, являются немцы, русские командуют только взводами».

Иногда псевдопартизанские отряды создавали сами местные жители, и уже после освобождения территории Красной Армией. Цель создания таких отрядов заключалась в том, чтобы получить индульгенцию за то, что оказался под оккупацией, а заодно «на законном основании» поживиться добром бывших немецких пособников.

Историю одного такого отряда, обнаруженного Особым отделом 2-го гвардейского кавалерийского корпуса в Коньшевском районе Курской области, раскрыл начальник Особого отдела Центрального фронта Л.Ф. Цанав в своем письме от 13 марта 1943 года. Он писал, что «организатором и «командиром» этого лжепартизанского отряда являлся учитель деревни Большое Городьково, Коньшевского района Рыжков Василий Иванович, 1915 года рождения, уроженец и житель Б. Городьково, беспартийный, со средним образованием, бывший младший командир 38-й отдельной батареи штаба 21-й армии, в

октябре 41-го года добровольно сдавшийся в плен немцам. «Комиссаром» этого отряда являлся житель деревни Малое Городьково Суммин Тихон Григорьевич, бывший военнослужащий Красной Армии, в деревню возвратился после занятия ее немцами. Рыжков В.И.».

Долее Цанаев сообщал, что Рыжков 2 марта 1943 года Особым отделом корпуса был арестован, а Суммин скрылся. В ходе следствия по делу Рыжкова и деятельности отряда было установлено, что частями Красной Армии населенные пункты Большое и Малое Городьково были освобождены от немцев 8 февраля 1943 года. После этого 12 февраля 1943 года Рыжков и Суммин организовали ложный партизанский отряд. Этот отряд под видом борьбы с немецкими пособниками производил облавы и обыски в прилегающих населенных пунктах, забирал имущество и скот у некоторых бывших старост и полицейских. Часть отобранного раздавалась проходящим воинским частям, а часть присваивалась.

Также в том письме сообщалось, что имеются сведения о существовании еще нескольких подобных отрядов.

Но случалось, что ложные партизанские отряды превращались в настоящие. Так произошло, например, с отрядом из 96 человек во главе с офицерами РОА капитаном П.С. Цимай и лейтенантом П.М. Голокозом. Цымай – офицер Красной Армии, попал в плен, был завербован немецкими разведывательными органами, кличка Горбенко. Проходил службу в должностях командира комендантского взвода и роты смоленской школы диверсантов, а впоследствии ложного партизанского отряда «Свободные».

Голокоз – уроженец села Висунок Николаевской области УССР, до войны окончил учительский институт. В годы войны он был начальником штаба заградительного батальона 346-й стрелковой дивизии 61-й армии, лейтенант. 14 августа 1942 года в районе Волхова, находясь в окружении, попал в плен к немцам, где и был завербован и направлен на формировочный пункт, в так называемый «Лагерь МТС», находящийся вблизи Смоленска. Занимал должность командира отделения 1-й роты. В декабре 1942 года Голокоз был перевербован советским агентом органов контрразведки А.С. Соболевым, который в июне 1942 года был специально направлен Особым отделом 20-й

армии на сторону противника для внедрения в германский разведывательный орган «Лагерь МТС».

С этого времени Пётр Голокоз являлся агентом советских спецслужб, работающим под прикрытием. Для завоевания полного доверия своих «немецких хозяев» он занимался вербовкой кандидатов для ложных партизанских соединений, участвовал в разведывательных рейдах на советскую территорию, обучал изменников и предателей. Параллельно он вербовал агентов для работы на советские спецслужбы.

Голокоз добился того, что практически в каждую диверсионную группу, которую немцы направляли на советскую сторону для подрывной работы, он внедрял по несколько перевербованных им агентов, давая им задание не допускать выполнения диверсионных актов, а всех участников группы доставлять в органы контрразведки. Завербованные Голокозом 17 германских агентов в разное время, будучи переброшены немцами в составе диверсионных групп на советскую сторону, явились с повинной в органы контрразведки и обеспечили задержание остальных диверсантов.

Оказавшись в составе ложного партизанского отряда «Свободные», Голокоз установил связь с действовавшей на территории Витебской области бригадой Захарова. В результате 17 июля 1943 года 55 ложных партизан во главе с Голокозом присоединились к настоящим, предварительно убив находившихся с ними немцев – двух радистов и капитана. Остальным членам этого отряда удалось сбежать вместе с капитаном Цимайло.

После выполнения задачи по ликвидации ложного партизанского отряда «Свободные» Голокоз был переправлен за линию фронта и представлен к награждению орденом Красной Звезды. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Кроме ложных партизанских отрядов на оккупированной территории также создавались и ложные подпольные центры, с помощью которых тайная полевая полиция вылавливала настоящих подпольщиков. Так, известно, что по этой схеме в Минске действовал «Военный совет» в составе немецких агентов – бывших командиров Красной Армии Рогова, Белова и бывшего секретаря Заславльского райкома партии Ковалева, который «по совместительству» входил и в подлинный Минский подпольный комитет.

Поначалу «Военный совет» был настоящей подпольной организацией, которую возглавляли командиры и комиссары Красной Армии, к сожалению не знакомые с правилами конспирации. Организация слишком разрослась, о ее деятельности знало чуть ли не пол-Минска. Дошло до того, что у дома, где размещался штаб «Военного совета», открыто выставляли часовых, которые проверяли документы у приходивших туда рядовых подпольщиков.

Очень быстро об организации узнали в минском ГФП. Руководители «Военного совета» были арестованы и купили себе жизнь ценой предательства. Теперь уже под контролем гестапо они направляли подпольщиков якобы в партизанский отряд, по дороге полиция останавливала грузовики, и их пассажиры попадали в концлагерь. В результате были арестованы и расстреляны сотни подпольщиков и разгромлены несколько партизанских отрядов.

Таким образом, создание ложных партизанских отрядов и подпольных центров было одним из действенных средств борьбы фашистского командования с силами сопротивления на оккупированной территории. Базой для этого в большинстве случаев были советские военнопленные, решившие перейти на службу к врагу, а также отдельные лица гражданского населения, преследовавшие меркантильные цели. Кроме того, после освобождения оккупированных территорий такие отряды создавались с целью оправдания своего пребывания на данной территории и с целью грабежа местного населения в прифронтовой полосе. В любом случае данные формирования рассматривались как враждебные советской власти и уничтожались.

Применение химического оружия

Со времен Первой мировой войны германское командование имело опыт боевого применения химического оружия. Тогда широко были известны химические атаки германских войск на всех фронтах. В ряде случаев они были удачными. Также появился опыт применения зажигательного оружия. В 1915 году германские войска впервые использовали ранцевые огнеметы.

К началу войны против СССР в 1941 году промышленность Германии значительно увеличила производство химических боеприпасов, заблаговременно обеспечив ими войска. Так, докладывая начальнику генерального штаба сухопутных войск немецко-фашистской армии генерал-полковнику Ф. Гальдеру 25 марта 1941 года о состоянии немецкой химической службы, генерал-квартирмейстер Вагнер сообщал: «К 1 июня мы будем иметь 2 млн химических снарядов для легких полевых гаубиц и 500 тыс. снарядов для тяжелых полевых гаубиц... Со складов химических боеприпасов может быть отгружено: до 1 июня по шесть эшелонов химических боеприпасов, а после 1 июня – по десять эшелонов в день. Для ускорения подвоза в тылу каждой группы армий будут поставлены на запасные пути по три эшелона с химическими боеприпасами...»

Химические войска (химические минометные батальоны и полки) были включены гитлеровским командованием в состав армии вторжения с самого начала войны. Уже в июле 1941 года в боях под Псковом советские войска захватили документы штаба 2-го батальона 52-го химического минометного полка немецко-фашистской армии. Среди этих документов находились инструкции с описанием состоявших на вооружении средств химического нападения и с изложением тактических принципов их боевого применения. Более того, было установлено, что немецко-фашистские войска имели условный пароль «Индантрен», с поступлением которого войска могли применять химическое оружие. Поэтому в сообщении Совинформбюро от 22 июля 1941 года указывалось: «Захваченные частями Красной Армии германские секретные документы с исчерпывающей полнотой доказывают, что германский фашизм втайне

готовит новое чудовищное злодеяние – широкое применение отравляющих веществ. В составе действующих германских войск имеются специальные химические части по отравляющим веществам».

Советское командование также имело определенный опыт применения химического оружия. По некоторым имеющимся данным, боевые отравляющие вещества были применены при подавлении восстания тамбовских крестьян под руководством А.С. Антонова в 1921 году. Затем ведение боевых действий с применением отравляющих веществ периодически отрабатывалось на различных учениях, проводимых командованием Красной Армии в 20-е и 30-е годы. Было налажено промышленное производство отравляющих веществ, имелись их запасы на центральных и окружных складах.

Немецкое командование, начав войну с Советским Союзом, безусловно знало о наличии у советского руководства данных средств массового поражения и не сомневалось в том, что в случае их применения вермахтом сразу же будут предприняты ответные действия. Солдаты фюрера, способные идти в наступление, несмотря на ответный ружейно-пулеметный огонь противника, не были готовы массово умирать от газов. Именно поэтому фашистское руководство даже в период своих военных неудач так и не решилось применить на фронте отравляющие вещества. Основным оружием химических войск сторон стали зажигательные вещества и думы.

Огнеметно-зажигательные средства в годы войны стали эффективным средством нанесения поражения противнику как в оборонительных, так и в наступательных боях.

С началом Второй мировой войны немецкое командование ввело в состав своих мотомеханизированных дивизий сначала легкие, а затем и тяжелые огнеметные танки. В качестве дальнобойных огнеметов ими впервые широко стали использоваться системы залпового огня (РСЗО). В частности, в 1936 году в Германии был разработан многоствольный реактивный миномет, предназначенный для стрельбы 158,5–320-мм снарядами с боевой частью химического и зажигательного действия. Эффективность этих 5– и 6-ствольных систем была признана обеими сторонами во время боев на территории Польши, а затем и против Франции. И это не удивительно – один залп реактивной немецкой батареи уничтожил батальон окопавшейся пехоты.

С началом Великой Отечественной войны советское командование, ведя оборонительные бои, также массово использовало подручные зажигательные средства (бутылки с горючей смесью, горючее и др.). Кроме того, в обороне под Москвой, для усиления противотанковой обороны советскими войсками широко использовались различного рода огневые заграждения, такие, как бутылочные поля, огневые валы, минно-огневые фугасные поля (МОФ) и другие.

Первоначально огневой вал представлял собой завал из деревьев и других горючих материалов на вероятных путях движения танков, который поджигался при приближении противника. Его подразделения были вынуждены обходить заграждения, теряя темпы наступления, а в ряде случаев останавливались и попадали под огонь артиллерии и других средств. Огневые валы создавались не только инженерными, но и общевойсковыми подразделениями.

В последующем для обеспечения надежного воспламенения и горения они обильно поливались нефтью из АРСов, а также огнесмесями. Ввиду того, что указанные средства находились в распоряжении химической службы, то и организация огневых валов была возложена на неё. Высота вала достигала 2 м, глубина 2–2,5 м, а протяженность нескольких сот метров. Поджигали вал дежурные расчеты зажигательными бутылками, термитными шарами или огнеметами. Так, огневой вал протяженностью 550 м, построенный в полосе 32-й стрелковой дивизии 5-й армии на северной окраине деревни Акулово в битве под Москвой, задержал продвижение противника на 4 часа.

В качестве противотанковых и противопехотных заграждений создавались также бутылочные поля. С этой целью на танкоопасных направлениях в шахматном порядке раскладывали зажигательные бутылки по 5–6 штук, из которых 1–2 были со смесью «КС». Интервалы между группами бутылок по фронту и между рядами в глубину составляли 2 метра. Всего на гектар такого поля расходовалось 15–16 тыс. бутылок. Танки противника, попадая на поле, давили бутылки, в результате зажигательная смесь воспламенялась.

Опыт первого периода ВОВ показал, что огневые валы и бутылочные поля не полностью оправдали себя. Во-первых, для их

создания требовалось большое количество горючих материалов и бутылок. Во-вторых, такие огневые заграждения обнаруживались разведкой противника, уничтожались его артиллерией и авиацией ещё до подхода танков и пехоты. Поэтому в последующем стали применять новые, более эффективные заграждения – минно-огневые фугасные (МОФ) поля.

Минно-огневые фугасные поля (МОФ) – это сочетание зажигательных бутылок и противопехотных мин. Устанавливались они просто. На дно неглубокой ямы укладывалась противопехотная мина, на неё – в несколько слоев зажигательные бутылки, а сверху маскировалась под фон местности. На одну яму требовалось около 20 бутылок и одна противопехотная мина ПМД-6 с уменьшенным зарядом. На устройство поля МОФ площадью 1 гектар расходовалось, в зависимости от интервалов в 5–10 метров, 2250–4500 штук бутылок, т. е. в 3–5 раз меньше, чем для создания бутылочного поля таких же размеров. По опыту, команда из 20–24 химиков и 6–8 саперов за 6–7 часов ночного времени устанавливала 130–150 минно-огневых фугасов (до 500 м по фронту и 30 м в глубину).

О высокой эффективности полей МОФ свидетельствуют такие примеры. Только за июль 1943 года на полях МОФ Степного фронта сгорело 28 танков и до роты пехоты противника. В оборонительных боях на подступах к Сталинграду только в августе 1942 года на полях МОФ подорвано и сожжено до 70 танков противника. Особенно значительные результаты от применения МОФ были достигнуты в войсках Воронежского фронта, где в полосе обороны двух армий было установлено до 26 погонных километров таких полей.

Танковые части противника, встречая поля МОФ, не только несли потери от них, но и вынуждены были задерживаться, замедлять движение и менять направление атаки, неся при этом большие потери от огня противотанковых средств обороняющихся войск. За период оборонительных действий Воронежского фронта на полях МФО было уничтожено свыше 100 танков противника.

Поле МОФ являлось достаточно эффективным средством и в борьбе с пехотой. О моральном воздействии их на пехоту можно судить по показаниям пленного ефрейтора 676-го пехотного полка Рудольфа Амстерберга, задержанного в полосе 1-го Украинского фронта под Киевом в ноябре 1943 года. Он показал: «... саперы,

участвовавшие в наступлении пехотных рот, рассказывали, что роты понесли большие потери от взрывающихся бутылок, установленных в земле в пивных ящиках. Поле, как правило, хорошо маскируется и в этих случаях разминированию не поддается. Огонь пламени достигает 30–40 м. На солдат эти мины производят удручающее впечатление и вызывают моральную подавленность».

В обороне войск Закавказского фронта в 1942 году, которая велась в районе Грозного и Махачкалы, широкое распространение получила заливка местности нефтью. При этом «черным золотом» заполнялись противотанковые рвы или придорожные и оросительные каналы. С приближением танков и пехоты противника нефть поджигалась, образуя непреодолимое пламенное препятствие. Кроме того, при горении нефть производила задымление, которое мешало противнику вести прицельный огонь по позициям советских войск, способствовало осуществлению маневра силами и средствами на наиболее угрожаемые направления.

Зажигательные средства применялись и авиацией. С их помощью осуществлялось создание пожаров в районах скопления войск, на железнодорожных узлах, станциях погрузки, выгрузки, в местах расположения складов; уничтожение самолетов и баз горючего на аэродромах; сжигание техники на марше; подавление огневых позиций артиллерии. Наиболее распространенными зажигательными средствами являлись: зажигательные пули и бомбы, зажигательные ампулы, поливка жидкими зажигающими веществами и фосфором.

Об эффективности применения авиацией зажигательных средств можно судить по следующим примерам. При налете самолетов У-2 с ампулами КС на станцию Дебальцево 8 августа 1943 года было подожжено 30 вагонов и 4 станционных здания. Кроме того, в разгоревшемся пожаре погибло несколько сотен солдат и офицеров противника.

208-я авиационная дивизия за 8 месяцев 1944 года сделала 416 самолето-вылетов с применением зажигательных средств. При этом было сброшено свыше 17 тыс. ампул с КС и создано 460 очагов пожара. В результате было сожжено 16 воинских эшелонов, подавлен огонь 12 артиллерийских батарей противника.

Сами бутылки с зажигательной смесью не являлись штатным оружием химических войск. Их появление и применение началось из-

за отсутствия у советской пехоты эффективных средств борьбы с бронетехникой. Однако обеспечение войск зажигательными бутылками сразу же было возложено на химическую службу. Вскоре на нее была возложена и организация обучения войск применению зажигательных бутылок. В ряде случаев подразделения химических войск также привлекались на различные производства для снаряжения зажигательных бутылок в прифронтовой полосе.

Особенно широко зажигательные бутылки использовались в 1-м периоде войны. Уже 7 июля 1941 года Ставка ГК издала приказ о создании в полках и батальонах рот и команд по истреблению танков противника. Основным противотанковым оружием команд были гранаты и зажигательные бутылки. Правда, в системе зажигательного оружия зажигательные бутылки рассматривались как вспомогательное средство ближнего боя «в особо критических случаях» обороны. В наступлении бутылки с зажигательной смесью использовались в гораздо меньших масштабах. Тем не менее такие случаи имели место. Так, при наступлении 28-й армии Сталинградского фронта в декабре 1942 года зажигательными бутылками было сожжено 5 танков и 10 автомобилей, а войсками Донского фронта бутылками и термитными шарами уничтожили 8 танков, 4 дзота и 3 строения, превращенные противником в огневые точки.

Зажигательные бутылки в наступлении широко использовались пехотой для выжигания противника из траншей, блиндажей, зданий и других укрепленных объектов, а также для уничтожения бронеобъектов и автомашин при контратаках (контрударах) подразделений (частей, соединений) немецко-фашистских войск.

В последующих операциях количество случаев применения зажигательных бутылок снижается в связи с поступлением в войска более эффективных противотанковых средств. Однако они продолжали использоваться в отдельных операциях. Так, большой размах приобрело применение зажигательных бутылок штурмовыми группами в Берлинской операции во время боев в крупных населенных пунктах и в Берлине. Помимо штурмовых групп в ряде частей создавались специальные группы в составе 5–6 человек во главе с офицером для поджога (подавления) различных объектов зажигательными бутылками под прикрытием коротких дымовых завес.

Только в Берлине части 3-й ударной армии сожгли 74 здания, превращенных гитлеровцами в опорные пункты.

В подавляющем большинстве случаев прямой ущерб огневым средствам и живой силе противника от применения зажигательных бутылок был незначительным. Однако осложнения обстановки, вызванные возгораниями и пожарами, вынуждали гитлеровцев оставлять позиции, сковывали инициативу, оказывали влияние на морально-психологическое состояние войск.

Огнеметы. Достаточно эффективным средством поражения противника в годы Великой Отечественной войны стали различные огнеметы: фугасные, ручные, танковые.

Фугасные огнеметы были оружием оборонительного характера. Оно предназначалось для усиления противотанковой и противопехотной обороны.

Формирование частей фугасных огнеметов началось в августе 1941 года. К концу сентября было сформировано пятьдесят отдельных рот фугасных огнеметов (орфо), а к январю 1942 года – еще 93 роты, предназначавшиеся для усиления стрелковых частей и соединений в противотанковом отношении.

Впервые подразделения фугасных огнеметов были применены массированно в ходе обороны на дальних и ближних подступах к Москве (октябрь – ноябрь 1941 года). В этот же период выработаны наиболее рациональные способы применения фугасных огнеметов и построение боевых порядков подразделений. Боевой опыт привёл к созданию «огнеметных кустов», представляющих собой обычный стрелковый окоп полного профиля с легким перекрытием и ходом сообщения, ведущим в траншею. Около окопа на расстоянии от 1 до 4 м устанавливались 5–8 огнеметов с направлением огнеметания на наиболее вероятные пути движения танков и пехоты противника, а также в сторону соседних «огнеметных кустов» и в тыл для создания сплошного огневого поля.

«Огнеметные кусты» оборудовались на расстоянии 100–200 м один от другого по фронту и в глубину, исходя из возможной максимальной дальности огнеметания. Каждый «огнеметный куст» мог вводиться в действие самостоятельно или же совместно с соседними.

Отдельные случаи применения огнеметных рот децентрализованно при ведении оборонительных действий осенью 1941 года оказались нецелесообразными. Централизованное боевое использование огнеметных рот обеспечивало массирование и достаточно широкий фронт огневого прикрытия. Роты располагались на огневых позициях в один-два эшелона. Одноэшелонный боевой порядок роты строился в линию, углом назад (вперед), уступом за одним из флангов. Огнеметная рота могла прикрыть фронт протяжённостью 1500–2500 м.

Как свидетельствует опыт войны, советские войска, оборонявшиеся на направлениях главных ударов противника, получали на усиление от нескольких отдельных рот фугасных огнеметов (57-я армия в августе 1942 года имела в своем составе 8 рот) до 3 отдельных огнеметных батальонов.

Дальнейший опыт боевого применения частей и подразделений фугасных огнеметов показал целесообразность их массированного использования на значительных по протяженности огневых рубежах. Это привело к укрупнению частей фугасных огнеметов. В середине 1943 года из имевшихся отдельных рот фугасных огнеметов было начато формирование батальонов двух типов: отдельных моторизованных противотанковых огнеметных батальонов и отдельных огнеметных батальонов (ооб).

Придаваемые армиям, корпусам и стрелковым дивизиям огнеметные батальоны и роты занимали рубежи на танкоопасных направлениях, самостоятельно и совместно с пехотой. Как показал опыт войны, самостоятельные действия огнеметных батальонов, а тем более огнеметных рот не создавали устойчивой обороны. В силу недостаточной насыщенности средствами пехоты.

Поучительным примером использования батальона в масштабе армии является бой 12-го отдельного огнеметного батальона совместно с частями 156-й стрелковой дивизии в полосе 4-й ударной армии 8 ноября 1943 года. Несмотря на широкий (до 4 км) фронт обороны, огнеметным батальоном, за счет эшелонирования его боевого порядка и организации тесного взаимодействия с пехотой, была успешно отражена атака противника. В этом бою только двумя огнеметными ротами было уничтожено 13 танков и около 600 солдат

противника. Тем самым попытка врага прорваться к коммуникациям и выйти в тыл армии закончилась неудачно.

За годы войны сложились принципы применения частей и подразделений фугасных огнеметов. Это выражалось в централизованном использовании огнеметных подразделений, в поддержке их действий огнем артиллерии, минометов и противотанковых средств, в организации тесного взаимодействия между огнеметными подразделениями и пехотой в бою, в прикрытии огневых позиций фугасных огнеметов, особенно на флангах и стыках, пехотой, минными полями и огнем артиллерии. С целью мобильности огня, подразделения фугасных огнеметов в оборонительных операциях, начиная со Сталинградской битвы, получали на усиление 2–4 роты легких ранцевых огнеметов.

С переходом наших войск к наступательным действиям возникла потребность определить задачи частям (подразделениям) фугасных огнеметов в наступлении. Боевого опыта использования фугасных огнеметов в наступлении не было. Громоздкость огнеметов и несовершенный способ их перемещения на поле боя в непосредственном соприкосновении с противником (переноска на руках огнемета весом 52–55 кг), а также значительное время подготовки огнемета к выстрелу (закапывание в грунт) осложняли практическое решение этого вопроса.

Боевой опыт войны и опытные учения, проведенные в 1942 году позволили установить некоторые положения по наиболее целесообразному применению огнеметных частей в наступлении. В последующем по мере накопления опыта выявились новые возможности подразделений и частей фугасных огнеметов. Это позволило со второй половины 1943 года активно привлекать огнеметные части для решения самых различных задач в наступательных операциях. Чаще всего они использовались для обеспечения стыков и флангов ударных группировок (соединений и частей) в исходном положении для наступления и в ходе наступления, для обеспечения боевых действий стрелковых частей в ходе наступления в составе штурмовых групп, при закреплении достигнутых рубежей и плацдармов. Кроме того, в ряде случаев практиковалась огнеметная подготовка атаки.

В наступлении, как и в обороне, огнеметные подразделения для огнеметания должны оборудовать позиции и укрытия для огнеметчиков. С учетом количества устанавливаемых огнеметов, боевой обстановки, времени суток и других условий на это требовалось различное время. Поэтому боевая задача огнеметчикам должна была ставиться заблаговременно с учетом подготовки к бою.

В подавляющем большинстве случаев фугасные огнеметы применялись в составе подразделений (взвод, рота, батальон). В этих случаях достигалась наибольшая результативность и психологическое воздействие на противника. Как и в обороне, огнеметная рота прикрывала рубеж по фронту до 1,5 км.

Децентрализованно (группами по несколько огнеметов) подразделения фугасных огнеметов использовались в составе штурмовых отрядов и групп.

В зависимости от задач, решаемых общевойсковыми соединениями, которым предавались огнеметные части, а также от задач, поставленных огнеметным батальонам (ротам), определялось место огнеметчиков в оперативном (боевом) порядке. Огнеметные части могли быть использованы на главном или вспомогательном направлении, на первом или последующих эшелонах соединений, а также в составе резервов.

Боевые действия при выполнении задач огнеметчиками совместно со стрелковыми войсками были наиболее распространенной формой. В этом случае огнеметные части предавались соединениям и частям. Действуя совместно со стрелковыми частями и соединениями, огнеметные части опирались на огневую мощь пехоты и поддерживающей ее артиллерии, прикрываясь общей системой заграждений и тесно взаимодействуя с другими огневыми средствами, могли наиболее эффективно применять огнеметы. В свою очередь, стрелковые части могли совместно использовать результаты и моральное воздействие огневого залпа для проведения решительной атаки.

Примером этому являются боевые действия 21-го отдельного огнеметного батальона по обеспечению фланга ударной 40-й армии в период Корсунь-Шевченковской операции. Действуя в боевых порядках стрелковых подразделений 1142-го стрелкового полка 340-й стрелковой дивизии, огнеметчики установили 332 фугасных огнемета.

Часть огнеметных позиций была прикрыта минными полями. Пытаясь сорвать наступление армии, противник нанес контрудар и вышел к позициям огнеметного батальона. В течение дня огнеметчики, совместно со стрелковыми подразделениями отражали атаки пехоты и танков (в последней атаке участвовало 40 танков противника). В ходе боя огнеметанием было сожжено 2 танка, один бронетранспортер, и уничтожено 67 фашистских солдат и офицеров.

Другим примером обеспечения боевых действий стрелковых частей может служить бой 22-го отдельного огнеметного батальона по воспреещению выхода противника из окружения в районе Шендеровки в Корсунь-Шевченковской операции. Тогда этот батальон, действуя совместно с частями 27-й армии 1-го Украинского фронта, в период с 9 по 14 февраля 1944 года ежедневно отражал по 8–10 контратак противника. От огнеметания и огня стрелкового оружия батальона противник потерял 8 бронетранспортеров, 18 автомобилей, 12 мотоциклов, 12 пушек различных калибров и сотни солдат и офицеров.

Огнеметные батальоны также использовались в ходе форсирования рек, в целях закрепления захваченных плацдармов. Так, при закреплении плацдарма отличились: после форсирования реки Неман – 13-й отдельный моторизованный противотанковый огнеметный батальон, при форсировании реки Висла на Дороткинском плацдарме – 25-й отдельный огнеметный батальон, а на Аннопольском плацдарме – 22-й отдельный огнеметный батальон.

Использование отдельного огнеметного батальона имело и свои особенности. Так, в тех случаях, когда между траншеями советских войск и противника были расстояния менее 100 метров и при артиллерийской подготовке атаки возникала опасность поражения своих войск, вместо артиллерии могли использоваться фугасные огнеметы.

Например, в середине 1942 года советские войска вышли к реке Керчь и готовились к штурму. Между траншеями противника на восточной окраине города и окопами 339-й стрелковой дивизии было 70–80 м, а в отдельных местах и еще меньше. В этих условиях командир дивизии решил применить для подготовки атаки огнеметы приданного дивизии 22-го отдельного огнеметного батальона. В течение двух ночей на фронте 800 м было установлено и тщательно замаскировано 390 фугасных огнеметов.

На рассвете 18 ноября 1943 года после короткого, но мощного налета в основном по второй и третьей траншеям противника был дан огневой залп по переднему краю. Противник был настолько деморализован и ошеломлен, что наши части, немедленно перейдя в атаку, овладели тремя траншеями и рядом укрепленных строений, не понеся при этом потерь.

В качестве примеров децентрализованного боевого применения частей фугасных огнеметов могут служить боевые действия при штурме городов Познани, Бреслау, Вены, Кёнигсберга, Берлина и др.

Особенно массово фугасные огнеметы применялись при штурме Берлина. Это было обусловлено тем, что здесь более массово использовались противником фаустпатроны, значительно ограничивающие действия наших танков и САУ. Сильный пулеметный и снайперский огонь стеснял действия артиллерийских расчетов и выводил их из строя. Одна из наиболее часто решаемых задач огнеметчиков – поджог обороняемых зданий.

Среди огнеметных частей, штурмовавших Берлин, был 8-й отдельный огнеметный батальон, который действовал мелкими группами. Одна из них обеспечила огнеметанием захват и удержание моста и плацдарма через реку Шпрее, за что лейтенанту Мясникову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Ранцевый огнемет РОКС-2 в Красной Армии был принят на вооружение в ноябре 1940 года. Однако его массовое производство было налажено только к весне 1942 года. Поэтому, из-за отсутствия огнеметов, осенью 1941 года подразделения ранцевых огнеметов (огнеметные команды стрелковых полков) были упразднены.

Подразделения ранцевых огнеметов были восстановлены по указанию Ставки ВГК в мае – июне 1942 года в виде отдельных рот ранцевых огнеметов трехвзводного состава. Каждый взвод состоял из 4 отделений по 10 РОКС в каждом. Рота имела 120 ранцевых огнеметов.

В начале применения отдельных рот ранцевых огнеметов был допущен ряд ошибок, связанных со слабыми знаниями общевойсковыми командирами боевых возможностей огнемета и отсутствием должностного контроля со стороны химической службы за их использованием. Так, 9 сентября 1942 года 170-я, 171-я и 172-я отдельные роты ранцевых огнеметов, приданные 62-й армии,

получили задачу на самостоятельную оборону участка местности по фронту до 1500 м, выполнить которую без стрелковых подразделений было бы сложно.

Были случаи, когда отдельные роты ранцевых огнеметов использовались не по прямому назначению. Так, 13 сентября 1942 года два взвода 171-й отдельной роты ранцевых огнеметов были посажены на танки 6-й танковой бригады в качестве десанта при проведении контратаки. Третий взвод шел в атаку за танками. Результата это не дало, но в ходе боя рота понесла большие потери: 21 человек были убиты, 26 ранены, 66 пропали без вести. Было утеряно 112 огнеметов.

Отдельные роты ранцевых огнеметов обычно придавались стрелковым дивизиям и распределялись между стрелковыми полками и их подразделениями. Таким образом, полкам и батальонам могли придаваться огнеметные взводы. Огнеметчики, приданные в полки (батальоны), в первую очередь использовались для усиления штурмовых групп (если они создавались). Группы огнеметчиков придавались также тем стрелковым подразделениям, которые имели задачи очищать траншеи, блиндажи и ходы сообщений от укрывшейся в них пехоты противника. Часть огнеметчиков командир полка мог включить в свой резерв и использовать главным образом для отражения контратак пехоты противника. Следовательно, основным способ использования ранцевых огнеметов – децентрализованные действия.

Наиболее типичными задачами для частей и подразделений ранцевых огнеметов в наступательных боях было усиление: штурмовых групп и отрядов, предназначенных для блокировки и подавления ДОТов и ДЗОТов; стрелковых подразделений при прорыве сильно укрепленной обороны противника для выжигания живой силы в окопах, блиндажах и ходах сообщения; штурмовых отрядов и групп при штурме населенных пунктов для поджигания обороняемых противником или уничтожение гарнизонов отдельных оборонительных сооружений; стрелковых частей при закреплении ими занятых в ходе наступления рубежей и объектов.

При этом в связи с небольшой дальностью огнеметания огнеметчики должны были тесно взаимодействовать со стрелковыми подразделениями, прикрываясь их огневыми средствами, а также

осуществлять огнеметание внезапно, не обнаруживая себя до сокращения расстояния с целью на дистанцию выстрела.

Так, в период ликвидации окруженной фашистской группировки под Сталинградом 172-я отдельная рота ранцевых огнеметов вела бои в составе 64-й армии. Рота действовала децентрализованно: по одному огнеметному взводу было придано 93-й и 97-й стрелковым бригадам, и 3-й огнеметный взвод находился в резерве.

10 января советские части начали наступление. Огнеметчики, наступавшие в составе штурмовых групп, огнеметанием по траншеям вызывали возгорание и выкуривали гитлеровцев из различных укрытий и убежищ. Наступая в глубине обороны противника, огнеметчики под прикрытием ружейно-пулеметного огня выдвигались к вражеским огневым точкам и огнеметанием выжигали гарнизоны гитлеровцев из оборонительных сооружений. При контратаках противника огнеметчики подпускали гитлеровцев на 15–20 м и внезапным огнеметанием отбрасывали их, нанося потери. В ряде случаев действия огнеметчиков прикрывались дымами.

В период ликвидации окруженной группировки под Сталинградом за 10 суток участия в боях 172-я отдельная рота ранцевых огнеметов сожгла около 260 солдат и офицеров противника, 21 ДЗОТ, 11 блиндажей и 1 автомобиль. Было взято в плен 112 гитлеровцев. 45 воинов огнеметной роты были награждены орденами и медалями.

В июне 1943 года большинство отдельных огнеметных рот было переформировано в отдельные батальоны ранцевых огнеметов. Каждый батальон состоял из двух огнеметных и одной автотранспортной роты и насчитывал 240 ранцевых огнеметов. Батальоны использовались для усиления стрелковых частей и соединений при прорыве укрепленных районов противника и в крупных городах. Часть отдельных батальонов ранцевых огнеметов в середине 1944 года была включена в состав штурмовых инженерно-саперных бригад.

Роты ранцевых огнеметов, как правило, использовались децентрализованно. Они придавались дивизиям, а в дивизиях – полкам (1–2 взвода на полк). В своем резерве командир дивизии обычно оставлял до $\frac{1}{3}$ сил и средств. В полках огнеметчики распределялись по батальонам и занимали оборону совместно с пехотой. Они

оборудовали позиции в первой и второй траншеях и действовали, как правило, группами по 2–4 человека. Огнеметание производилось внезапно при приближении противника на 20–25 м к огнеметной позиции.

Особенно эффективными были подразделения огнеметчиков при штурме городов, насыщенных каменными зданиями, превращенными противником в долговременные огневые точки. Так, готовясь к участию в Восточно-Прусской операции совместно со стрелковыми полками 19-й стрелковой дивизии с 26 декабря 1944 года по 12 января 1945 года, огнеметчики отработали приемы совместных штурмовых действий. Приданные полкам поротно огнеметчики с 13 по 16 января участвовали в прорыве сильно укрепленной глубокоэшелонированной обороны противника в районе местечка Пилькален (Восточная Пруссия). За четверо суток боевых действий отдельный батальон ранцевых огнеметов уничтожил огнеметанием 31 огневую точку, 33 укрепленных здания, 1 танк, 2 противотанковые пушки, 4 ДЗОТа, 17 станковых и ручных пулеметов, 3 миномета и 234 солдат и офицеров противника. За мужество и отвагу 87 офицеров и солдат батальона были награждены орденами и медалями.

Также успешно применялись огнеметные подразделения и при штурме города Познань. При этом 41-й отдельный батальон ранцевых огнеметов уничтожил огнеметанием 198 подготовленных к обороне зданий, вместе с их гарнизонами, и один железнодорожный эшелон. За умелые действия 180 солдат, сержантов и офицеров этого огнеметного батальона были представлены к государственным наградам.

Огнеметные танки. Первый в СССР огнеметный танк ХТ-27 (ОТ-27) был создан в 1932 году. На нем вместо пулемета устанавливался брандспойт огнемета КС. Резервуар с огнесмесью монтировался на прицепе, а выстрел производился с помощью сжатого воздуха. Однако дальность стрельбы была всего 25 м. С этой дистанции 10-мм броня танкетки пробивалась обычной винтовочной пулей. Выпуск составил 187 единиц, к началу Великой Отечественной войны в строю осталось 32 единицы. ХТ-27 можно считать первым огнеметным танком СССР.

11 марта 1932 года Реввоенсовет СССР принял постановление «О придании мехбригаде химических и других средств для борьбы с закрепившейся пехотой противника». Разработку специального

оборудования для химического танка поручили КБ завода «Компрессор».

Летом 1932 года первый образец химического танка на базе Т-26 поступил на испытания. Первым огнеметным Т-26 стал танк ХТ-26 (ОТ-26), созданный на базе двухбашенного варианта Т-26 в 1933 году. В отличие от линейного прототипа, левая башня была демонтирована, а в корпусе под ней разместили огнеметное оборудование – резервуар для огнесмеси на 360 л, три баллона со сжатым воздухом, бензиновый бачок емкостью 0,7 л, брандспойт и систему зажигания. В правой башне устанавливался огнемет пневматического типа и пулемет ДТ (боекомплект 1512 патронов). Наведение огнемета и пулемета на цель осуществлялось с помощью плечевого упора. Дальность огнеметания смеси мазута и керосина – 35 м. Количество односекундных выстрелов – 70. За один выстрел под давлением сжатого воздуха в 12 кг/см² выбрасывалось 5 л огнесмеси. Поджигалась смесь от факела горящего бензина, а бензин – от электрической запальной свечи.

Впервые советскими войсками огнеметные танки были применены летом 1939 года во время боев на реке Халхин-Гол по ликвидации 6-й японской армии. На начало боевых действий в составе 57-го Особого корпуса Красной Армии, расквартированного в Монгольской Народной Республике, находилось 10 ХТ-26 (11-я танковая бригада). За период августовской операции (20–29 августа) химические танки ходили в атаку по 6–11 раз. Всего за период конфликта химические подразделения израсходовали 32 тонн огнеметной смеси.

Затем они были применены во время войны с Финляндией (конец 1939 – начало 1940 года). Тогда на петрозаводском направлении действовала 34-я легкотанковая бригада, в составе которой, в том числе, было и три огнеметных танка ОТ-26. Правда, действовала эта бригада не совсем удачно, а об использовании огнеметных танков ничего не известно.

При штурме линии Маннергейма после артиллерийской подготовки по ДОТам в первом эшелоне атакующих советских войск находилось 34 огнеметных танка. За мужество и героизм, проявленные при прорыве линии Маннергейма, командиру взвода огнеметных танков 37-й отдельной роты боевого обеспечения 35-й танковой бригады мл. лейтенанту А.Я. Тараканову, командиру огнеметного

танка той же роты Ф.П. Павлову и старшему механику-водителю огнеметного танка Ф.Ф. Кротову также присвоено звание Героя Советского Союза.

Несмотря на достаточно высокую эффективность химических танков, в ходе боев с финнами у них выявился главный недостаток – слабость бронирования.

В 1941 году на базе танка Т-34 был разработан огнеметный танк Т-034. На нем вместо курсового пулемета в корпусе был установлен огнемет марки АТО-41. В последующем его заменили огнеметом марки АТО-42, емкость бака которого составляла 100 литров, что позволяло производить 10 огневыстрелов.

В 1942 году на базе танка КВ-1 появился огнеметный танк КВ-8, имевший бак для смеси емкостью 600 литров, позволявший производить 60 огневыстрелов. Однако, по ряду технических причин, производство этого танка в том же году было завершено.

В 1944 году был сдан в производство новый огнеметный танк Т-034–85. На своем вооружении он имел тоже огнемет АТО-42, но емкость бака была увеличена до 200 литров. Соответственно, он мог производить 20 огневыстрелов.

В начале войны огнеметные танки соединений и частей были сведены в отдельные огнеметно-танковые батальоны и полки РВГК. На вооружении огнеметных танков помимо пушки и пулемета находились огнеметы АТО-41 и АТО-42.

При прорыве обороны противника огнеметные танки действовали в составе групп танков непосредственной поддержки пехоты (НПП) и придавались стрелковым соединениям.

В боевом порядке наступающих частей огнеметные танки двигались, как правило, за линейными на расстоянии до 200 метров непосредственно впереди стрелковых подразделений. При подходе к переднему краю противника огнеметные танки своим оружием (в том числе огнеметанием) уничтожали уцелевшие огневые точки и пехоту противника. В частности, так действовал 512-й огнеметно-танковый батальон в контрнаступлении под Сталинградом 4 декабря 1942 года в районе населенного пункта Бабуркин. После первых огнеметных выстрелов гитлеровцы в панике оставили свои позиции и бросились бежать.

При благоприятной обстановке танки осуществляли огнеметание не только по живой силе и ее огневым средствам, но и по танкам. Например, при контрнаступлении под Сталинградом 14 декабря 1942 года в бою у поселка Верхне-Кумский огнеметно-танковая рота 508-го отдельного огнеметно-танкового батальона нанесла серьезное поражение противнику. Ворвавшись под прикрытием тумана в расположение группы танков противника, рота с малых дистанций, используя внезапность, сожгла 8 танков, 6 штурмовых орудий и несколько десятков гитлеровцев. Советские танки вели огонь комбинированно, но чаще из пушек, так как цели оказывались на расстояниях, превышающих дальность огнеметания. Всего в ходе боя было сожжено и подбито 21 танк, 13 штурмовых и полевых орудий и уничтожено около 180 солдат и офицеров.

В целом боевое применение огнеметных танков для химической службы имело ряд осложнений, так как бронетанковая техника находилась в подчинении другого рода войск, что приводило к значительным трудностям в обеспечении танков запасными частями к огнемету и огнесмесью (с лета 1944 года – только порошком ОП-2), а также к различным взглядам на боевые задачи и приемы их решения.

Ампулометы были приняты на вооружение частей РККА в ноябре 1941 года. Они состояли на вооружении ампулометных команд (с марта 1942 года – взводов) стрелковых полков и ампулометных рот укрепленных районов, а также армейских ампулометных рот и предназначались для уничтожения огнем (поджога) танков и другой военной техники противника, а также для поражения его живой силы в окопах и закрытых сооружениях.

В наступлении, в зависимости от боевых задач ампулометы могли использоваться небольшими группами (парами) и в составе подразделений. Так, штурмовой группе в составе взвода (роты) могла быть придана пара ампулометов, а на решающем направлении прорыва обороны стрелковой роте мог быть придан ампулометный взвод (6–8 ампулометов).

Наиболее широко применялись пары ампулометов для уничтожения огневых точек, расположенных в деревянных строениях. В отдельных случаях давало удовлетворительный результат массированное применение ампулометов. Так, в Сталинградской битве в декабре 1942 года 34 ампулометными взводами Донского фронта

(215 ампулометров) было уничтожено 8 танков, 33 ДЗОТа, 25 строений, одна огнеметная точка и 68 гитлеровцев. При ликвидации окруженной фашистской группировки в старинной крепости Великие Луки в январе 1943 года массированный обстрел крепости из ампулометров вынудил к сдаче крупный гарнизон, в составе которого было до 500 человек с девятью танками и сильной артиллерией.

Тем не менее на опыте войны специалисты пришли к убеждению, что результативность применения ампулометров была низкой. Основной причиной ограниченного применения в боях ампулометров были многочисленные недостатки этого оружия. В частности, малая точность стрельбы при поражаемости цели только прямым попаданием, низкая скорострельность, громоздкость, недостатки конструктивного характера. С появлением и увеличением количества других более эффективных средств борьбы с танками в середине 1942 года производство ампулометров было прекращено, а летом 1943 года они были сняты с вооружения.

Дымы. Маскировка войск и объектов дымом в годы войны уменьшала эффективность огневого воздействия противника, облегчала нашим войскам преодоление зоны действительного ружейно-пулеметного и артиллерийского огня и содействовала успешному выполнению боевых задач. Кроме того, маскировка дымом давала наступающим возможность скрыть направление главного удара и дезорганизовать противника относительно целей и характера действий.

Нейтральные дымы применялись всеми родами войск. Однако основную и решающую роль при применении дымов в целях обеспечения боевых действий войск и маскировки важных объектов тактического, оперативного и стратегического тыла играли подразделения и части химических войск.

Следует напомнить, что дымовые средства до лета 1942 года, а на ряде участков фронта и позднее не применялись. Это было связано с крайне незначительным количеством этих средств, а также с запрещением их использования еще в период советско-финской войны 1939–1940 гг. Это распоряжение было отменено только летом 1942 года.

Лишь к началу июля 1942 года Главное химическое управление своей директивой потребовало «научить войска широкому и умелому

применению дымов», после чего химические отделы фронтов и армий доносили, что ими дано «разрешение» войскам на применение дымовых средств. Однако в связи с отсутствием этих средств или неумением их применять войска полученным разрешением до конца лета мало пользовались. Понадобились неоднократные указания самых высших инстанций для преодоления этого недостатка.

Планирование и применение дымовых средств проводилось на основании решений командующих фронтами (армиями). В соединениях (частях) применение дымовых средств для решения тактических задач осуществлялось с учетом решений старшего командования. Планы предусматривали задачи применения дымов химическими и стрелковыми войсками, артиллерией и авиацией, места дымовых завес, их продолжительность, потребное количество дымовых средств, время начала и конца дымопуска, исполнителей и ответственных лиц и другие вопросы.

Для использования этого плана начальники химической службы соединений (химических отделов объединений) были обязаны составить предварительные расчеты на потребное количество дымовых средств и сил для осуществления дымопусков, провести рекогносцировку рубежей дымопуска и выбрать разгрузочные пункты для подразделений и частей, производящих дымопуск и согласовать вопросы осуществления дымопусков с действиями стрелковых, танковых частей и соединений и артиллерией.

В обороне задымление применялось при проведении мероприятий оперативной маскировки с целью введения противника в заблуждение, а также для прикрытия или демонстрации ложных передвижений и перегруппировок армейских резервов в глубине обороны.

Примером применения дымов с целью оперативной маскировки может служить постановка дымовой завесы 5-й ударной армией 3-го Украинского фронта в августе 1944 года. Тогда 5-я ударная армия, имея задачу прочно оборонять занимаемый рубеж, в соответствии с планом дымового обеспечения фронта, поставила дымовую завесу перед передним краем главной полосы с тем, чтобы отвлечь внимание противника от центрального участка фронта южнее Тирасполя, где 57-я, 37-я и 46-я армии, переходя в наступление, наносили главный удар. Тогда отвлекающие дымовые завесы сыграли определенную роль. Противник, считая, что на этих участках будет осуществлен переход в

наступление, открыл по ним сильный артиллерийский и ружейно-пулеметный огонь и задержал переброску войск на направление главного удара.

Важной задачей применения дымов в армейских оборонительных операциях являлась маскировка смены или перегруппировка своих войск. Так, в июне 1944 года соединения и части 46-й армии 3-го Украинского фронта вели оборонительные бои на рубеже р. Днестр. При этом важное значение для развития будущих наступательных действий имело удержание нашими войсками отдельных плацдармов на правом берегу реки. Один из плацдармов оборонял 31-й стрелковый корпус, занимая оборону на рубеже Троицкое, Ясски, Беляевка. По плану фронта 31-й стрелковый корпус подлежал выводу в резерв, а его части, оборонявшие плацдарм, сменялись 259-й дивизией.

Условия местности были неблагоприятными для скрытого проведения смены войск, так как для того, чтобы подойти к переправам через р. Днестр, частям 259-й дивизии нужно было преодолеть расстояние в 3–4 км по совершенно открытой местности, причем основной дорогой служила дамба, отлично просматриваемая противником. С учетом этого было принято решение провести смену с использованием дымовых завес. При этом подразделения химической защиты, не имея достаточно дымовых шашек, применяли дымовую смесь из врытых в землю бочек без верхних крышек. Под прикрытием такой завесы в течение двух часов части дивизии и корпуса организовано провели смену района без потерь в живой силе и технике.

Важной задачей применения дымов в оборонительных операциях, получившей широкое распространение в годы войны, являлась маскировка тыловых объектов и переправ. Она проводилась с целью скрытия последних от воздушной разведки, а также снижения эффективности бомбовых ударов авиации. Так, в частности, известно, что в феврале и марте 1942 года немецкая авиация дважды повреждала железнодорожный мост через р. Угру у разъезда Сергиев Скит, хотя он и прикрывался средствами ПВО. Но с апреля, когда мост стал прикрываться и дымом, не было отмечено ни одного попадания в него, несмотря на продолжение интенсивных налетов авиации противника. То же наблюдалось и при маскировке дымами важного

промышленного центра города Саратова силами технической бригады (командир бригады полковник В.С. Берёзкин).

С 1943 года было принято решение подразделения противохимической защиты постоянно привлекать к проведению дымовой маскировки боевых действий войск и важных тыловых объектов. С этой целью отдельные батальоны химической защиты были доукомплектованы специальными средствами дымопуска. Так, роты дегазации местности сыпучими дегазаторами получили Специальные дымовые прицепы СП-1 (позднее СП-2), а также дымовые сифоны, комплект которых включал бочки для дымовой смеси, баллоны со сжатым воздухом, трубопроводы и коллекторы с распылителями. В результате батальон, используя имеющиеся средства дымопуска, был способен поставить дымовую завесу на фронте 6–8 километров и обеспечить маскировку одной-двух переправ через водную преграду или крупного тылового объекта при общей площади фактического задымления до 32 км.

Об эффективности дымовой маскировки свидетельствует тот факт, что с июля 1943 года по май 1945 года на прикрываемые дымом армейские и фронтовые переправы 2-го Украинского фронта авиация противника произвела 10 300 самолето-вылетов, сбросив более 26 тыс. фугасных бомб, и только в четырех случаях отмечены их незначительные повреждения.

В ряде случаев отдельные батальоны химической защиты применялись для постановки дымовых завес и прикрытия ложных объектов по плану оперативной маскировки. Так, в октябре 1943 года, при форсировании Днепра, силами двух батальонов, действовавших в составе 40-й армии (начальник химического отдела подполковник В.И. Жив) и шести отдельных рот химической защиты дивизий в течение пяти суток прикрывались дымом армейские переправы в районе Букринского плацдарма, где имитировались сосредоточение и боевые действия танковой армии. С этой целью дымопуск осуществлялся на 13 участках общей протяженностью свыше 20 км с использованием табельных и подручных средств.

С аналогичной задачей применялись отдельные батальоны химической защиты и 2-го Белорусского фронта (начальник химического управления полковник Н.Ф. Успенский) в феврале 1945 года. Их силами осуществлялось дымовое прикрытие выхода частей 2-

й ударной армии на фронте 12 км к р. Висла и демонстрация ее форсирования.

При подготовке Берлинской операции три отдельных батальона химической защиты 2-го Белорусского фронта в течение четырех суток задымляли ложный район сосредоточения войск общей площадью свыше 200 кв. км. Такие действия химических войск в сочетании с другими мероприятиями оперативной маскировки в большей степени способствовали введению противника в заблуждение относительно направления главного удара фронта.

Для маскировки важных тыловых объектов от ударов авиации противника также создавались и бригады химической защиты, состоявшие из нескольких батальонов. Свои задачи эти бригады решали в тесном взаимодействии с частями и соединениями ПВО.

В течение войны совершенствовалась организация и расширялись масштабы маскировки дымом крупных объектов тыла оперативного и стратегического значения. Только в течение 1943 года дымом маскировались 69 объектов тыла, в их числе крупные промышленные объекты в Самаре, Нижнем Новгороде, Саратове, Электростали и др. Кроме того, была осуществлена маскировка трех железнодорожных узлов, шести крупных железнодорожных мостов и 54 переправ. За этот период немецко-фашистская авиация совершила на маскируемые объекты 296 налетов, в которых участвовало свыше 2900 самолетов, сбросивших более 2 тыс. крупных фугасных бомб. Лишь 12 бомб достигли цели, причинив маскируемым объектам повреждения.

Всего за годы Великой Отечественной войны дымами маскировалось более 560 важных тыловых объектов. На них было произведено свыше 3300 налетов авиации противника (до 31 тыс. самолето-вылетов), сбросившей около 33 тыс. бомб. При этом попадания в цель были отмечены лишь в 70 случаях, что составляет менее 2 % от числа авиационных налетов, совершенных на эти объекты, и только около 0,2 % от числа сброшенных на них крупных фугасных бомб.

Дымы эффективно использовались и в наступлении. Так подсчитано, что на всех фронтах с августа 1943 года по февраль 1944 года было 509 случаев централизованного применения дыма в масштабах дивизия – корпус и 487 случаев для прикрытия

наступательных действий более мелких подразделений. Во всех случаях дымовые завесы обеспечивали положительные результаты.

В 1944 году по вопросам применения дымов даже была издана специальная директива. Она требовала: «... Всем непосредственно атакующим стрелковым отделениям и блокирующим группам пехоты, а также орудиям прямой наводки, орудиям сопровождения пехоты и танкам выдавать по 4–6 ручных дымовых гранат на отделение, группу, орудие и танк. При недостатке ручных дымовых гранат... выдавать по 2–3 дымовые шашки ДМ-11; в каждой наступающей стрелковой дивизии иметь кроме расходного запаса неснижаемый запас 500 штук дымовых шашек ДМ-11; при планировании операции включать сверх боевого комплекта не менее 10 % 76-мм и 122-мм дымовых снарядов и 82-мм дымовых мин...»

В 1945 году, при проведении Берлинской операции войсками 1-го Украинского фронта с помощью дымов решался широкий комплекс задач. До начала операции с помощью дымов:

- демонстрировался ложный подход наших войск из глубины на левом крыле фронта (при каждом появлении авиации противника поднимались дымовые завесы в районах переправ, железнодорожных станций и на маршрутах силами химических и тыловых подразделений);

- за два дня до операции началась демонстрация ложных сосредоточений войск (по ночам и особенно под утро разжигалось до 700 костров, а утром на полянах и опушках поднимались дымовые завесы);

- за четыре дня до начала операции на левом фланге фронта начались ложные работы по подготовке плацдармов для наступления (использовались стрелковые и саперные подразделения с дымовыми средствами);

- непосредственно накануне прорыва маскировались дымом ложные выдвижения войск в исходные районы (на левом крыле фронта).

Всего в подготовительный период только на левом крыле фронта с 12 по 16 апреля 1945 года было поставлено 225 отдельных дымовых завес, осуществлено задымление 244,5 км переднего края (74 дымовые завесы) и тыловых объектов на площади 47 км².

В день начала наступления дымовая завеса была подготовлена по всему переднему краю фронта протяженностью около 400 километров с целью скрыть направления главных ударов фронтов и армий, ослепить противника и обеспечить переправу через реку Нейсе передовых частей и штурмовых отрядов армий на направлении главного удара. Затем дымы использовались для того, чтобы прикрыть наведение переправ через реку Нейсе для главных сил армий, а также для того, чтобы симитировать ложные наступательные действия на левом крыле фронта.

Всего в день прорыва в полосе 1-го Украинского фронта дымовые завесы были подняты в полосе 310 км из 400 планируемых. При этом дымовыми средствами химических войск прикрывалась полоса шириной в 292 километра, артиллерией – 11 километров, авиацией – 7 километров. Продолжительность дымопусков колебалась от 1 часа до 2 часов 30 минут.

Таким образом, химическое оружие в годы Великой Отечественной войны являлось одним из эффективных средств воздействия на противника в различных видах боевых действий. Была отработана тактика его применения как в наступлении, так и в обороне, появились новые средства. В то же время нужно признать, что обе стороны, даже несмотря на наличие и всю бескомпромиссность вооруженной борьбы, не решились применять боевые отравляющие вещества.

Железные дороги войны

С середины XIX века основным средством для переброски войск на большие расстояния стал железнодорожный транспорт. С этой целью начали формировать воинские эшелоны. В 1927 году, в связи с военной реформой, считалось, что для перевозки типовой стрелковой дивизии РККА по железной дороге, необходимо не менее 27 эшелонов. Для перевозки танковых и артиллерийских соединений расчеты были другие.

В предвоенные годы развитию железнодорожного транспорта советское правительство уделяло особое значение. Благодаря этому он в целом был готов к тяжелым испытаниям военного времени. Железнодорожный транспорт СССР к лету 1941 года насчитывал в своем парке тысячи мощных локомотивов, вагонов, платформ и цистерн большой грузоподъемности; имел достаточные запасы топлива и смазочных материалов, а также все необходимое для ремонта подвижного состава и восстановления поврежденных участков железных дорог; располагал квалифицированными специалистами, сумевшими в тяжелых условиях войны проявить немало творческой инициативы, направленной на решение сложных и ответственных задач.

Была подготовлена к работе по осуществлению массовых воинских перевозок и служба военных сообщений РККА. Она имела в своем составе центральные, окружные и линейные органы, которые являлись полномочными представителями военного командования, имевшими право предъявлять его задания транспортным органам и контролировать их выполнение.

Тем не менее в результате внезапного нападения противника железнодорожный транспорт СССР и, прежде всего, западных областей страны, оказался в трудном положении. Отмобилизование приграничных железных дорог и развертывание на них органов ВОСО было серьезно нарушено. Быстрое продвижение противника потребовало изменения планов мобилизационных перевозок. Частые переадресовки оперативных эшелонов, массовые эвакуационные

перевозки привели к большим скоплениям на узловых станциях поездов.

Большие проблемы были связаны с перегруппировкой войск, которая проводилась не только с тыла к фронту, но и вдоль фронта. Так, уже 26 июня 1941 года Главное Командование приняло решение перебросить из района южнее Киева в район Витебска 19-ю армию генерала И.С. Конева. Ее войска с юга на север перевозились 350 эшелонами. В это время с востока на запад, к границам, также двигались войска, а с запада на восток проводилась эвакуация наиболее ценного имущества. В результате такой «карусели» к 10 июля, т. е. на 10-е сутки передислокации, из числа отправленных из района Киева эшелонов 19-й армии в район сосредоточения прибыло только 68.

27 июня 1941 года 16-я армия, только что прибывшая из внутреннего округа в район Бердичева, Проскурова и Старокопачинского, получила указание Генерального штаба совершить перегруппировку в район западнее Смоленска. К моменту получения этой задачи 115 эшелонов данной армии уже были выгружены. Пришлось в срочном порядке менять планы, обратно загружать имущество и также совершать рокадное движение вдоль фронта. Несмотря на все эти трудности, перегруппировка армии в новый район предназначения была завершена к 8 июля.

Кроме того, в период с 27 по 28 июня 1941 года Ставкой были отданы директивы о выдвигании из внутренних районов страны и с других направлений на западное до 70 дивизий. И это указание железнодорожниками было выполнено успешно – к 10 июля из этого числа соединений в районе западнее Смоленска сосредоточились 32 дивизии, 9 дивизий выгружались на железнодорожных станциях, а еще 29 находились в пути.

Также следует напомнить, что все эти перевозки проходили в очень трудных условиях. Используя свое господство в воздухе, вражеская авиация подвергала интенсивным бомбардировкам все основные железнодорожные объекты на глубину 350–400 км.

В целях улучшения управления воинскими перевозками в июле – августе 1941 года была проведена реорганизация центрального Управления ВОСО. Для планирования и руководства снабженческими перевозками в нем были созданы самостоятельные

специализированные отделы по видам материальных средств, а в сентябре – отдел санитарной эвакуации. 5 августа 1941 года были введены новые штаты линейных органов ВОСО, в которых предусматривались отделения по управлению снабженческими перевозками. Постановлениями ГКО, приказами НКПС и НКО, директивами начальника тыла РККА последовательно с 20 июля 1941 года вводилось пятидневное планирование, с 20 сентября 1941 года – декадное, а с марта 1942 года – месячное, которое себя полностью оправдало и применялось до конца войны.

В зависимости от важности и срочности перевозок уже в 1941 году были введены литерные и экспресс-поезда, скорость продвижения которых достигала 600–700 км в сутки.

Новым явлением в годы войны стали паровозные колонны, которые не приписывались к определенным депо. Впервые они начали применяться осенью 1941 года на Московском железнодорожном узле, для того чтобы обеспечить выполнение большого объема оперативных, снабженческих и эвакуационных перевозок. Колонны имели в своем составе от 15 до 30 паровозов с прикрепленными к каждому из них локомотивными и кондукторскими бригадами и вагонными мастерами. Личный состав размещался в четырехосных вагонах-теплушках. В них хранился также 15-суточный запас продовольствия и находился небольшой вещевой склад. Эксплуатация паровозных колонн показала их эффективность, и на основе полученного опыта в 1942 году началось формирование особого резерва паровозных колонн Народного комиссариата путей сообщения (НКПС).

Для эвакуации с фронта раненых и больных были сформированы специальные постоянные и временные военно-санитарные поезда емкостью от 500 до 800 мест.

Несмотря на трудные условия, железнодорожный транспорт в первые месяцы войны выполнил значительный объем воинских перевозок. Только за первые десять дней войны было погружено свыше 5 тыс. оперативных эшелонов. Летом и осенью 1941 года из внутренних военных округов на фронт были доставлены, главным образом железнодорожным транспортом, сотни стрелковых дивизий и стрелковых бригад, более 2 млн человек маршевых пополнений.

В период битвы за Москву за ноябрь – декабрь 1941 года к столице было направлено 2258 эшелонов с войсками. Одновременно с

этим были осуществлены большие внутрифронтовые перевозки, связанные с подготовкой контрнаступления. И это при том, что противник постоянно подвергал сильным атакам с воздуха железнодорожные объекты и поезда на станциях и перегонах. В частности, только на Московско-Рязанскую железную дорогу было совершено 159 налетов вражеской авиации. Однако движение поездов по этой железной дороге не прекращалось ни на минуту. В Москву по этой линии прибывало по 7–8 тыс. вагонов в сутки.

Всего же железнодорожным транспортом в период оборонительных боев и подготовки контрнаступления под Москвой Калининскому, Западному и Юго-Западному фронтам было подано 333,5 тыс. вагонов, из них 265,8 тыс. вагонов составили оперативные перевозки.

Кроме перевозок, железнодорожные войска также решали задачи по восстановлению разрушенных железных дорог. Но оказалось, что они к этому не готовы из-за недостаточной технической оснащенности железнодорожных войск, слабого обеспечения их восстановительными материалами, а главное – отсутствия опыта организации и производства таких работ и единого управления восстановительными силами и средствами.

Поэтому постановлением ГКО в январе 1942 года общее руководство всеми восстановительными и заградительными работами было возложено на Народный комиссариат путей сообщения, в составе которого было образовано Главное управление военно-восстановительных работ (ГУВВР) во главе с генералом Н.А. Просвириным. Во всех фронтах были сформированы соответствующие управления военно-восстановительных работ (УВВР) и организованы головные базы восстановительных материалов. А для координирования работы всех видов транспорта в феврале того же года при ГКО был образован Транспортный комитет под председательством И.В. Сталина, заместитель А.А. Андреев.

Принимается ряд действенных мер по нормализации работы железнодорожного транспорта. Однако трудности продолжали оставаться. Они были вызваны большой потерей подвижного состава. Кроме того, после временной потери Донбасса каменный уголь для паровозов, эксплуатировавшихся на железных дорогах Центра и Поволжья, пришлось завозить из Кузбасса, Сибири и других районов

на расстояние до 3 тыс. км. В качестве временных мер на Северной, Кировской, частично Калининской, Московско-Киевской, Горьковской, Ярославской и Октябрьской железных дорогах паровозы были переведены на дровяное отопление. Всего в 1942 году было построено 3145 километров основных железнодорожных линий и восстановлено 4619 километров.

Во второй половине 1942 года путем массированных бомбардировок немецко-фашистское командование пыталось нарушить работу железных дорог, подходящих к Сталинграду. За время битвы под Сталинградом враг сбросил на Рязано-Уральскую и Юго-Восточную железные дороги, обслуживающие войска Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов, более 90 тыс. бомб. Но, несмотря на это, с июля по декабрь 1942 года на Юго-Восточной и Рязано-Уральской железных дорогах ежедневно выгружалось от 1350 до 1850 вагонов с воинскими грузами. А общий объем воинских перевозок в район Сталинграда с июля 1942 года по 1 января 1943 года составил 3269 поездов (160 783 вагона) с войсками и 1052 поезда (42 094 вагона) с материальными средствами.

К началу второго периода войны на железных дорогах сложилась трудная обстановка. На 1 февраля 1943 года на сети железных дорог скопилось 126 тыс. вагонов (каждый четвертый – рабочего парка вагонов страны) с воинскими грузами. Имели место и другие недостатки, связанные с нарушениями правил обеспечения безопасности движения поездов, трудовой дисциплины, неорганизованностью в работе.

В январе 1943 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР потребовали от всех советских и партийных органов оказать всемерную помощь железнодорожному транспорту. Предлагалось вернуть на транспорт железнодорожников, работавших в других отраслях народного хозяйства, укрепить кадры и усилить работу с ними. В целях повышения трудовой дисциплины на железнодорожном транспорте Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 апреля 1943 года железные дороги СССР были объявлены на военном положении. Все рабочие и служащие железных дорог объявлялись мобилизованными на время войны. Они закреплялись для работы на железнодорожном транспорте, и на них распространялись все законы, действовавшие в РККА, вплоть до расстрела.

Все это было обусловлено стратегическими замыслами ведения войны – с марта по август 1943 года начались воинские перевозки, связанные с подготовкой Курской битвы. В этот период Брянскому, Центральному, Воронежскому и Степному фронтам железнодорожным транспортом было доставлено 3177 эшелонов с войсками и 2543 поезда с материальными средствами. Только на этапе подготовки оборонительного сражения выгрузка воинских эшелонов в районе Курского выступа доходила до 120 поездов или 6 тыс. вагонов в сутки.

Особенно высокие темпы выполнения воинских перевозок были отмечены при подготовке и в ходе Белорусской наступательной операции. Они в два раза превысили среднесуточные темпы воинских перевозок периода подготовки к Курской битве. Всего с 1 по 23 июня 1944 года 1-му Прибалтийскому, 3-му, 2-му и 1-му Белорусским фронтам было подано более 75 тыс. вагонов с войсками и материальными средствами (в среднем 90–100 поездов в сутки). В то же время опыт Белорусской и ряда последующих операций показал, что при наступлении войск с высокими темпами возникают значительные трудности при восстановлении железных дорог.

В целом же, общий объем воинских железнодорожных перевозок в 1944 году достиг наивысшего уровня за весь период войны и составил 126 389 поездов (5718,9 тыс. вагонов).

Существенно усложнилась работа железнодорожных войск РККА с выходом советских войск на территорию зарубежных стран. Сказались разница в ширине колеи, различные габариты подвижного состава и т. д. Так, только на территории Румынии возникла потребность «перешивать» на союзную колею почти 700 километров железных дорог. Однако в октябре 1944 года постановлением ГКО «перешивка» железных дорог была запрещена.

Поэтому чаще всего для осуществления воинских перевозок на стыке железных дорог СССР и сопредельных стран создавались перевалочные базы, где войска и грузы перегружались из вагонов железных дорог союзной колеи в вагоны европейской колеи.

В ходе подготовки и ведения Берлинской операции возникли большие затруднения, вызванные тем, что противник взорвал почти все железнодорожные мосты через Одер и Нейсе. Несмотря на это, железнодорожными войсками для 1-го, 2-го Белорусских и 1-го

Украинского фронтов с 1 марта по 10 мая 1945 года было подано 3702 поезда (179 495 вагонов) с войсками и материальными средствами.

Таким образом, железнодорожные воинские перевозки в третий период войны по сравнению со вторым еще больше увеличились. Была выполнена большая работа по восстановлению разрушенных железных дорог. Было восстановлено свыше 45 тыс. км и «перешито» 11 725 км железнодорожных линий – в 2,5 раза больше, чем во втором периоде.

Таким образом, железнодорожный транспорт СССР с честью справился со своими задачами в годы Великой Отечественной войны. Общий объем железнодорожных воинских перевозок в Великой Отечественной войне составил 4 612 299 вагонов. Кроме того, железнодорожные войска и специальные формирования НКПС за это время восстановили, «перешили» и привели в эксплуатационное состояние около 120 тыс. километров железнодорожных путей, 2756 больших и средних мостов, более 13 тыс. малых мостов и труб, 46 тоннелей.

Работу советских железнодорожников были вынуждены отметить и наши союзники по антигитлеровской коалиции. В брошюре «Методы боевых действий русских войск во Второй мировой войне», изданной министерством армии США, в частности, говорилось: «Следует отметить отличное использование русскими железных дорог, хотя это и не относится непосредственно к боевым действиям. С помощью железных дорог русские осуществляли стратегические сосредоточения и переброску одной или нескольких армий в невероятно короткие сроки».

Польская армия Андерса

Советское руководство с началом Великой Отечественной войны всеми силами стремилось показать всему миру, что не только в своих, но и в его интересах ведет войну с фашизмом. Эта же работа велась среди солдат и офицеров бывшей польской армии, которые после известных событий 1939 года оказались на советской территории. И уже в августе 1941 года из числа этих лиц началось формирование польской армии.

Предыстория этого вопроса была исключительно простой. В ноябре 1940 года известный польский политический деятель и писательница Ванда Василевская на встрече с И.В. Сталиным впервые поставила вопрос о формировании польских добровольческих частей. Тогда советским руководством этот вопрос был признан преждевременным – у СССР были большие планы на ближайшее, реализация которых во многом зависела от Германии. Но определенные работы в этом направлении начались. В подмосковном поселке Малаховка была собрана небольшая группа польских офицеров, которые начали разрабатывать планы формирования польской армии на территории СССР.

22 июня 1941 года группа офицеров польской армии, интернированных в сентябре 1939 года, во главе с подполковниками З. Берлингом и Л. Букоемским обратилась к советскому правительству с просьбой дать им оружие и предоставить возможность участвовать в борьбе на стороне СССР против фашистской Германии. В это же время и поляки-коммунисты, находившиеся в Белоруссии, обратились с просьбой разрешить им сформировать польскую добровольческую часть.

На этот раз к предложениям поляков советское руководство отнеслось с пониманием. Более того, оно со своей стороны сделало все возможное для появления этих предложений. С этой целью была мобилизована большая группа коммунистов польского происхождения, которая затем работала в лагерях для интернированных поляков с вполне определенными целями. Так появилась идея о создании армии Андерса.

Дело было решено не откладывать в долгий ящик. Вскоре начали работать призывные комиссии. Призыву подлежали солдаты и офицеры Войска Польского, находившиеся в лагерях для интернированных, а также молодежь призывного возраста из числа осужденных и высланных в административном порядке в 1939–1941 гг. из районов Западной Украины и Западной Белоруссии. Кроме того, туда направлялись по призыву поляки, эвакуировавшиеся из западных районов СССР в 1941 году, а также переводились лица польской национальности, уже находившиеся в строительных батальонах и боевых частях Красной Армии. В первую очередь набор в смешанные призывные комиссии начали в Грязовецком, Южском, Суздальском и Старобельском лагерях, где находились интернированные польские солдаты.

Сразу же остро встала проблема о том, кого считать польскими гражданами, подлежащими призыву в эту армию? По этому вопросу возникли противоречия между советской и польской сторонами. Польская сторона считала таковыми всех жителей Польши в границах до 31 августа 1939 года. Но советская сторона была не согласна с этим. На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР о гражданстве от 29 ноября 1939 года все бывшие польские граждане, находившиеся на территории западных областей Украины и Белоруссии к моменту вхождения этих областей в состав СССР 1–2 ноября 1939 года, считались гражданами Советского Союза.

Но на этот раз советские власти должны были отступить. Было решено сделать изъятие из Указа и считать гражданами Польской Республики всех поляков – жителей областей Западной Белоруссии и Западной Украины, включенных в состав СССР в 1939 году.

Районы формирования частей и соединений польской армии были намечены в Саратовской и Оренбургской областях, в Татищевском и Тоцком лагерях. Штаб армии было решено разместить в городе Бузулуке. Так как советское руководство было очень заинтересовано в создании этой армии, то заседания совместной комиссии следовали одно за другим, а протоколы визировались непосредственно И.В. Сталиным или В.М. Молотовым.

Однако полного доверия полякам со стороны советского руководства не было. Поэтому за всем личным составом формируемой армии, особенно за ее командованием, был установлен политический

контроль. К каждому польскому полку и дивизии, помимо офицера связи Красной Армии, был прикреплен и офицер связи от органов НКВД. Заместителем уполномоченного Верховного Главнокомандования Красной Армии по формированию польской армии был назначен майор госбезопасности Г.С. Жуков. Впоследствии, в 1942 году, он стал уполномоченным Ставки Верховного Главнокомандования и комиссаром госбезопасности 3-го ранга.

Темпы формирования армии Андерса были достаточно высокими. Уже по состоянию на 29 августа 1941 года в ее ряды было призвано и зачислено 8,6 тыс. человек, на 31 августа – более 20,7 тыс., на 25 октября 1941 года – 41,5 тыс. солдат и офицеров. Польский посол в Москве С. Кот докладывал в Лондон, что «советские военные власти... на практике полностью идут навстречу польским требованиям, отдавая войску солдат, мобилизованных уже в Красную Армию на землях восточной Польши».

Снабжение и обеспечение польской армии всем необходимым устанавливалось по существующим для Красной Армии нормам. В то же время острой и сложной проблемой стал вопрос с вооружением польских частей. Советская сторона брала на себя обязательство предоставить вооружение, снаряжение, обмундирование, автомашины и пр. для польской армии из собственных запасов в меру возможности, рассчитывая, что польская сторона договорится о соответствующих поставках и с другими союзниками. Но таких возможностей практически не было, так как в то время на советско-германском фронте решался вопрос о судьбе страны, и фронт требовал бесперебойного снабжения оружием, боеприпасами, которых катастрофически не хватало. Поэтому вопрос о вооружении польской армии приобретал не столько военный, сколько политический характер.

Тем не менее командование польской армии, несмотря на проблему с вооружением, постоянно добивалось не предусмотренного соглашением увеличения ее численности, формирования все новых и новых соединений. В начале октября 1941 года генерал В. Андерс обратился к советскому правительству с просьбой сформировать новые дивизии, в том числе две в Узбекистане. Об этом же ходатайствовал и польский посол С. Кот.

К тому времени Разведывательное управление Генерального штаба через свои каналы установило, что члены польского правительства, находящиеся в эмиграции в Лондоне, начали строить определенные политические планы с учетом нахождения на территории СССР армии Андерса. Поэтому Генеральный штаб РККА в лице его начальника Маршала Советского Союза Б.М. Шапошникова всячески убеждал И.В. Сталина несколько повременить с созданием этого объединения.

«Я хорошо знаю поляков еще по временам империалистической войны, – говорил Шапошников. – Тогда с виду все они были лояльными к России, некоторые выглядели даже откровенными патриотами. Но как только ситуация менялась, настроения этих людей также изменялись самым коренным образом. В самое короткое время они стали не только откровенными националистами, но и врагами России. В 1919 и 1920 гг. мы в полной мере почувствовали это».

В итоге было решено не блокировать этот процесс, но объяснить полякам, что единственным препятствием для формирования новых дивизий, как и прежде, является отсутствие вооружения, а также трудности с продовольственным снабжением в СССР.

Но сами поляки, подгоняемые Лондоном, не желали считаться с данными доводами. Так, посол Польши в Москве С. Кот немедленно сообщил в Лондон, а также послам США и Великобритании в СССР, что Советский Союз не хочет, чтобы на его территории была создана крупная польская армия.

Лондон, основываясь на несогласованности действий руководства формируемой польской армии и советского правительства, повел собственную игру. С его подачи начинается обострение польской стороной вопроса о снабжении армии, выдвигается проблема ее вывода с территории СССР. Так, 25 октября 1941 года В. Сикорский устно заявил советскому послу при эмигрантских правительствах в Лондоне А.Е. Богомолу о намерении перевести польские части в Иран или вывести их в район Астрахани. Кроме того, поляки продолжали категорично настаивать на увеличении численности польской армии. Так, в ноте от 1 ноября 1941 года польский посол С. Кот предлагал рассмотреть проблему использования в формируемых новых польских единицах «всех находящихся на территории СССР польских солдат и польских граждан, годных к военной службе...»

В конце ноября 1941 года в Москву с визитом приехал глава польского правительства В. Сикорский. Целью его визита являлось рассмотрение сложных вопросов двусторонних отношений, требующих совместного разрешения. 3 декабря В. Сикорский в сопровождении С. Кота и В. Андерса, выступающего в роли переводчика, был принят в Москве Сталиным. В ходе беседы В. Сикорский ограничился обсуждением двух проблем: о польском населении в СССР и об армии Андерса.

Говоря о формируемой польской армии, В. Сикорский вначале заговорил о переводе летчиков-поляков в Англию, а также о направлении 20–25 тыс. военнослужащих для пополнения польских частей, ведущих боевые действия с фашистами на Ближнем Востоке. Но в конце встречи он конкретно поставил вопрос о выводе всей польской армии в Иран, гарантируя при этом последующее возвращение их в СССР для участия в боевых действиях на советско-германском фронте.

И.В. Сталин отреагировал на это довольно резко. «Если поляки не хотят здесь воевать, то пусть прямо об этом скажут, – заявил он. – Где войско формируется, так там оно и останется. Мы обойдемся и без вас. Можем всех отдать. Вот отвоюем Польшу и тогда вам ее отдадим, но что на это люди скажут?»

Затем встал вопрос о поляках, которые, по данным польской стороны, не были освобождены в СССР из лагерей. Список на этих поляков В. Сикорский вручил Сталину, который пообещал разобраться с этим вопросом. Кроме того, Сталин согласился с формированием еще одной польской дивизии за счет СССР, предупредив, однако, что остальные должны вооружаться за счет Англии и США.

В итоге по военным вопросам в Москве было принято решение о том, что формируемая польская армия должна насчитывать семь дивизий (всего до 96 тыс. человек), снаряжение, вооружение и питание которых предусматривалось проводить по нормам Красной Армии. Также было решено, что все уже сформированные польские дивизии для боевого слаживания временно будут переведены в Среднюю Азию. Направление польской армии на фронт предполагалось лишь после достижения ею нужного уровня боевой готовности и после того, как на обеспечение армии будет предоставлен новый кредит западными государствами. Предварительно, этот срок был определен 15 июня

1942 года. Сам Сикорский был уверен, что, самое позднее, к марту – апрелю 1942 года из Англии и США для польской армии придут транспорты с вооружением. Реально же за год пребывания польской армии в СССР ни одного транспорта с оружием от западных держав так и не поступило.

Передислокация польских соединений из Поволжья в Среднюю Азию по плану, составленному Генеральным штабом РККА, произошла в период с 20 января по 25 февраля 1942 года. Также, благодаря его усилиям, к марту 1942 года общая численность польской армии достигла 73,4 тыс. человек.

В то время Б.М. Шапошников предлагал И.В. Сталину для начала направить на фронт самую боеспособную 5-ю польскую дивизию. Данный вопрос обсуждался на самом высоком уровне, но, как выяснилось, это не входило в планы польского командования и политиков, находившихся в Лондоне. Поэтому на это предложение В. Андерс заявил, что, по его мнению, одна польская дивизия просто незаметно растворится в огромной массе советских войск и не будет замечена мировой общественностью. Он считал, что вся польская армия должна нанести удар одновременно, ибо только тогда будут достигнуты как военные, так и политические цели. При этом основная ответственность за неподготовленность польской армии в целом была возложена на советскую сторону, не сделавшую всего необходимого, по мнению польского командования, для снаряжения частей и соединений. Точка зрения генерала В. Андерса была в целом поддержана премьер-министром В. Сикорским.

В это же время В. Андерс активизировал свои усилия по выводу всей польской армии из СССР на территорию Ирана. Аргументом для этого стало резкое ухудшение продовольственной ситуации в СССР. На этом основании В. Андерс неоднократно в письменном виде обращался к Сталину, а 18 марта 1942 года встретился с ним лично.

Накануне этой встречи И.В. Сталин провел совещание, на котором присутствовали В.М. Молотов, Л.П. Берия и Б.М. Шапошников. Берия настаивал на том, что ни на какие уступки полякам идти не следует. Молотов был более осторожен, понимая, что польский вопрос может стать камнем преткновения в отношениях СССР с Великобританией и США. Шапошников предложил компромиссное решение – согласиться на вывод в Иран той части польских войск, которая превышает

первоначально оговоренную численность в 44 тыс. человек. Остальных предлагалось задержать под тем предлогом, что нужно всегда под рукой иметь воинские части поляков, которые первыми вступят на землю Польши вместе с частями Красной Армии. И.В. Сталин и В.М. Молотов поддерживали предложение Шапошникова. В результате этой сложной дипломатической игры удалось оставить на территории СССР самые боеспособные три польские дивизии и отдельные части.

Правда, в последующем польская сторона с помощью Лондона все же добилась своего. В июне 1942 года В. Андерс потребовал от В. Сикорского разрешения на эвакуацию всей армии и даже разрабатывал план вооруженного прорыва ее соединений через афганскую или иранскую границу в случае отказа советского руководства. К тому времени у советской стороны уже не оставалось иллюзий относительно возможности использования польских дивизий на советско-германском фронте. Явно просматривалось очевидное нежелание польского командования участвовать в боях на советско-германском фронте, которое усугублялось отсутствием английских поставок вооружения. Все это в целом делало бесперспективным оставление польской армии на территории СССР, и советское правительство согласилось на вывод всей польской армии.

31 августа 1942 года на советско-польской военной конференции был подписан протокол эвакуации. При этом В. Андерс письменно подтвердил, что «польское правительство вопреки соглашению между СССР и Польшей не считает возможным использовать на советско-германском фронте польские войска, сформированные в СССР». И к 1 сентября 1942 года эвакуация польских частей была закончена. Всего из СССР выехало около 82 тыс. военнослужащих и более 37 тыс. членов их семей. Из них 12 тыс. польских военнослужащих, в том числе моряки, летчики, танкисты, были направлены в Англию. Остальные – почти 70 тыс. человек – последовали в Иран.

Таким образом, идея использования польской армии совместно с объединениями РККА на советско-германском фронте, начиная со второй половины 1942 года, провалилась. В то же время территория СССР стала плацдармом для формирования и боевого слаживания армии Андерса, несмотря на то что Сталина неоднократно предупреждали о большой сомнительности этой затеи. В

последующем многие офицеры этой армии перешли на службу в просоветскую армию Войска Польского. Но в первые послевоенные годы от них по разным причинам постарались избавиться.

Иранский поход 1941 года

Как известно, первые месяцы 1941 года стали временем разгрома фашистскими войсками первого стратегического эшелона Красной Армии и захвата ими значительных территорий в Прибалтике, Белоруссии и на Украине. Советское командование после окружения и разгрома нескольких армий в районах Минска и Умани предпринимало отчаянные попытки создать единый фронт обороны по рубежу Днепра.

А в это самое время совсем в другом районе Земли разыгрывались иные события, не столько военного, сколько политического характера. Пользуясь ситуацией британское правительство с помощью СССР решило установить контроль за территорией Ирана.

Иран в сфере экономических интересов Великобритании находился давно. Лондон добился того, что в мае 1939 года между Великобританией и Ираном был подписан договор, согласно которому за все импортные поставки Тегеран должен был расплачиваться только через Английскую Экспортную Кредитную Систему. Это позволяло Лондону осуществлять контроль за нефтяными и денежными потоками Ирана. Но после начала боевых действий немецких войск в Западной Европе, английский экспорт резко сократился. В то же время повысилась мировая цена на нефть. Сирия начала угрожать прервать средиземноморский нефтепровод, по которому британский флот получал основную часть горючего. Правитель Ирана Реза-шах, воспользовавшись этим, также начал давить на англичан.

Английское правительство решилось на крайние меры. В мае 1941 года англичане ввели свои войска в Ирак, а в июне – в Сирию. После этого начиналось планирование совместной операции Индийского корпуса и Персидского отряда в Иран. Но при этом сразу же встал один серьезный вопрос – как поведет себя в этом случае Советский Союз, который был связан и Ираном договором от 1921 года. В соответствии с этим договором советское правительство получало право ввести войска на территорию Ирана в случае возникновения угрозы с юга.

Нападение Германии на СССР практически давало ответ на этот вопрос. Уже вечером 22 июня 1941 года английский посол в Москве

напрямую спросил В.М. Молотова о возможности ввода частей РККА в Иран и проведения совместной англо-советской операции с целью установления контроля за территорией этой страны. Но при этом свой истинный интерес к нефтяным месторождениям Ирана англичане прикрывали тем, что рассматривают эту страну с точки зрения возможности поставок через ее территорию военной продукции в СССР по ленд-лизу, чему шах Ирана, боясь нарушить нейтралитет, всячески препятствовал.

В большой политической игре, на поле которой, в том числе, происходила и вооруженная борьба, оставалось еще очень много места для других действий. В борьбе с Гитлером Сталину нужны были, прежде всего, сильные союзники, и Великобритания рассматривалась именно в таком качестве. Поэтому, несмотря на нехватку сил и средств на германском фронте, И.В. Сталин решился на проведение операции на территории Ирана.

Подготовка к вводу советских войск в Иран была начата 19 июля 1941 года.

К операции намерены привлечь 53-ю армию Средне-Азиатского и 44-ю и 47-ю армии Закавказского военных округов. За счет Закавказского военного округа был развернут Закавказский фронт (командующий генерал-лейтенант Д.Т. Козлов, начальник штаба генерал-майор Ф.И. Толбухин). Навстречу советским войскам по трем направлениям с Ирака должны были наступать английские войска.

Планирование операции советских войск осуществлялось под руководством начальника штаба Закавказского военного округа генерал-майора Ф.И. Толбухина.

16 августа советское правительство в жесткой форме потребовало от иранского правительства высылки из страны всех германских подданных. В ответ на это шах призвал 30 тыс. резервистов и отменил отпуска офицерам своей армии. Численность иранской армии была доведена до 200 тыс. человек. В то же время он лихорадочно искал мира и 23 августа объявил о высылке немцев из страны.

23 августа премьер-министр Ирана Али-Мансур получил ноты от правительств СССР и Великобритании, в которых указывалось, что территория Ирана стала удобным плацдармом для подрывной работы многочисленной германской агентуры.

Операция началась на рассвете 24 августа.

На ее первом этапе маневренные группы советских пограничников пересекли границу и, углубившись на сопредельную территорию, захватили узлы дорог и перерезали линии связи. Одновременно в тыл иранцев были выброшены небольшие воздушные десанты, которые захватили мосты, перевалы и железнодорожные переезды.

На втором этапе перешли в наступление основные силы. Главный удар наносила 47-я армия (командующий генерал В.В. Новиков) в составе двух горнострелковых, одной стрелковой, одной кавалерийской и двух танковых дивизий. В авангарде наступала 63-я горнострелковая дивизия с приданными ей двумя батальонами 13-го отдельного мотоциклетного полка и 170-м отдельным саперным батальоном. За ней наступала 6-я танковая дивизия.

44-я армия (командующий генерал-майор А.А. Хадеев) в составе двух горнострелковых, кавалерийской дивизий и одного танкового полка, наступала на втором направлении вдоль побережья Каспийского моря. На время операции ее поддерживали силы Каспийской военной флотилии. Для обеспечения действий этой армии была намечена высадка морского десанта в районе Хеви.

Прикрытие границы с Турцией обеспечивали силы 45-й и 46-й армий. В воздухе господствовала советская авиация – четыре авиационных полка. И хотя иранцы также имели четыре авиационных полка, но сопротивления советской авиации они не оказывали. Поэтому советская авиация использовалась в основном для разбрасывания листовок и управления наземными войсками.

К исходу первого дня операции части Закавказского фронта полностью выполнили поставленные задачи, выйдя на линию Хой, Табриз, Ардебиль. Небольшие очаги сопротивления вспыхнули только в Табризе и Меку, но они были подавлены советскими частями. Общая глубина продвижения составила 70 километров.

На второй день на территорию Ирана из Средней Азии перешли в наступление 53-я армия (командующий генерал-майор С.Г. Трофименко, начальник штаба генерал-майор М.И. Казаков), ведя наступление одновременно по трем направлениям. У иранцев на этом направлении было две пехотные дивизии, которые занимали выгодные рубежи для обороны. Но они практически не оказали никакого сопротивления.

25 августа в Тегеране произошла смена кабинета министров. Новый премьер-министр Али-Форуги первым делом отдал приказ о прекращении сопротивления. На следующий день этот приказ одобрила верхняя палата парламента. 29 августа иранские ВВС капитулировали перед англичанами. 30 августа советские войска вышли: наступавшие с Кавказа на линию Мехабад, Казвин, 53-й армии – Сари, Сабзевар. В этот день иранцы капитулировали и перед Советским Союзом.

8 сентября 1941 года было подписано соглашение, которое определило расположение союзнических войск на территории Ирана. Тегеран пошел на все условия союзников. Тем не менее Лондон в последующем стремился всеми силами улучшить свое положение в Иране. По его настоянию 15 сентября войска союзников вошли в Тегеран, а 16 сентября шах был отстранен от власти, и на престол взошел его малолетний и неопытный сын Мохаммед Реза Пехлеви.

Территория Ирана стала одной из крупных арен политической борьбы между Великобританией и Советским Союзом. Англичане вели свою линию. Москва в течение всей войны содержала на территории Ирана три армии. Правда, многие соединения и части в последующем были сменены другими и приняли участие в боях с фашистами. Так, в частности, 44-я кавалерийская дивизия позже сражалась и практически вся погибла при обороне Москвы у деревни Крюково.

Таким образом, ввод ограниченного контингента советских войск на территорию Ирана можно в большей степени расценивать как дипломатический шаг, совершенный по просьбе британского правительства, чем операция, вызванная оперативно-стратегической необходимостью. Советское правительство было вынуждено пойти на данный шаг, несмотря на острый дефицит сил и средств на советско-германском фронте. В то же время данная акция обеспечила безопасность одного из участков южной границы СССР, а также послужила одним из весомых аргументов для соблюдения нейтралитета Турции во Второй мировой войне.

Совсем другая Прохоровка

В настоящее время в обиходе много самых различных споров об истинном характере важнейшего эпизода Курской битвы (5–23 июля 1943 года) – сражении под Прохоровкой. И это не случайно. Ещё в 1970 году Маршал Советского Союза М.В. Захаров (в период Курской битвы начальник штаба Резервного, затем Степного фронтов) писал, что в литературе о Курской битве, вышедшей в послевоенный период, эта оборона несколько идеализируется, что авторы иногда стремились приложить немало усилий к тому, чтобы показать её как самую поучительную, классическую и во всём достойную подражания.

Сегодня прямо нужно сказать, что оборонительный этап Курской битвы никак нельзя назвать классическим. Советские войска к ее началу имели общее численное превосходство над противником – в оборону, по существу, была посажена наступательная группировка. Об этом свидетельствует тот факт, что некоторые общевойсковые армии усиливались в обороне артиллерийскими корпусами прорыва. Само название корпуса говорит о том, что он предназначен никак не для обороны.

Авторы допускают неточности, показывая численный состав участвовавших в сражениях сил и средств. Неточно указывались время начала активных действий на Прохоровском направлении и их продолжительность. Иногда не совсем точно показывался ход боевых действий. Зачем-то скрывалось техническое превосходство германской бронетанковой техники над советской. Правда, все такие «упрощения» только умаляли истинный героизм и мужество советских воинов в этой битве.

Высказывания М.В. Захарова относятся в полной мере и к показу событий, происшедших на южном фланге Курского выступа, в районе станции Прохоровка. Имеется в виду показ хода боевых действий в оборонительном сражении в этом районе в период с 7 по 16 июля 1943 года и освещение роли различных родов войск в этом сражении.

Прежде всего, надо отметить тот факт, что основная масса авторов в своих работах останавливается в основном на событиях 12 июля 1943 года и показе действий танкистов 5-й гвардейской танковой

армии. Но это тоже не совсем верно. В боях под Прохоровкой участвовали не только танкисты и танкисты не одной только 5-й гвардейской танковой армии, но и воины других родов войск – пехотинцы и артиллеристы, зенитчики и сапёры, разведчики и связисты, воины многих других специальностей. Места в этой многодневной схватке с врагом хватило всем.

Как справедливо пишет в своей статье Кавад Раш, «из всех танковых битв канонизировали одну Прохоровку. Даже не все танковые сражения Курского побоища, а одну битву 12 июля 1943 года».

Генерал армии Е.Ф. Ивановский – тогда начальник разведки 2-го танкового корпуса – в своей книге «Атаку начинали танкисты» также указывает, что «о прохоровском танковом сражении написано много, но большинство авторов в своих воспоминаниях рассказывают в основном о событиях 12 июля, когда вводилась в бой 5-я гвардейская танковая армия. Но ведь и до этого в течение нескольких дней происходили существенно важные события на полях у Прохоровки. Несколько танковых соединений, в том числе и наш корпус, последовательно, день за днём, в «рабочем порядке», что ли, перемалывали боевую технику, живую силу противника».

Теперь давайте постараемся разобраться в том, что же было в районе Прохоровки в июле 1943 года?

Прежде всего, активные боевые действия в районе Прохоровки начались гораздо раньше 12 июля и продолжались после этого. Маршал Советского Союза И.С. Конев в книге «Записки командующего фронтом 1943–1944» писал, что ещё 6 июля: «Обстановка сложилась таким образом, что Ставка потребовала немедленно парировать удары противника на прохоровском направлении ближайшими резервами». Поэтому уже в ночь на 7 июля на усиление Воронежского фронта были переданы 5-я гвардейская танковая армия и 10-й танковый корпус из состава 5-й гвардейской армии Степного фронта, направленные в район Прохоровки, и 2-й танковый корпус из состава Юго-Западного фронта для использования в районе Беленихино (железнодорожная станция 10 км южнее Прохоровки). Оба танковых корпуса и стрелковая дивизия 69-й армии заняли оборону в районе Прохоровки и южнее. Танковая армия сосредоточивалась в районе юго-западнее Старого Оскола.

Но ещё до этого, 6 июля на рубеже Ивановские Выселки, Беленихино и до Тетеревино вёл оборонительные действия 5-й гвардейский танковый корпус, а у совхоза «Комсомольский» в полосе 11 км оборонялся 285-й стрелковый полк 183-й стрелковой дивизии. Остальные части дивизии оборонялись также на Прохоровском направлении в полосе до 30 км. На окраинах сёл Красный Октябрь, Прохоровка (не станция), Богородицкое с утра того же дня отбивала атаки противника 11-я мотострелковая бригада 10-го танкового корпуса. На этом же направлении на левый берег реки Псёл вышла 52-я гвардейская стрелковая дивизия 6-й гвардейской армии.

Таким образом, можно делать вывод о том, что начало боевых действий в районе Прохоровки было положено ещё 6 июля. Противник ещё не перенёс на Прохоровское направление свой главный удар, а в сражении уже было задействовано значительное количество соединений Воронежского фронта и не только танковых.

К исходу 7 июля 2-й танковый корпус СС вышел в район Тетеревино, Малые Маячки, Грязное (10–12 км юго-западнее Прохоровки). К этому же времени командование 10-го танкового корпуса получило распоряжение о нанесении в 10.30 8 июля удара с рубежа Красный Октябрь, Андреевка (6 км западнее Прохоровки), а командование 2-го танкового корпуса – о нанесении удара с рубежа южнее Прохоровки в общем направлении Васильевка, Яковлево. Задача: разгромить противостоящего противника и выйти в район Яковлево (примерно 25 км юго-западнее Прохоровки). Но одновременно предписывалось быть готовыми к отражению возможного удара врага. Вот как вспоминал об этом генерал армии Е.Ф. Ивановский: «В ночь на 8 июля наши части (только танковые и артиллерийские), совершив марш, сосредоточились вблизи станции Прохоровка. На командном пункте вблизи станции командиру корпуса лично ставил задачу командующий Воронежским фронтом генерал армии Н.Ф. Ватутин. Я при этом присутствовал и помню, что речь шла об удержании оборонительных рубежей и танковых атаках. Подразумевались контратаки, ибо наступали пока что немцы. Нам, танкистам, надлежало нанести удар, парировать активность противника решительными атаками».

К утру 8 июля корпуса выдвинулись на указанные рубежи. Так как это была заранее более или менее подготовленная в инженерном

отношении тыловая армейская оборонительная полоса, то задача подготовки обороны несколько упростилась. Но всё равно проводились работы по окапыванию и маскировке танков, САУ, артиллерии. Впереди было выставлено боевое охранение, в направлении Грязное и Тетеревино высланы разведгруппы.

Противник силами танковых дивизий «Рейх» и «Мёртвая голова» в 6 часов утра начал наступательные действия. Впереди выдвигались разведывательные группы, которые встречались подразделениями боевого охранения корпусов. После мощной артиллерийской и авиационной подготовки дивизии противника перешли в атаку в едином броневом порядке – впереди танки, за ними пехота на бронетранспортёрах. Первая и вторая атаки были отражены огнём оборонявшихся войск. Вышедший на свой рубеж 2-й танковый корпус провёл в 15 часов контратаку силами двух танковых бригад. Существенного результата эта контратака не дала, и бригады отошли на исходный рубеж. И другие танковые соединения наносили по противнику встречные удары.

За день боя было отражено шесть вражеских атак. Значительный вклад в решение этой задачи внесли артиллеристы, самоходчики и зенитчики корпусов.

Генерал армии С.П. Иванов, бывший начальник штаба Воронежского фронта, вспоминая о боях 8 июля 1943 года, писал: «В ночь на 7 июля нам передали из состава Степного фронта 10-й, а с Юго-Западного – 2-й танковые корпуса. Получив резервы, мы задались вопросом: как использовать танки – бросить ли их сразу во встречное сражение или с их помощью укрепить оборону? Мнения на сей счёт разделились, но в конце концов признали целесообразным большую часть боевых машин зарыть в землю, чтобы они, оставаясь неуязвимыми для врага, встретили его прицельным огнём с места (основной способ стрельбы танков в то время был с места и с коротких остановок). В сочетании с эффективными действиями артиллерии и пехоты это, как показало развитие событий, создало непреодолимую преграду на пути противника. Вместе с тем часть танков мы оставили в глубине для манёвра против вклинившихся фашистских танков. В результате всех этих мер замысел Манштейна на быстрое преодоление второй полосы обороны и выход на оперативный простор был сорван».

Сам Э. фон Манштейн по этому поводу в своих мемуарах «Утерянные победы» пишет: «Четвертая танковая армия в тяжелых боях первых двух дней провала первую и вторую линии обороны противника. Действовавшему на левом фланге армии на открытой местности танковому корпусу... 7 июля удалось прорваться в район примерно в 11 км перед Обоянью».

Всего в проводившемся 8 июля в районе Прохоровки, по сути дела, фронтовом контрударе приняли участие пять танковых корпусов и несколько стрелковых соединений. При этом нередко возникали встречные бои.

В этот же день 8 июля получила задачу сосредоточиться в районе Прохоровки 5-я гвардейская армия, которая из состава Степного военного округа передавалась Воронежскому фронту и которая сосредоточивалась в районе Старого Оскола.

Нанося главный удар 9 июля вдоль Обоянского шоссе на север, на Зоринские Дворы, куда были переброшены главные силы 10-го танкового корпуса, противник одновременно частью сил танковой дивизии «Рейх» трижды пытался прорвать оборону оставшихся на прежних рубежах западнее Прохоровки 11-й мотострелковой и 178-й танковой бригад этого корпуса, но безрезультатно. Так же безрезультатны оказались атаки противника и в полосе обороны 2-го танкового корпуса.

Таким образом, можно сделать вывод, что уже 8–9 июля в районе Прохоровки шли напряжённые оборонительные бои, в которых командование 4-й танковой армии противника пыталось прорвать оборону советских войск с целью выхода на Обоянь с востока и попытаться окружить часть сил 69-й армии южнее Прохоровки. И эти боевые действия часто носили характер встречного боя.

Как уже неоднократно писалось, попытка немецко-фашистских войск в составе 4-й танковой армии генерал-полковника Г. Гота и оперативной группы «Кемпф» генерал-лейтенанта В. Кемпфа под общим командованием генерал-фельдмаршала Э. Манштейна прорваться с юга к Курску через Обоянь к 9 июля захлебнулась. Никаких существенных результатов не дало и наступление на Корочанском направлении, где противнику удалось лишь вклиниться в районе Мелехово (15 км южнее Прохоровки). Упорная оборона советских войск и, прежде всего, 6-й гвардейской общевойсковой

(командующий генерал-лейтенант В.И. Чистяков) и 1-й танковой (командующий генерал-лейтенант танковых войск М.Е. Катуков) армий вынудила германское командование перенести направление главного удара с северного (Обоянского) на северо-восточное (Прохоровское) направление, чтобы попытаться окружным путём выйти к Курску.

На этот раз немецко-фашистское командование рассчитывало прорвать оборону советских войск двумя одновременными ударами. Один наносился из района западнее Прохоровки на северо-восток силами главной группировки, ранее наступавшей на Обоянь, и второй – из района Мелехово – в северном направлении силами 3-го танкового и 11-го армейского корпусов.

Перенацеливая свои войска на новые направления, германское командование 10 июля несколько ослабило активность своих действий, но не прекратило их полностью. С 6 часов утра части дивизии «Рейх» группами по 65–70 танков с пехотой при поддержке авиации неоднократно атаковали 11-ю мотострелковую бригаду 10-го танкового корпуса, оборонявшуюся на рубеже Красный Октябрь, Прелестное в 6 км западнее Прохоровки.

Ещё 8 июля, оценивая сложившуюся обстановку, и командующий Воронежским фронтом генерал армии Н.Ф. Ватутин, и представитель Ставки Верховного Главнокомандования Маршал Советского Союза А.М. Василевский пришли к выводу, что «решительного срыва наступления врага и разгрома его вклинившейся группировки можно добиться мощным контрударом войск Воронежского фронта, усиленных за счёт стратегических резервов».

Все основные мероприятия по подготовке контрудара предполагалось провести после прибытия резервных войск 11 июля и в ночь на 12 июля. А до этого на Прохоровском направлении продолжалось отражение атак противника, в ходе которого неоднократно бои носили встречный характер. Положение оборонявшихся войск становилось всё более тяжёлым.

Командующий 5-й гвардейской армией генерал А.С. Жадов в книге «Четыре года войны» писал, что 10 июля на его командном пункте маршал А.М. Василевский сказал: «Обстановка в полосе 1-й гвардейской и 1-й танковой армий очень сложная. Противник рвётся на Обоянь. Не исключена возможность, что он перегруппирует свои

главные силы, попытается нанести удар на Прохоровку и далее повернуть на север, чтобы обойти Обоянь с востока. Поэтому нужно быстрее выйти (войскам армии) на указанный рубеж, организовать оборону и не допустить прорыва противника за реку Псёл».

Занятие оборонительных позиций соединения армии начали утром 11 июля. Дивизии 32-го гвардейского стрелкового корпуса занимали оборону по северному берегу р. Псёл на участке Обоянь, Ольховатка. Впереди атаки небольших групп танков противника отражали части 31-го и 10-го танковых корпусов 1-й танковой армии совместно с частями 51-й гвардейской стрелковой дивизии 6-й гвардейской армии.

Соединения 33-го гвардейского стрелкового корпуса занимали оборону на рубеже Семёновка, Весёлый. Перед ними вела тяжёлый бой с танками противника 52-я гвардейская стрелковая дивизия той же армии. Сплошного фронта не было. Поэтому части 95-й гвардейской стрелковой дивизии и 9-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, не успев занять оборону, вынуждены были с ходу вступить в бой с атакующими частями 2-го танкового корпуса СС. Первый удар принял 3-й батальон 26-го воздушно-десантного полка, оборонявший совхоз «Октябрьский». Он был атакован батальоном пехоты противника, при поддержке 40 танков. Атаке предшествовали короткая, но мощная артиллерийская подготовка и бомбовый удар немецкой авиации. Завязался ожесточённый бой. Но силы были неравными, и противник начал теснить наши подразделения. Яростным атакам подверглись 287-й гвардейский стрелковый полк и 290-й стрелковый полк 95-й гвардейской стрелковой дивизии.

В середине дня на высоту 252,2 и в направлении совхоза «Октябрьский» гитлеровцы бросили до сотни танков. По позициям 26-го гвардейского воздушно-десантного и 287-го гвардейского стрелкового полков нанесли бомбовый удар более 50 бомбардировщиков противника.

К вечеру пришлось ввести в дело резерв армии – 42-ю гвардейскую стрелковую дивизию – и перебросить сюда же истребительно-противотанковый и реактивный миномётный полки. К ночи враг, продвинувшийся на 2–3 километра, был остановлен.

К исходу 11 июля на этом участке Воронежского фронта положение становилось всё более угрожающим. Исправить его должен

был намечавшийся контрудар.

Вечером 11-го июля 5-я гвардейская армия получила приказ на нанесение контрудара левофланговым 33-м стрелковым корпусом совместно с 5-й гвардейской танковой армией в направлении Большие Маячки, а правофланговым 32-м корпусом совместно с 6-й гвардейской армией в направлении Красная Поляна, Гремячий. Ближайшей задачей армии был выход в район Грязное, Малые Маячки, Тетеревино, совхоз «Комсомольский», последующая – в район Погореловка, Яковлево.

В 8 часов утра 12 июля вместе с танкистами 5-й гвардейской танковой армии поднялись в атаку дивизии 33-го гвардейского стрелкового корпуса. Однако далеко вперед продвинуться им не удалось. Правофланговые 95-я и 42-я гвардейские стрелковые дивизии были атакованы частями танковой дивизии СС «Мёртвая голова» (более 100 танков). Во второй половине дня большой группе вражеской мотопехоты с танками удалось на узком участке прорваться через боевые порядки дивизий в направлении высоты 226,6 и выйти в район хутора Полежаев, что западнее Прохоровки. Далее к востоку наших войск не было. Создалось опасное положение на флангах 5-й гвардейской танковой армии и 33-го гвардейского стрелкового корпуса. Из состава танковой армии в полосу корпуса были выдвинуты 24-я танковая и 10-я механизированная гвардейские бригады, которые совместно со стрелковыми частями контратаковали прорвавшуюся группировку противника и вынудили её перейти к обороне.

В разгар сражения 12 июля перед полосами обороны 11-й мотострелковой бригады и соседних стрелковых частей стала сосредоточиваться 11-я танковая дивизия противника, которая ночью была переброшена с Обоянского направления. После артиллерийской подготовки и ударов авиации эта дивизия с 12 часов перешла в наступление, нанося главный удар на Красный Октябрь, высота 226, 0. Ожесточённый бой длился беспрерывно более 5 часов.

Прорвав оборону соседних с 11-й мотострелковой бригадой соединений, противник форсировал р. Псёл и продолжил развивать наступление в северном и северо-восточном направлениях, охватывая с двух сторон боевые порядки бригады. Бой продолжался ещё более двух часов. Бригада, в которой оставалось около 30 % личного состава,

вырвалась из кольца и отошла за боевые порядки 95-й и 52-й гвардейских стрелковых дивизий.

Наступавшие на правом фланге 13-я и 66-я гвардейские стрелковые дивизии 32-го гвардейского стрелкового корпуса также были атакованы частями 11-й танковой дивизии противника, на их боевые порядки обрушились удары вражеской авиации. Дивизиям пришлось вести борьбу с вражескими танками только своими штатными средствами, и поэтому продвижение их было незначительным – 1–2 км. Левофланговой 97-й гвардейской стрелковой дивизии, против которой действовала вражеская мотопехота без танков, удалось всё же продвинуться вперёд на 3–4 км и закрепиться на достигнутом рубеже.

Говоря об участии 5-й гвардейской армии во фронтовом контрударе 12 июля, следует подчеркнуть, что соединениям этой армии пришлось ещё 11 июля принять участие в оборонительных действиях (трём стрелковым дивизиям из семи, бывших в составе армии). Обращает на себя внимание и сам процесс ввода армии в сражение. Командующий армией генерал А.С. Жадов вспоминал, что армия вводилась в сражение, а командование почти не знало обстановки в полосе ввода. Информация штаба армии о действиях противника и своих войск фронтовым командованием была нерегулярной. Командующий сумел получить сведения о действиях впереди находившихся войск от случайно встреченного заместителя командующего 6-й гвардейской армией.

Соединения армии наступали в широкой полосе, достигавшей 50 и более километров. Располагали они только штатными огневыми средствами и нанести противнику значительных потерь не могли. К тому же и в армейском комплекте были только два армейских противотанковых полка, полк гвардейских миномётов и приданная миномётная бригада, имевшая 0,5 боекомплекта боеприпасов. Так что и армейские средства не могли существенно влиять на ход операции. Особенно отрицательно сказывалось на темпах наступления стрелковых дивизий отсутствие в них танков непосредственной поддержки пехоты.

В своих воспоминаниях А.С. Жадов писал: «16 июля к нам на КП прибыл представитель Ставки, заместитель Верховного Главнокомандующего Маршал Советского Союза Г.К. Жуков. Он

поинтересовался, как был организован ввод армии для нанесения контрудара 12 июля. Он выразил недовольство организацией ввода армии и сделал мне строгое внушение за то, что полностью укомплектованная личным составом, хорошо подготовленная к выполнению боевых задач армия вводилась в сражение без усиления танками, достаточным количеством артиллерии и крайне слабо обеспеченная боеприпасами».

Аналогичные боевые действия шли и южнее Прохоровки.

Таким образом, мы видим, что в контрударе принимало участие большое количество стрелковых соединений. А если учесть, что три зенитно-артиллерийские дивизии (6-я, 26-я и 29-я) 12 июля, в первой половине дня, прикрывали войска от ударов авиации противника, то со второй половины дня, когда в воздухе значительно возросло количество своих самолётов, зенитчики, чтобы не поразить их, перенесли огонь на вражеские танки.

Теперь о действиях 5-й гвардейской танковой армии (командующий генерал-лейтенант П.А. Ротмистров) в контрударе 12 июля. И здесь имеется ряд вопросов, недостаточно освещённых историками, а то и специально искажённых.

Прежде всего, о количестве танков, принимавших участие в контрударе. В различных изданиях указывается разное число танков, действовавших на поле под Прохоровкой. Авторы называют от 1100 до 2000 боевых машин с обеих сторон. Но так ли это? Уже было сказано, что принимавшая участие в контрударе 5-я гвардейская армия танков не имела вообще. Переданные в 5-ю гвардейскую танковую армию 2-й танковый корпус оставался в обороне, 2-й гвардейский танковый корпус действовал в районе Беленихино, то есть далеко на юг от направления главного удара. Из 5-го гвардейского механизированного корпуса – второго эшелона армии – две бригады ещё до начала контрудара командующий направил в полосу 69-й армии. А затем уже в ходе сражения – две бригады в полосу 5-й гвардейской армии. Таким образом, на направлении главного удара 5-й гвардейской танковой армии юго-западнее Прохоровки в полосе шириной до 7 км действовали всего два танковых корпуса – 18-й и 29-й. В их составе насчитывалось около 370 танков и САУ. Противостояла этим корпусам танковая дивизия СС «Адольф Гитлер», которая имела 140–150 танков (из них до 40 тяжёлых Т-VI «Тигр»). Они-то и сражались на «Танковом

поле». Если брать общее число танков и САУ, то в районе боевых действий у Прохоровки за период с 6 по 16 июля их было гораздо больше. Но непосредственно 12 июля на направлении контрудара их число в двух танковых корпусах (2-й танковый корпус СС и 3-й танковый корпус) колебалось в пределах пятисот (германские источники дают в пределах 420 танков и штурмовых орудий). Конечно, это много, но не столько, сколько об этом неоднократно писали советские авторы.

Следующее положение. В опубликованной литературе пишется, как правило, о встречном сражении 5-й гвардейской танковой армии. Но ни в отчётных документах соединений 5-й гвардейской танковой армии (18-го и 29-го танковых корпусов), ни в документах противника встречное сражение даже не упоминается. Да его и не было. В первой половине 12 июля 18-й и 29-й танковые корпуса атаковали части танковой дивизии «Адольф Гитлер», которые перешли к обороне, узнав о готовящемся контрударе. Во второй половине 12 июля происходили встречные бои, когда немецкие танки, в свою очередь, отражая удар, контратаковали. Характерной особенностью оборонительной тактики противника 12 июля было сочетание упорной обороны, прежде всего противотанковой, с короткими контратаками не очень большими группами танков. Вот бои с этим контратакующим противником превратились в поединки отдельных групп танков, боевые порядки перемешались, ожесточённый характер столкновения доводил дело до танковых таранов, до рукопашных схваток экипажей поврежденных машин.

Большое удаление, до 2–3 км, исходного рубежа от обороны противника не позволило реализовать численного преимущества, а небольшая ширина полосы контрудара – манёвренных возможностей танка Т-34. Быстро сблизиться с танками противника и тем самым ликвидировать их огневое преимущество не удалось. Это привело к большим потерям как в технике, так и в личном составе. Связано это было с образовавшимся к тому времени разрывом в боевых возможностях советских и германских танков. Основным советским танком на Прохоровском танковом поле был Т-34 с 76-мм пушкой. Её бронебойный снаряд пробивал броню толщиной 61 мм на дальности 1000 м и 69 мм – на 500 м. Броня: лобовая – 45, борт – 45, башня – 52 мм. Немецкий средний танк Т-IV Н имел броню толщиной:

лобовая – 80, борт – 30, башня – 50 мм. Бронебойный снаряд его 75-мм пушки на дальности до 2000 м пробивал броню более 63 мм. Немецкий тяжёлый танк T-VI «Тигр» с 88-мм пушкой имел броню: лобовую – 100, бортовую – 80, башни – 100 мм. Его бронебойный снаряд пробивал броню толщиной 115 мм. Броню «тридцатьчетверки» пробивал на дальности до 2000 м. Таким образом, советским танкистам нужно было, во-первых, стрелять по бортам и башне средних и только по бортам тяжёлых вражеских танков и, во-вторых, приближаться к тяжёлым танкам на расстояние менее 500 м.

В ожесточённых боях 12 и 13 июля ударная группировка противника была остановлена. Какую цену заплатили за это советские войска – неизвестно. Манштейн пишет, что «к 13 июля противник потерял на фронте «Цитадель» уже 24 000 пленными, 1800 танков, 267 орудий и 1080 противотанковых орудий».

Однако немецко-фашистское командование не отказалось от намерения прорваться к Курску в обход Обояни с востока. Тот же Манштейн утверждает, что в это время сражение только достигло своей высшей точки, и скоро должно было решиться – победа или поражение.

13 июля Клюге и Манштейн были вызваны в ставку Гитлера на совещание. В самом начале этого совещания Гитлер заявил, что в связи с высадкой союзников на Сицилии и угрозой высадки их десантов в Италии и на Балканах, «операция «Цитадель» не может дальше продолжаться». В то же время войскам Манштейна было разрешено «попытаться разбить действующие на ее фронте части противника».

В свою очередь советские войска, участвовавшие в контрударе Воронежского фронта, делали всё, чтобы выполнить поставленные им задачи. Противоборство двух группировок – наступавшей немецкой и наносившей контрудар нашей – продолжалось вплоть до 16 июля, в основном на тех рубежах, которые они занимали. В эти 5–6 дней (после 12 июля) шли непрерывные бои с вражескими танками и пехотой. Атаки и контратаки сменяли друг друга днем и ночью.

16 июля 5-я гвардейская армия и её соседи получили приказ командующего Воронежским фронтом о переходе к жёсткой обороне. Требование о совершенствовании обороны с развитой системой огня и инженерно-минных заграждений штабом фронта подтверждалось до 18 июля.

До 16 июля немецко-фашистские войска ещё удерживали захваченные ими рубежи. Но, как пишет Манштейн, «командование группы вынуждено было прекратить сражение еще до его окончания, может быть перед самой победой, по крайней мере, на нашем фронте... Нам удалось, по меньшей мере частично, разгромить наряду со стрелковыми дивизиями и танковыми бригадами противника, которые с самого начала были на этом фронте, также и большое количество подвижных соединений его оперативных резервов... Они потеряли пленными около 34 000 человек, число убитых достигало приблизительно 17 000... Потери обеих немецких армий составили 20 720 человек, в том числе 3330 убитыми. Все дивизии, за исключением одной танковой дивизии, оставались боеспособными».

Споры об истинных потерях советских войск в битве под Курском все еще ведутся. В книге «Россия и СССР в войнах XX века» говорится о 73,3 тыс. безвозвратных потерь и 107,5 тыс. санитарных. При этом только один Воронежский фронт потерял 27,5 тыс. безвозвратно и 46,3 тыс. ранеными и больными.

17 июля противник начал отвод своих соединений на исходные позиции.

Так что оборонительные действия советских войск в районе Прохоровки – это не только 12 июля 1943 года. Конечно, день 12 июля – это разгар сражения, его переломный момент. Но танковое сражение составляло лишь часть семидневного Прохоровского сражения. И не одной только 5-й гвардейской танковой армии. И встречные бои в районе Прохоровки шли и до 12 июля и после, и не только в полосе контрудара 5-й гвардейской танковой армии. Отражение мощнейшего удара войск группы армий «Юг» было достигнуто в результате общих усилий войск Воронежского фронта с участием стратегических резервов. Благодаря мужеству, стойкости и героизму солдат и офицеров всех родов войск удалось выстоять, а выстояв – победить. И не всё так красиво и правильно было в организации и ведении боёв в этом районе, как это написано в ряде опубликованных работ. С.П. Иванов писал: «Вследствие имевших место недочётов в организации ввода соединений и объединений в сражение, а также упорства противника, эти контрудары не привели к восстановлению прорванного фронта обороны».

Таким образом, самая активная фаза Курской битвы – танковое сражение под Прохоровкой – не следует рассматривать, как выдающуюся победу Красной Армии. В то же время это и не было победой вермахта, войска которого не достигли поставленных целей. По сути дела, это был лишь один из ярких эпизодов Великой Отечественной войны, позволивший советским войсками закрепить победу над противником, начало которой было положено в полях Подмосковья, а первые настоящие удачи – под Сталинградом. Через два года после начала Великой Отечественной войны гитлеровская Германия, исчерпав свои физические и моральные силы, все еще яростно огрызаясь, постепенно отступала к пропасти весны 1945 года.

Тайна Знамени Победы

Так уж сложилось в военной истории, что разгром врага символизировался принятием его капитуляции и водружением знамени победы над его столицей или лагерем. И Великая Отечественная война не была исключением из этого правила. Для принятия вражеской капитуляции на Берлин заблаговременно был нацелен ближайший соратник И.В. Сталина Маршал Советского Союза Г.К. Жуков. Но до весны 1945 года над вопросом о том, кто водрузит Знамя Победы над поверженным Рейхстагом никто серьезно не задумывался. Правда, первое упоминание о Знамени Победы датируется 6 ноября 1944 года. Именно в этот день Сталин на торжественном заседании Моссовета призвал советских воинов «добить фашистского зверя в его собственном логове и водрузить над Берлином Знамя Победы». Но это были только слова. До водружения знамени над Берлином оставалось семь месяцев войны, многие километры пути, огромные человеческие жертвы...

В очередной раз вопрос, связанный с победными знаменами над Берлином встал 16 апреля 1945 года, в самом начале Берлинской наступательной операции. Тогда член Военного совета 1-го Белорусского фронта К.Ф. Телегин отдал указание военным советам 5-й ударной, 8-й гвардейской, 69-й, 1-й и 2-й гвардейских танковых армий об изготовлении красных боевых стягов для водружения над правительственными зданиями в Берлине. В частности, он требовал обеспечить изготовление и вручение соединениям первого эшелона красного боевого стяга размером 1,5 на 3 м для водружения их над правительственными зданиями Берлина, предупреждая, что «порядок водружения и оформления этого будет указан дополнительно».

20 апреля вечером Г.К. Жуков отдал боевое распоряжение командующему 2-й гвардейской танковой армией с требованием первыми ворваться в Берлин. В нем, в частности, он писал: «2-й гвардейской танковой армии поручается историческая задача: первой ворваться в Берлин и водрузить Знамя Победы. Лично Вам поручаю организовать исполнение. Пошлите от каждого корпуса по одной лучшей бригаде в Берлин и поставьте им задачу: не позднее 4 часов

утра 21 апреля 1945 года любой ценой прорваться на окраину Берлина и немедленно донести для доклада т. Сталину и объявления в прессе».

В конце апреля 1945 года советские войска начали штурм Берлина, и их части упорно продвигались к центру города. Дни фашистской Германии были сочтены, и настало время решить, как поставить «жирную» точку в этой истории. И Г.К. Жуков, рассудив, что это вопрос не столько военный, сколько политический, не решился на принятие единоличного решения и позвонил Сталину.

Сталин также хорошо понимал значение этого исторического акта. Во время очередного совещания с членами Политбюро он неожиданно долго начал говорить о выдающейся организаторской роли партии большевиков в войне и о необходимости повышения ее авторитета для успешного решения задач послевоенного строительства. В конце своей речи Иосиф Виссарионович заявил, что именно партийные организации 1-го Белорусского фронта должны взять под свой контроль вопрос с водружением Знамени Победы над поверженным Берлином, а точнее – над Рейхстагом. Но о том, как должно выглядеть это знамя, не было сказано ни одного слова. На практике это означало, что Знаменем Победы может стать любое боевое знамя части или соединения, участвующих в штурме Рейхстага.

Но политработники, как всегда, решили перестраховаться. 16 апреля 1945 года состоялось совещание начальников политотделов армий 1-го Белорусского фронта, на котором в качестве основного рассматривался вопрос о том, как лучше выполнить указание Сталина. Предпочтительные шансы первыми подойти к Рейхстагу были у 3-й ударной армии, но боевых знамен у армий не было. По объему боевой задачи к штурм отдельного здания могло привлекаться несколько полков, а это всего одно-два боевых знамени, которые во время атаки хранились в тылу. Этого было недостаточно. Поэтому на своем совещании политработники приняли решение изготовить девять красных знамен своими силами и вручить их тем соединениям, чьи подразделения могли первыми прорваться в район Рейхстага. По размеру и форме эти знамена напоминали Государственный флаг СССР.

Волей судьбы историческая миссия водружения Знамени Победы над поверженным Рейхстагом выпала 756-му стрелковому полку 150-й

стрелковой дивизии 3-й ударной армии, который заблаговременно никак к этому не готовился.

8 апреля 1945 года 150-я стрелковая дивизия получила приказ начать наступление в рамках Берлинской операции. В середине апреля она осуществила переправу через Одер и захватила район на Кюстринском плацдарме. Дальше был кровопролитный бой за город Кунерсдорф и наступление в направлении на Берлин.

Командарм 3-й ударной армии получил от Г.К. Жукова телеграмму, которая требовала, чтобы утром 21 апреля войска ворвались в пределы Большого Берлина. Во исполнение этого приказа войска наступали безостановочно всю ночь, не ввязываясь в бои за населенные пункты и узлы сопротивления. 21 апреля, перерезав Берлинскую окружную автостраду, они подошли к северо-восточной окраине города. Однако, ворвавшись на улицы, пристрелянные и перегороженные баррикадами, войска армии столкнулись с проблемой уличных боев. Танки без непосредственной поддержки пехоты расстреливались в упор бронебойными фаустпатронами, дальнебойные артиллерийские орудия на улицах города оказались не эффективными, пехота без огневой поддержки наступала медленно, неся большие потери...

Дойдя до Берлинских окраин, 150-я стрелковая дивизия была обескровлена, и ее вывели во второй эшелон для пополнения и переформирования. В срочном порядке создавались тактические боевые группы и штурмовые отряды. В 756-м стрелковом полку 3-й батальон капитана Неустроева пополнился остатками 1-го батальона, и ему был присвоен первый порядковый номер. 22 апреля привезли знамена Военного совета 3-й ударной армии и распределили между соединениями. Командир 150-й стрелковой дивизии генерал-майор В.М. Шатилов получил знамя под № 5, которое и передал в 756-й стрелковый полк. Предполагалось, что в штабе этого полка оно пробудет до занятия штурмующими отрядами Рейхстага. После этого знамя должно было быть доставлено в Рейхстаг и водружено на его крыше под утро 1 мая 1945 года, а 2 мая перенесено на купол здания. И опять-таки подробного плана этой операции, вплоть до имен ее непосредственных исполнителей, не составлялось.

И это неудивительно, так как военная судьбы была сильно переменчива, и ничего нельзя было предвидеть наверняка. В период с

21 по 25 апреля 1945 года 150-я стрелковая дивизия вела тяжелейшие уличные бои в Берлине, продвигаясь на два-три километра в сутки к центру города. Здания и улицы были приспособлены немцами для обороны. В верхних этажах домов располагались снайперы и автоматчики, в нижних – подразделения, вооруженные гранатами и фаустпатронами. На перекрестках улиц фашисты закопали танки. Бои шли в метро, в подземных коллекторах и водосточных каналах.

Но Жуков торопился. 3-й ударной армии предписывалось ускорить взятие Рейхстага. Специально оговаривалось, что командир части, подразделения, которые первыми водрузят знамя над Рейхстагом, будут представлены к присвоению звания Героя Советского Союза. Указывалось также, чтобы эту информацию довели до каждого воина. Штурмующие подразделения знали эту информацию, но о том, что речь шла только о стяге Военного совета, никто не подозревал.

28 апреля командарм Кузнецов поставил перед 79-м стрелковым корпусом генерала С.Н. Переверткина боевую задачу взять Рейхстаг. Командир корпуса решил подстраховаться и водрузить над Рейхстагом свое корпусное знамя. Он создал из добровольцев две штурмовые группы по 20 человек в каждой и включил в состав передовых полков корпуса. Одну группу возглавил его личный адъютант майор Михаил Бондарь, вторую – старший офицер связи Владимир Маков. Макову было поручено действовать в составе 150-й, а Бондарю – 171-й стрелковой дивизии. В группе Макова знамя поручили водрузить Михаилу Минину. Под гимнастеркой он также имел и флаг 136-й артиллерийской бригады, из состава которой была вся группа.

Первому батальону капитана Неустроева, действовавшему в составе 756-го стрелкового полка 150-й стрелковой дивизии, было приказано прорваться к мосту Мольтке-младший и не дать взорвать его. Но немцы вечером 28 апреля все же подорвали этот мост. Правда, он был разрушен не полностью, и пехота имела возможность по его сваям перебираться на другой берег. И на рассвете 29 апреля подразделения батальона уже были на другом берегу водной преграды.

В ночь с 28 на 29 апреля к сражавшимся в посольском квартале бойцам Неустроева, Самсонова и Макова добавился батальон Давыдова. В здании швейцарского посольства разместился командный пункт Неустроева. К нему прибыл командир полка Зинченко и

сообщил, что командир дивизии передал в полк знамя Военного совета, чтобы установить его на Рейхстаге. Затем он приказал Неустроеву атаковать «дом Гимmlера» – здание МВД, которое обороняли эсэсовцы и моряки-подводники, сброшенные сюда на парашютах в ночь на 28 апреля.

Штурмовать «дом Гимmlера» пришлось дважды. Только когда подошли подразделения старшего лейтенанта Давыдова, советские воины ворвались в его подвальное помещение. Но на первый этаж батальон Неустроева и группа Макова пробились лишь в 13.00 29 апреля.

Во время боев 28 апреля у комбата Неустроева постоянную тревогу вызывала вторая рота лейтенанта Антонова – недавнего выпускника училища, которая действовала более вяло, чем другие подразделения. Поэтому именно в эту роту комбат решил направить своего заместителя по политчасти лейтенанта А.П. Береста, имевшего большой боевой опыт и навыки командования подразделением. Так волей судьбы Алексей Прокопьевич Берест оказался в составе той группы, которой предстояло водрузить Знамя Победы над Рейхстагом.

Правда, впереди были еще тяжелые бои. Вместе с основными подразделениями батальона лейтенант Берест с группой бойцов перебежали на другой берег и залегли на мостовой. По сигналу замполита бойцы атаковали дом, оказавшийся швейцарским посольством. Бросив гранату в подвал и нырнув в клубы дыма, Берест свалился вниз и очутился лицом к лицу с четырьмя немцами. Но следом за ним прыгнул еще один солдат, и гитлеровцы подняли руки.

Бои в здании МВД шли весь день 29 апреля. И только к 6 часам утра следующего дня, когда подошли свежие силы 674-го стрелкового полка, «дом Гимmlера» удалось очистить от противника.

Неустроев сразу же переместил свой штаб в «дом Гимmlера». Оттуда хорошо была видна Королевская площадь, в глубине которой стоял Рейхстаг. Из окон этого здания, обложенных кирпичом, торчали стволы пулеметов и скорострельных пушек. В парке, примыкавшем к площади, виднелись замаскированные зенитные орудия и самоходные установки «фердинанд». Перед Рейхстагом проходил широкий канал. Под прицелом был каждый метр площади. Рейхстаг обороняли отборные части гитлеровцев общей численностью около шести тысяч человек.

Штурмовали Рейхстаг выдвинутые в первый эшелон и оказавшиеся на острие атаки три спешно доукомплектованных батальона. Их расположение было следующим: в центре по направлению от «дома Гиммлера» на Рейхстаг действовали батальоны 150-й стрелковой дивизии Неустроева и Давыдова. На стыке между ними находилась группа Макова. Левее, со стороны швейцарского посольства – батальон из 171-й стрелковой дивизии полковника Негоды, которым командовал старший лейтенант Самсонов. Здесь же находилась и вторая штурмовая группа майора Бондаря.

Первая атака советских войск на Рейхстаг была отбита шквальным огнем противника. Батальону Неустроева пришлось возвращаться по-пластунски в казематы «дома Гиммлера». Но советское командование по соображениям престижа или другим причинам не стало ждать темноты, когда скрытно можно было подойти к Рейхстагу. Примерно в 13 часов 30 апреля батальоны Неустроева и Давыдова снова были подняты в атаку, но и эта попытка не дала положительного результата.

Тем временем пропагандистская машина неудержимо набирала обороты. Маховик запустил командир 150-й стрелковой дивизии генерал-майор В.М. Шатилов, которым в штаб 79-го стрелкового корпуса вначале по телефону, а затем и письменно было передано следующее: «Доношу, что в 14.25 30.04.45, сломив сопротивление противника в кварталах северо-западнее здания Рейхстага, 1/756сп и 1/674сп штурмом овладели зданием Рейхстага и на южной его части установили Красное Знамя». На этом основании в штаб 1-го Белорусского фронта немедленно поступило сообщение от командующего 3-й ударной армией генерал-полковника Кузнецова, что Рейхстаг взят и на нем установлено Красное Знамя. Жуков немедленно доложил об этом Сталину, и вождь прислал по этому поводу свое поздравление. Военный совет 1-го Белорусского фронта издал приказ № 06, в котором говорилось: «Войска 3-й ударной армии генерал-полковника Кузнецова заняли здание рейхстага и сегодня 30 апреля 1945 года в 14 часов 25 минут подняли на нем советский флаг» (время московское). Но реально в это время ни одного советского солдата в Рейхстаге еще не было. Ближе к вечеру 30 апреля весть о взятии Рейхстага обнародовало и Московское радио, новость разнеслась по всему миру.

Получился конфуз, исправлять который нужно было немедленно. Тем более что для этого все было готово. Командир 756-го стрелкового полка еще в 10 часов утра 30 апреля распорядился, чтобы начальник разведки капитан В.И. Кондрашов взял двух лучших разведчиков и прибыл с ними на КП. Там им должны были вручить Знамя Военного совета армии для водружения его на куполе Рейхстага. Выбраны были русский и грузин – Егоров и Кантария. По замыслу Зинченко, они должны были войти в Рейхстаг вслед за первым батальоном.

Тем временем, веря, что Рейхстаг уже взят, командарм Кузнецов во исполнение приказа командующего фронтом № 06 спешно подписывает собственное распоряжение о поощрении личного состава, где говорится, что «в ознаменование одержанной победы отличившихся генералов и офицеров, сержантов и красноармейцев представить к присвоению звания Героя Советского Союза и награждению орденами». Командиры штурмующих частей всеми силами стремятся выполнить поставленные задачи и закрепиться в Рейхстаге. Командиры штурмовых батальонов начали направлять одиночек-добровольцев с флагами к Рейхстагу, но никто из них до здания не добрался, все они погибли. Ранее отобранные знаменосцы Егоров и Кантария, которые должны были бы находиться в боевых порядках штурмующих батальонов, в то время на самом деле находились при знамени Военного совета в штабе 756-го стрелкового полка.

Штурм продолжался. Так как потери в батальоне капитана Неустроева были самыми чувствительными, то командир дивизии генерал В.М. Шатилов направил туда на усиление еще отряд численностью около 100 человек. Из них была сформирована еще одна рота, командиром которой был назначен сержант Сьянов.

С наступлением темноты (20 часов 26 минут) шансов для успешного штурма Рейхстага стало больше. В 21.00 передовой отряд батальона Неустроева и группа Макова начали выдвигаться на исходные позиции. Справа двигался батальон Давыдова, а слева – бойцы Самсонова. Фронт трех батальонов составлял около 200 метров. На таком узком пространстве личный состав перемещивался. Все, кому удалось друг за другом по швеллерам и трубам переправиться через водный рубеж, бегом кинулись к Рейхстагу. Маковцы в числе первых подбежали к его парадному входу, но массивная дверь была

заперта. Тем не менее они успели прикрепить к стене красное знамя, врученное им в 136-й артиллерийской бригаде. Это было в 22.10–22.15. Вслед за ними к стенам Рейхстага начали прикреплять флажки и другие бойцы, в том числе и Кошкарбаев – командир стрелкового взвода из 674-го стрелкового полка.

Для продолжения штурма здания бойцы бревном протаранили его парадную дверь. Штурмующая группа сразу же бросилась захватывать помещения первого этажа и баррикадировать выходы из бункера. В столь сложной обстановке ночного боя, в связи с перемешиванием подразделений, реально бойцами командовали те командиры, которые находились в авангардной группе. В их числе были командир штурмового батальона капитан Маков, начальник штаба батальона Гусев, замполит Берест, и даже агитатор политотдела 150-й стрелковой дивизии капитан Матвеев.

Маков отдал команду Минину прикрепить знамя 79-го стрелкового корпуса на крыше Рейхстага и выделил ему в помощь семь пехотинцев. Эта группа, прочесывая огнем автоматов проходы, забрасывая гранатами выходы из коридоров, бросилась вперед и достигли чердака. Там через слуховое окно бойцы выбрались на крышу и к башне прикрепили знамя, которое затем перенесли на скульптурную группу. Это были бойцы-добровольцы из 136-й артиллерийской бригады: Минин, Загитов, Бобров, Лисименко. На часах было 22.30–22.40 по местному времени.

Узнав об этом, Маков лично поднялся к знамени. И лишь затем по рации доложил о случившемся в штаб 79-го стрелкового корпуса. Свидетелем этого доклада был Неустроев, а принимал сообщение начальник политотдела армии Лисицын.

В то время в Рейхстаге было достаточно много советских подразделений. Там размещался НП Неустроева. С южного депутатского подъезда Давыдов в вестибюль Рейхстага ввел роту лейтенанта Гречишникова и взвод Кошкарбаева, а остальные свои подразделения расположил у подножия рейхстаговской стены фронтом на юг, откуда можно было ждать контратаки. На левом фланге находился батальон Самсонова, роты которого занимали оборону вдоль северной стены Рейхстага. Примерно в 24 часа (два часа ночи по московскому времени) в Рейхстаг вошли и другие подразделения Самсонова. Вместе с ними прибыла и группа майора Бондаря, которая

до сих пор находилась в здании швейцарского посольства и оттуда вела наблюдение и по радиации передавала сообщения в штаб корпуса. Поэтому именно Бондаря, как офицера штаба корпуса, Минин пригласил засвидетельствовать факт водружения первого знамени на крыше Рейхстага.

Но временное затишье в Рейхстаге вскоре закончилось. Уцелевшие немецкие солдаты, просачиваясь группами по известным только им ходам, начали вырываться наверх из подвалов здания. Завязались перестрелки, порой переходящие в рукопашные схватки. Разобраться, где свой, а где чужой, в такой обстановке было очень сложно. Пришлось отказаться от активных действий и ограничиться обороной уже захваченных помещений.

Далеко за полночь во время очередного затишья в Рейхстаг прибыл командир 756-го стрелкового полка полковник Ф.М. Зинченко. Он приказал Неустроеву доложить обстановку. Но больше всего полковника интересовало знамя Победы. При этом Неустроев честно доложил, что знамен на Рейхстаге много.

– Я спрашиваю, где знамя Военного совета армии под номером 5? Я же приказал начальнику разведки полка капитану Кондрашову, чтобы знамя шло в атаку с первой ротой! – возмущенно сказал Зинченко.

На поверку оказалось, что указанное знамя осталось в штабе полка, в «доме Гиммлера».

Зинченко немедленно позвонил начальнику штаба полка А.Г. Казакову и приказал незамедлительно организовать доставку знамени в Рейхстаг. Разведчики Егоров и Кантария выполнили эту задачу в промежуток между тремя-четырьмя часами ночи.

После этого Зинченко приказал установить это знамя на крыше Рейхстага. Егоров и Кантария направились для выполнения этой задачи, но минут через двадцать вернулись со знаменем назад.

– Там темно, у нас нет фонарика, и мы не нашли выход на крышу, – объяснил Егоров.

– Верховное Главнокомандование Вооруженных Сил СССР от имени Коммунистической партии и всего советского народа приказало нам водрузить Знамя Победы над Берлином. Этот исторический момент наступил, а вы не нашли выход на крышу! – гневно выкрикнул Зинченко.

Он приказал комбату Неустроеву обеспечить водружение Знамени Победы над Рейхстагом. Неустроев подозвал к себе Береста.

– Пойдешь вместе с разведчиками и на фронте, над парадным подъездом привяжешь Знамя, чтобы его видно было с площади и из «дома Гимmlера», – сказал он.

Берест, Егоров и Кантария снова пошли выполнять полученную задачу.

В начале 60-х годов А.П. Берест в редакцию «Комсомольской правды» (письмо тогда так и не было опубликовано) писал: «Передо мной командованием была поставлена задача возглавить и обеспечить водружение Знамени Победы. В стремительном броске мы ворвались в открывшийся проход центрального входа здания, двери которого были подорваны гранатой. В это время при моем участии знаменосцами товарищами Кантария с Егоровым было закреплено армейское знамя № 5 на одной из колонн центрального входа в рейхстаг в 14.30 дня 30 апреля».

Но Берест понимал, что знамя, закрепленное на колонне, – это совсем не то, что Красное Знамя Победы, реющее над Рейхстагом. И около 22 часов того же дня он приказывает командиру отделения Щербине отобрать десять бойцов для прикрытия при переносе знамени на фронт. Об этом он также пишет в своем письме. По его утверждению, «товарищи Кантария и Егоров открепили знамя от колонны, и при поддержке огнем мы стали подниматься по винтовой лестнице. Но при этом оказалось, что вследствие артиллерийских обстрелов лестница в отдельных местах была разрушена, препятствие нам удалось миновать путем образования живой лестницы: становился я, на меня – товарищ Кантария, а на нас – товарищ Егоров. И в 22.50 наше советское Знамя Победы заколыхалось на фронте рейхстага».

Как позже выяснилось, лейтенант Берест не очень разбирался в расположении помещений Рейхстага. Он вывел Егорова и Кантарию на крышу Рейхстага, но не на ее западную сторону, видимую начальству со стороны Королевской площади, где уже развевался флаг, водруженный маковцами. Знамя Победы № 5 было установлено на совершенно противоположной, восточной стороне здания, где тоже над подъездом возвышался фронтон, над которым находилась конная скульптура рыцаря кайзера Вильгельма. С восточной стороны на Рейхстаг наступали части 5-й ударной армии генерала Берзарина, а

огонь противника там был намного слабее. Поэтому к исходу 31 апреля, когда огонь вражеских снарядов смел с западной стороны многие доставленные сюда флаги, в том числе и тот, что водрузили маковцы, знамя Военного совета 3-й ударной армии осталось невредимым. Зинченко и его сопровождающие, в том числе Егоров и Кантария, ушли на КП полка в «дом Гимmlера». А за старшего в Рейхстаге оставался капитан Неустроев.

Соппротивление противника в самом Рейхстаге продолжалось. В четыре часа утра 1 мая Береста разбудил командир роты сержант Сьянов и сообщил, что немцы выбросили белый флаг и согласились на переговоры, но с офицером не ниже полковника. Но в Рейхстаге самым высшим чином был комбат – капитан Степан Неустроев – сухощавый и невысокий. Как вспоминает сам комбат, он побоялся, что при такой комплекции и росте немцы просто не поверят, что перед ними высокий чин Советской армии. Поэтому решили, что роль полковника сыграет лейтенант Алексей Берест – парень крепкий, живое воплощение «русского Ивана».

Наспех собрали группу парламентаров. На всех надели телогрейки без знаков различия. Сам Неустроев пошел с Берестом в качестве «адъютанта».

Разговор был короткий: Берест предложил немцам сложить оружие, гарантируя им жизнь. На это немецкий полковник заявил, что его подразделение значительно превосходит советских бойцов по численности и сдаться должны русские. «Тогда я в ультимативной форме обратил внимание на то, что данная беседа происходит не в Москве, а в Берлине, и я не за тем пришел в Берлин, чтобы сдаваться, – вспоминал позже Берест. – Когда мы уже выбрались в вестибюль, эсэсовский офицер, сопровождавший нас, выстрелил мне в спину, но промазал. Я, резко развернувшись, разрядил свой пистолет, и тотчас же вспыхнула стрельба».

Берест разрядил обоймы из двух пистолетов и стоял за статуей кайзера Вильгельма фактически безоружный, когда на него бросились двое немцев. Подняв обломок металлической руки кайзера лейтенант наотмашь ударил по голове одного из нападавших, и тот без сознания свалился на пол. Второй сзади схватил Береста за горло. В это время на помощь Бересту подскочил солдат с гранатой, но, промахнувшись, вместо гитлеровца стукнул по спине лейтенанта. Граната выскочила и

волчком завертелась по полу. «Я мгновенно оторвал от себя цепкие руки врага, чуть приподнял его и бросил на гранату. Она взорвалась и разнесла его, и осколком ранила меня в ноги. Бойцы перенесли меня в комнату, наскоро перевязали и ушли. Я зарядил пистолет и снова вступил в бой».

В это время с внешней стороны Рейхстага, где находились южный вход и Королевская площадь, противник обрушил на советских бойцов ураганный артиллерийский огонь. Батальоны Давыдова и Самсонова приняли на себя удар врага. Ожесточенное сражение развернулось у здания «Кроль-оперы». Но прорваться к Рейхстагу и соединиться с его гарнизоном противнику не удалось. Все вражеские атаки были отбиты с большими потерями с обеих сторон. После этого боя основная часть подразделений батальонов Давыдова и Самсонова также переместилась в Рейхстаг. Туда же начали прибывать и другие подразделения. И все прибывавшие прикрепляли в наиболее заметных местах свои флаги, делали памятные надписи на стенах.

Происходившее в Рейхстаге уже выходило за рамки строго военного порядка. Неустроев пытался покончить с анархией. Он позвонил Зинченко и сказал, что для обороны здания изнутри достаточно оставить один полк или усиленный батальон. В конце концов командир 79-го стрелкового корпуса приказал вывести из Рейхстага все подразделения, кроме батальона Неустроева.

На исходе ночи 1 мая солдаты Неустроева, которые из-за любопытства постоянно осматривали здание Рейхстага, обнаружили на первом этаже дверь, за которой скрывалась лестница. Тут же из наиболее отчаянных была сформирована добровольческая группа, которая решила продолжить обследование. Но, едва спустившись по лестнице в подвальное помещение и оказавшись в большом бетонном зале, бойцы тут же попали под пулеметный огонь. Пятеро солдат были убиты сразу, трем чудом удалось спастись.

Обнаружение недобитого противника внутри здания сильно озадачило Неустроева. Он послал в бункер большую группу солдат во главе с офицером, которые уже продвигались вперед весьма профессионально. После короткой перестрелки уцелевшие немцы решили сдаться. От захваченных пленных стало известно, что под Рейхстагом размещаются обширные помещения, связанные между собой многочисленными тоннелями и переходами, в которых

укрывается более 1000 человек, в основном офицеров и солдат войск СС и личной охраны фюрера.

В это время на Королевской площади снова забушевал огненный смерч. Ценой больших потерь фашистам удалось подойти к зданию «Кроль-оперы», в котором еще сопротивлялась часть немецкого гарнизона. Но соединиться противнику не дали. Он основной массой сил развернулся к западному фасаду Рейхстага и открыл ураганный огонь по его парадному подъезду. В это же время и гитлеровцы, находившиеся в подвалах здания, стремясь вырваться из подполья, также пошли на прорыв.

Атаки были большой силы и велись на пределе отчаяния. В нескольких местах через образованные бреши на первом этаже солдаты и офицеры противника вырвались наружу. От взрывов гранат в здании возникли пожары. Казалось, что не только сражаться, но и находиться в его помещениях стало невозможно: на людях тлела одежда, обгорали волосы, от дыма нечем было дышать...

Батальон Неустроева снова оказался в тяжелейшем положении. Враг наседал одновременно с нескольких сторон, связь с полком была прервана. Когда ее удалось восстановить, Зинченко предложил Неустроеву на время покинуть Рейхстаг, переждать, пока там все выгорит, и лишь затем вернуться обратно. Но сделать это уже было невозможно, поскольку часть рот была отсечена огнем. К тому же и парадный подъезд также находился под жесточайшим обстрелом. Батальон оказался в огненном мешке.

Неустроев решил не покидать здание, и продолжать драться в горящем Рейхстаге. Вновь завязался ожесточенный бой, который продолжался весь день и часть ночи. На лестницах и в помещениях главного здания Рейхстага борьба неоднократно переходила в многочисленные рукопашные схватки.

Безусловно, обстановка в центре Берлина постоянно интересовала Г.К. Жукова. К тому времени он также знал, что в отношении знамени над этим зданием его, мягко говоря, ввели в заблуждение. Поэтому в своем боевом донесении № 00514 Верховному Главнокомандующему, отправленном в 21.30 1 мая 1945 года он вообще не касается вопроса захвата Рейхстага и водружения над ним Знамени Победы. Григорий Константинович лишь констатирует, что «особенно упорное сопротивление противник оказывает в районе Рейхстага».

В Рейхстаге же к этому времени инициатива почти полностью перешла к немцам. Был даже момент, когда у Неустроева под контролем оставались только часть центрального зала и вестибюль. Но в этот трудный момент выручил капитан Ярунов. В ночь на 2 мая, собрав в свою роту человек сто, он сумел провести отряд по правому крылу через завесу огня за спину противника и внезапно ударил по врагу с тыла.

2 мая немецкий гарнизон Берлина во главе с его комендантом генералом Вейдлингом капитулировал. К тому времени, в 3–4 часа 1 мая, в период относительного временного затишья, по приказу командира 79-го стрелкового корпуса Переверткина под руководством полковника Зинченко Знамя Победы было перенесено с восточной стороны крыши Рейхстага, где его не видно было с Королевской площади, и установлено на его куполе.

Из кадров фронтовой кинохроники многие помнят, как группа солдат взбегают по ступеням Рейхстага, а затем двое из них закрепляют трепещущее знамя на его фронтоне. Но эти кадры постановочные, так как они были отсняты фронтовыми операторами 2 мая 1945 года, когда все бои уже отгремели. Тем не менее этот эпизод стал символом Победы всего советского народа в Великой Отечественной войне.

В мае 1946 года был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «О присвоении звания Героя Советского Союза офицерскому и сержантскому составу вооруженных сил СССР, водрузившему Знамя Победы над рейхстагом». Награждены были пятеро: капитан Василий Давыдов, сержант Михаил Егоров, младший сержант Мелитон Кантария, капитан Степан Неустроев и старший лейтенант Константин Самсонов. Имени А.П. Береста в этом списке не было, по ходатайству командира корпуса он был награжден только орденом Красного Знамени.

После взятия Берлина Знамя Победы было привезено в Москву, но в первом Параде Победы оно не участвовало, хотя первоначально именно это знамя должно было открывать марш победителей. Но во время генеральной репетиции на Красной площади комбат Неустроев (пять раз раненный, с дважды перебитыми ногами) сбился с шага перед самой трибуной Мавзолея, и на этом основании Г.К. Жуков лично отменил вынос Знамени Победы. Не было на этом параде и А.П. Береста.

Не вспомнили о нем и двадцать лет спустя, 9 мая 1965 года, когда Знамя Победы впервые появилось на параде. Но тогда по Красной площади пронес его полковник Самсонов, который непосредственно не участвовал в водружении Знамени на Рейхстаг, хотя и получил за это звание Героя Советского Союза. Алексей Прокофьевич Берест и на этот парад приглашен не был.

Алексей Прокофьевич Берест родился 9 марта 1921 года на Украине в селе Горайстовка Ахтырского района Сумской области. После окончания 7 классов неполной средней школы в родном селе работал трактористом, затем снабженцем-экспедитором на заводе в Харькове. В октябре 1939 года он был призван в ряды Красной Армии, служил в 32-м запасном стрелковом полку Ленинградского военного округа. В январе 1940 года был зачислен курсантом полковой школы 2-го полка связи Ленинградского военного округа, в его составе участвовал в советско-финляндской войне.

Полковую школу А. Берест окончил в августе 1940 года и был направлен командиром отделения связи во 2-ю смешанную авиационную дивизию Ленинградского военного округа, которая с началом Великой Отечественной войны вошла в состав Северо-Западного фронта. В августе 1941 года он переводится в 168-й отдельный артиллерийский дивизион, дислоцированный в Малой Вишере. Далее – служба в 5-м запасном артиллерийском полку и в батарее командующего 14-го стрелкового корпуса.

С декабря 1943 года по сентябрь 1944 года Алексей Прокофьевич учился в Ленинградском военно-политическом училище, числился в резерве политуправления 1-го Белорусского фронта и проходил службу в должности заместителя по политической части командира 3-го батальона 756-го стрелкового полка 150-й стрелковой дивизии. 10 февраля 1945 года ему было присвоено очередное воинское звание «лейтенант», а 18 марта 1945 года он был награжден орденом Красной Звезды за храбрость и мужество, проявленные в боях. Воевал в составе 756-го стрелкового полка, 150-й стрелковой дивизии 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта.

Сразу после окончания боевых действий в Германии лейтенанту А.П. Бересту дают новое поручение. Он назначается начальником одного из эшелонов, которые везли в СССР репатриированных – тех, кто был немцами угнан во время войны на принудительные работы в

Германию. После выполнения этого задания Алексей Берест заезжает к себе на родину, в деревню Горяйстовку Сумской области, где в это время свирепствовал тиф. Заболевшего офицера, метавшегося в бреду, вывозят в военный госпиталь в Ростов-на-Дону. Здесь он не только выздоравливает, но и находит себе жену – симпатичную медсестру Людмилу, с которой возвращается к прежнему месту службы в Германию.

Военную службу А.П. Берест закончил в 1948 году в Севастополе в должности заместителя начальника по политической части передающего радицентра узла связи Черноморского флота. Затем он с женой возвращается на родину жены, в Ростовскую область. Направляется в Неклиновский район, где заведовал районным отделом кинофикации.

Затаив обиду на несправедливость, А.П. Берест продолжал писать ходатайства о присвоении ему звания Героя Советского Союза за водружение Знамени Победы над Рейхстагом. Видимо, это кому-то не понравилось...

Морозным февральским утром 1953 года в дом Береста постучала беда: хозяин семьи был арестован. Предъявить ему, впрочем, было нечего. Но следователь районной прокуратуры упорно провоцировал Береста, стараясь найти хоть какую-то зацепку. И вот, когда он с издевкой процедил: «Надо еще разобраться, где ты был во время войны, – может, отсиживался за чужими спинами?» – фронтовик не выдержал. Он сгреб в охапку кресло вместе с обидчиком и вышвырнул со второго этажа... Итог, вопреки показаниям свидетелей, обвинение в хищении и хулиганстве и срок в 10 лет.

Жена Алексея, Людмила Федоровна, уже в 1970-е гг. разыскала этого следователя. В интервью корреспонденту «Сегодня» она рассказала, что следователь ей признался: «Я не мог иначе. Сверху надавили: или Берест сядет, или ты лишишься работы».

Так героя войны, участника штурма Рейхстага увез на лесоповал холодный столыпинский вагон. Он не стал просить о помиловании. Писал жене: «Проси от себя. Мне нельзя: я себя виновным не признаю». И еще: «Пусть будет, как богом помечено. Какая судьба человека, такую не миновать. Значит, мне помечено просидеть в этом аду и побывать в этом преступном мире. Но я останусь человеком, и слезы моих детей и жены никогда не прощу. Я ни перед кем на коленях

не стоял и никогда не стану. Чем тяжелее для меня обстановка, тем я спокойней».

Правда, просидел только половину от этого срока, который по амнистии был сокращён вдвое. Домой Берест вернулся через 2 года 7 месяцев.

После освобождения вернулся в Ростов-на-Дону. Работал пескоструйщиком в сталелитейном цехе на заводе «Ростсельмаш».

3 сентября 1970 года Алексей Прокофьевич проснулся утром – веселый, бодрый, полный сил. Незадолго до этого он получил квартиру, был полон планов на будущее...

В конце дня Берест зашел в детсад за пятилетним внуком и повел его домой. Впереди торопилась куда-то женщина, ведя за руку маленькую девочку. Неожиданно при переходе через железнодорожные пути девочка вырвала руку и выбежала вперед. В это время из-за поворота вылетел пассажирский поезд. Ребенок оцепенел от ужаса. И тогда Берест, отпустив внука, бросился на пути. Он вытолкнул малышку из-под колес состава, но сам отскочить не успел. Ему было всего 49 лет.

Похоронен А.П. Берест на Александровском кладбище Пролетарского района в городе Ростов-на-Дону. На могиле установлен памятный знак, на котором написано: «Участник штурма Рейхстага».

6 мая 2005 года за боевую отвагу в Великой Отечественной войне, личное мужество и героизм, проявленные в Берлинской операции и водружении Знамени Победы над Рейхстагом, указом Президента Украины Виктора Ющенко № 753/2005 от 6 мая 2005 года Алексею Прокофьевичу Бересту посмертно было присвоено звание Героя Украины с вручением украинского ордена «Золотая Звезда». Российская Федерация пока что себя никак не проявила в этом вопросе.

Восточные «союзники» Гитлера

Великая Отечественная война существенно разделила советское общество на части.

Одна часть общества сражалась на фронтах, находясь в рядах действующей армии. Вторая оставалась на территории, не занятой врагом, и трудилось во имя победы. Обе эти группы людей продолжали жить по советским законам.

В более сложной обстановке оказались две другие группы. Одна из них состояла из людей, оказавшихся на временно оккупированной противником территории и была вынуждена приспосабливаться к новой обстановке. Четвертую группу составляли люди, и таких также было немало, которые по различным обстоятельствам оказались во вражеском плену, где вопрос выживания вообще ставился на первое место. И, надо сказать, что в зависимости от сложившихся обстоятельств, эти люди вели себя по-разному.

Руководство Германии вопросам использования в качестве своих союзников местного населения и военнопленных придавало особое значение. Но при этом состав этих союзников был самый пестрый как по части добровольности, так и по степени участия в вооруженной борьбе. Никак нельзя ставить на один уровень прибалтийских эсэсовцев и участников других вооруженных формирований, добровольно вступивших в немецкие войска, и насильственным путем угоняемых на работу в Германию мирных жителей. Поэтому в категорию борцов с большевистским режимом чаще всего относят тех, кто получал паек от гитлеровских военных или полицейских властей или получил в руки оружие опять же от немецкого или пронемецкого командования.

К таким относились вспомогательный состав вермахта, или, как их называли сами немцы, «добровольные помощники», вспомогательные части полиции, погранохрана, помощники в войсках ПВО, которых мобилизовывали в Германии через молодежные организации.

Невозможно точно назвать цифры, сколько их было всего, потому что точного учета не было. Но по документам НКВД в органы до

марта 1946 года передали 283 тыс. власовцев и других пособников фашистов в военной форме. Некоторые исследователи считают, что таких было в три раза больше.

Причина таких расхождений кроется в том, что в журналах боевых действий немецких войск практически отсутствуют сведения о привлечении категории *hiwi* в боевых операциях, особенно частей, сформированных из лиц славянских национальностей. Документально зафиксированы азиатские батальоны, состоявшие из кавказцев, турок, татар. На их долю вооруженных единиц приходится более 100 тыс. На долю прибалтов с их добровольческими полками, тремя дивизиями СС и полицейскими батальонами приходится также 100 тыс. В Белоруссии батальоны формировались из белорусов, украинцев, русских, остатков бригады Каминского, казаков. На них базировалась 30-я дивизия СС, которая впоследствии использовалась для наполнения 1-й власовской дивизии. Западная Украина добавила в состав вермахта еще около 30 тыс. человек. Кроме того, на службе вермахта состояло около 70 тыс. казаков.

Фашисты в годы Великой Отечественной войны практиковали формирование воинских частей за счет населения оккупированных территорий и военнопленных. Заставить одного брата воевать с другим во имя нацистских идей – один из действенных инструментов в деятельности министерства пропаганды Геббельса. Известно, что национальные части были созданы из крымских татар, прибалтийцев, мусульманских народов Кавказа и русских. Позорным пятном в военной истории Советского Союза периода Великой Отечественной войны стало формирование Русской освободительной армии генералом Власовым. Ни один народ мира, включая и самих немцев, не чтит память этого человека и других командиров-предателей, кроме прибалтов и украинцев. Но только последние дошли до того, что сделали С. Бандеру и Т. Шушкевича национальными героями.

Латвия. Оккупировав летом 1941 года Латвию, немецкое командование создало местные добровольческие подразделения, предназначавшиеся для борьбы с советскими партизанами, охраны стратегических объектов, тюрем и концлагерей, где содержали и уничтожали евреев и советских военнопленных. В целом, в различных немецких формированиях служило 115 тыс. латышей, из них в двух дивизиях Ваффен-СС – 52 тыс.

Вспомогательная полиция была создана уже 1 июля 1941 года. В число этих формирований входили добровольческие латышские батальоны.

16-й добровольческий латышский батальон под командованием полковника-лейтенанта Карлиса Мангулиса был направлен на Восточный фронт 16 октября 1941 года. В конце декабря 1941 года в Белоруссию был отправлен 17-й Видземский латышский батальон. 13 января 1942 года 18-й Курземский батальон приступил к несению службы на Украине. 30 марта в состав группы армий «Север», осаждавшей Ленинград, прибыл 21-й Лиепайский батальон. В мае 1942 года ещё два латышских батальона были отправлены на Украину, один в Белоруссию и один под Ленинград.

Известно, что в ноябре и декабре 1941 года подразделение латвийской вспомогательной полиции, известное как команда Арайса, уничтожило в концлагерях и тюрьмах, расположенных на территории Латвии около 26 тыс. евреев.

15-я гренадерская дивизия Ваффен-СС (1-я латышская) была создана 9 марта 1943 года. Костяком при ее создании стали добровольческие вспомогательные подразделения, а остальной состав набирался путем мобилизации. Дивизию возглавил фон Пюклер-Бургхауз, которого в феврале 1944 года на этом посту сменил Николаус Хельман.

В мае 1943 года все военизированные части латышей, включая полицейские, по распоряжению Гиммлера начинают именоваться Латышским легионом. Генерал-инспектором легиона был назначен бывший министр обороны Латвии Рудольф Бангерскис, получивший звание группенфюрера СС.

В ноябре 1943 года 15-я гренадерская дивизия Ваффен-СС приняла свой первый бой под Новосokolьниками. В последующем она воевала в составе вермахта, и завершила свой путь в апреле 1945 года в Германии, сдавшись британским войскам.

В марте 1944 года на базе 2-й латышской добровольческой бригады, находившейся на Восточном фронте, развертывается 19-я гренадерская дивизия Ваффен-СС (2-я латышская). В последующем эта дивизия воевала на Ленинградском фронте, а в конце войны сдалась советским войскам в Курляндии.

Эстония. Сразу же после прихода немцев из числа местных жителей были образованы «отряды самообороны» («Омакайтсе»), которые к ноябрю 1941 уничтожили более 7 тыс. человек, преимущественно эстонских коммунистов и бойцов истребительных батальонов НКВД. Отдельные подразделения «Омакайтсе» вместе с немецкими айнзацгруппами и зондеркомандами принимали участие в расстреле 929 эстонских евреев. При участии отрядов самообороны было также уничтожено около 12 тыс. советских военнопленных в районе Тарту.

К марту 1942 года в составе вермахта на Восточном фронте действовало 16 эстонских батальонов. Все они активно привлекались для выполнения карательных задач. Так, 37-й, 38-й, 40-й, 286-й и 288-й батальоны эстонской полиции проводили антипартизанские операции в районах Пскова, Луги, Гдова, а также в Белоруссии. 658-й эстонский батальон участвовал в карательных операциях против мирного населения в районе Кингисеппа и Керстово (Ленинградская область), во время которых были сожжены деревни Бабино, Хабалово, Чигиринка и другие. 36-й эстонский полицейский батальон принимал участие в расстрелах примерно тыс. евреев в 15 км от Новогрудка (Белоруссия).

В 1944 году была сформирована 20-я эстонская дивизия Ваффен-СС, закончившая свой путь в мае 1945-го в Чехословакии. Солдаты дивизии носили нашивки с эстонскими национальными цветами и изображениями трех львов. Несколько тысяч эстонских добровольцев воевало в составе дивизии войск СС «Викинг».

В мае 1943 года немецким командованием для решения задач на Восточном фронте была сформирована эстонская добровольческая бригада. В начале 1944 года на базе этой бригады была развернута 20-я гренадерская дивизия Ваффен-СС (1-я эстонская).

Впервые эта дивизия была брошена в бой в середине 1944 года в сражении под Нарвой. Затем она участвовала в боях в Курляндском котле, была эвакуирована в Германию и закончила свой путь в мае 1945 года в Чехословакии.

Литва. Из литовских националистических формирований было создано 22 стрелковых батальона самообороны, т. н. «шутцманшафтбатальоны», или «Шума», каждый численностью 500–600 человек. Общая численность военнослужащих этих формирований

достигала 13 тыс. Более крупным формированием стал батальон «Каунас» из 7 рот, который был сформирован путем объединения всех литовских полицейских групп Климайтиса, действовавших в районе Каунаса.

Литовские батальоны принимали участие в карательных акциях на территории Литвы, Белоруссии и Украины, в расстрелах евреев в каунасском форте. Литовские националисты (отряд под руководством Климайтиса) в течение первого каунасского погрома, в ночь на 26 июня, уничтожили более чем 1500 евреев.

2-й литовский батальон «Шума» под командованием майора Антанаса Импулявичюса был организован в 1941 году в г. Каунасе и дислоцировался в его пригороде – Шенцах. 6 октября 1941 года батальон в составе 23 офицеров и 464 рядовых отбыл из Каунаса в Белоруссию в район Минска, Борисова и Слуцка для борьбы с советскими партизанами. В Минске батальон уничтожил около девяти тысяч советских военнопленных, в Слуцке пять тысяч евреев. В марте 1942 года батальон выбыл в Польшу, и его личный состав использовался в качестве охраны концлагеря Майданек.

В августе – октябре 1942 года пять литовских батальонов располагались на территории Украины в городах Сталино, Винница, Коростень, Днепропетровск и Полтава. Еще два дислоцировались на территории Белоруссии, в Молодечно и Могилеве.

В феврале – марте 1943 года 2-й литовский батальон участвовал в проведении крупной антипартизанской акции «Зимнее волшебство» в Белоруссии, взаимодействуя с несколькими латышскими и одним украинским шуцманшафтбатальонами. В результате операции «Зимнее волшебство» только на территории Псковской и Витебской областей было убито более 15 тыс. человек.

3-й литовский батальон принимал участие в антипартизанской операции «Болотная лихорадка», проводившейся в Барановичском, Березовском, Ивацевичском, Слонимском и Ляховичском районах в тесном взаимодействии с 24-м латышским батальоном. Тогда было сожжено много населенных пунктов и расстреляны тысячи мирных жителей.

Летом 1944 года, по инициативе двух литовских офицеров, Ятулиса и Чесны, из остатков литовских батальонов вермахта была сформирована «Армия обороны отечества». Командовал этой армией

немец, полковник вермахта и кавалер Рыцарского креста с бриллиантами Георг Мадер.

Таким образом, значительная часть активного мужского населения прибалтийских республик активно участвовали в войне против СССР на стороне фашистской Германии как в качестве кадровых соединений, так и специальных карательных отрядов. Последние были нацелены на борьбу с партизанскими отрядами, но реально занимались истреблением мирного населения.

Украинская дивизия СС «Галичина». После событий 1991 года на Украине также высокой «чести» стали удостаиваться ветераны дивизии СС «Галичина». В истории Украины, львовского издания 1991 года, рекомендованного в качестве учебного пособия для школьников и студентов, записано: «Украинцы еще во время победного похода немцев на восток добивались права на создание украинских вооруженных сил для борьбы с большевиками. Но немцы эти предложения тогда решительно отвергли... Но осенью 1943 года, когда их военное положение стало очень тяжелым, была организована дивизия под названием «СС-дивизия Галичина», которое затем было заменено на «Первая Украинская дивизия»... Эту дивизию должны были использовать только для борьбы с большевиками.

Весной 1944 года дивизия была отправлена на фронт, и в бою с превосходящими силами советских войск под Бродами понесла большие потери. Остатки дивизии были переброшены в Словакию, где она получила пополнения и восстановила свою боеспособность. В конце войны дивизия была направлена против большевиков в Австрийские Альпы, где она, используя сложившуюся ситуацию, перешла на сторону союзных англо-американских войск, не запятнав ничем **украинское национальное знамя, под которым она воевала** (выделено автором).

В истории Украины, киевского издания 2007 года история создания этой дивизии была изложена так, что понять ее истинное лицо и принадлежность было очень сложно. Не опровергая сам факт создания этого соединения, там тем не менее было записано: «Идея создания дивизии СС «Галичина» была подвергнута жестокой критике со стороны С. Бандеры. Бандеровцы считали формирование этой дивизии нерациональным и даже вредным, поскольку, во-первых, оно имело целью, по их мнению, отвернуть активную молодежь от участия

в освободительном движении, фактически превращая ее в пушечное мясо, во-вторых, как это указывалось в бандеровских «Бюллетенях», «формируется не украинская национальная, а немецкая колониальная часть», в-третьих, проектом планировалась вербовка в эту дивизию только добровольцев с территории Галиции, что вело к противостоянию «галичан» и «украинцев», в-четвертых, формирование дивизии служило основанием для советской пропаганды говорить не только о сотрудничестве украинского национального движения с немцами, но и о прямой организации этого движения немцами. Основываясь на этих соображениях, ОУН Бандеры категорически заявила, что «украинская кровь может быть пролита только за Украинское государство и в рядах Украинской армии».

Исторические документы свидетельствуют, что украинская дивизия СС «Галичина», которая также было известна, как 14-я дивизия Ваффен-СС «Галичина» (слово Ваффен в переводе означало «оружие» и добавлялось к тем частям СС, которые формировались из иностранцев, а не истинных арийцев), была сформирована в 1943 году из украинских коллаборационистов и фольксдойче. Торжественная церемония по случаю начала формирования дивизии прошла 28 апреля 1943 года в здании немецкой администрации дистрикта «Галиция». В церемонии приняли участие представители немецкой власти, местные лидеры национал-социалистической партии, командиры ряда частей германской армии и бывшие воины Украинской Галицкой армии во главе с ее известным деятелем Виктором Курмановичем. На церемонии председатель Украинского Центрального комитета Владимир Кубийович сказал: «Формирование галицко-украинской дивизии по образцу СС – это для нас не только отличие, но и обязательство, чтобы активное сотрудничество с немецкими государственными органами продолжать вплоть до победоносного окончания войны».

Первоначально на призыв украинских националистов откликнулось не менее 70 тыс. галичан, но в ряды дивизии были приняты лишь самые «отборные». Остальные добровольцы были включены в состав германской полиции и составили пять полицейских полков. Позже эти полки были упразднены, а их личный состав направлен на пополнение соединения. Большинство старших командных должностей занимали немцы (в том числе фольксдойче).

Немцами были и два первых командира дивизии – бригадефюрер СС Вальтер Шимана и сменивший его 20 ноября 1943 года бригадефюрер СС Фритц Фрайтаг. Должности младших офицеров преимущественно комплектовались галичанами. Присяга членов дивизии была такой же, как у членов других добровольческих подразделений рейха. Каждый вступавший в ряды дивизии торжественно произносил: «Я служу тебе, Адольф Гитлер, как фюреру и канцлеру германского рейха верностью и отвагой. Я клянусь покоряться тебе до смерти. Да поможет мне Бог!». К концу декабря 1943 года в рядах дивизии насчитывалось 12 634 человека личного состава.

В апреле 1944 года дивизия была отправлена в Нойхаммер (Силезия) для дальнейшего обучения. В мае того же года ее лично проинспектировал Гиммлер и в целом остался доволен подготовкой ее личного состава. Но при этом он усомнился в должной стойкости соединения, необходимого для ведения боев с частями Красной Армии.

Но события на фронте для германского командования складывались неудачно, и в начале февраля 1944 года в дивизию приходит приказ сформировать первую боевую группу «Беерсдорф» для участия в карательных операциях в дистрикте Галиция (по фамилии командира группы штандартенфюрера Беерсдорфа) для проведения карательных операций в районе Замостья. Затем из личного состава дивизии была сформирована вторая боевая группа, которая была направлена в район Бродов. В карательных операциях в марте 1944 года также были задействованы 4-й и 5-й полки дивизии СС «Галичина», находящиеся в подчинении СС и СД Генерал-губернаторства. В ходе этих операций в польском селе Гута Пеняцкая были сожжены 172 дома и убиты все жители (по разным оценкам, от 500 до 800 человек, включая женщин и детей). Также известны факты об уничтожении украинскими эсэсовцами и других польских деревень, в том числе Беняки, о сожжении в костеле гражданского польского населения города Тернополя, и расстрелах советских военнопленных во Львове.

25 июня 1944 года дивизия перебрасывается под Броды в распоряжение 13-го армейского корпуса. Тогда в рядах этого соединения насчитывалось 15 299 солдат и офицеров. Дивизия заняла вторую полосу обороны, находившуюся в 20 км от линии фронта.

13 июля 38-я и 60-я армии 1-го Украинского фронта начали наступление на стыке 13-го армейского корпуса и 1-й танковой армии немцев в рамках Львовско-Сандомирской операции. После того как главная полоса обороны противника была прорвана, немецкое командование решило восстановить утраченное положение проведением контрудара. В нем кроме дивизии СС «Галичина» также были задействованы части 13-го армейского корпуса (удар с севера), а также 1-я и 8-я танковая дивизии 1-й танковой армии (удар с юга). Начало контрудара было намечено на утро 15 июля. Но советское командование разгадало замысел противника. Совместными ударами 2-й воздушной армии и войск фронта обе танковые дивизии были обескровлены, и контрудар к концу того же дня выдохся.

К 18 июля Бродовский котёл захлопнулся. 20 июля на участке фронта, оборонявшегося дивизией «Галичина», случилось несколько прорывов, после чего командир дивизии генерал Фрайтаг принял поспешное решение сложить с себя свои полномочия, и дивизия перешла под командование генерал-майора Фрица Линдемманна. 22 июля, согласно информации В. Хайке, из 14 тыс. солдат и офицеров из котла вместе с командиром дивизии Фрайтагом удалось вырваться не более 500. В месте сбора дивизии к ним присоединилось ещё 1200 не бывших в котле солдат и офицеров вспомогательных подразделений дивизии. Многие бойцы разбитой дивизии СС «Галичина», не попавшие в плен, присоединились к действовавшей в этих местах Украинской повстанческой армии (УПА).

После бродского разгрома командование дивизий принял бригадефюрер СС Сильвестер Штадлер, которого затем сменил бригадефюрер СС Николаус Хейманн. Из оставшихся в строю остатков дивизии в июле 1944 года около 1300 человек было передано в 5-ю дивизию СС «Викинг». Они сражались в составе этого соединения около трех месяцев, и в ноябре 1944 года живыми в дивизию вернулось всего около 350 человек.

Повторное формирование украинской дивизии началось 7 августа 1944 года на полигоне Нойхаммер, куда для этого были направлены ее запасной полк, насчитывавший около 7 тыс. человек, а также добровольцы, служившие в 4-м и 5-м галицийских полицейских полках, которые уже успели «проявить» себя во время подавления восстания в Варшаве. На 20 сентября 1944 года дивизия насчитывала

чуть меньше 13 тыс. солдат и офицеров. В начале сентября в командование соединением снова вступил бригадефюрер СС Фритц Фрейтаг. 28 сентября 1944 года для завершения формирования дивизия была переведена в Словакию и 17 октября 1944 года по приказу Гиммлера была переименована в 14-ю войсковую гренадерскую дивизию СС (украинскую № 1). Кроме того, ее 4-й и 5-й полки были подчинены не военному, а полицейскому командованию немцев.

В Словакии дивизия, параллельно с карательными действиями, продолжала пополняться и довооружаться. При этом набор новых «добровольцев» в ряды частей дивизии проходил главным образом за счет украинцев, работавших в трудовых лагерях немцев. Однако последние не желали воевать в рядах этого соединения и на территории другого государства. Поэтому в это время стремительно возрастает количество дезертиров, часть из которых, вернувшись на родину, присоединилась к УПА.

В январе 1945 года дивизия перебрасывается на Балканы в район Штирии и Каринтии (Крайны), где она с конца февраля ведёт борьбу с югославскими партизанами. В это же время в ее ряды вливаются около 600 человек из 31-го батальона полиции и СД, сформированного на базе Украинского легиона самообороны «Волынь». К началу марта 1945 года дивизия с частями обеспечения и обозом насчитывала более 20 тыс. человек и на то время была самой многочисленной среди других соединений войск СС. Несмотря на это, она уже не принимала участия в крупных боевых операциях.

В середине апреля 1945 года в распоряжение дивизии прибывает генерал Павло Шандрук, назначенный Гитлером главнокомандующим Украинской национальной армией. Часть дивизии принимает новую присягу и с 24 апреля 1945 года дивизия формально именуется 1-я Украинская дивизия УНА. Однако на деле никакой Украинской национальной армии, естественно, не существовало, поэтому на рабочих картах немецкого командования по состоянию на 30 апреля 1945 года дивизия продолжает числиться под прежним названием.

Возмездие было не за горами, и настало время спасти свою шкуру. 5 мая 1945 года представители дивизии втайне от германского командования были направлены в сторону союзников для обсуждения деталей сдачи в плен. А 7 мая началось общее отступление частей дивизии, которое 8 мая превратилось в паническое бегство. Так как

отступающие части дивизии пошли разными направлениям, то большая часть ее личного состава (около 10 тыс. человек) сдалась в плен британским войскам при Тамсвеге и Юденберге. Остальные же 4,7 тыс. ее солдат и офицеров были взяты в плен советскими войсками. Командир дивизии бригадефюрер Фритц Фрайтаг застрелился.

Таким образом, создание дивизии СС «Галичина» в годы Великой Отечественной войны стало следствием сепаратистских радикально-националистических настроений сравнительно небольшой части населения Западной Украины, военных неудач Красной Армии в 1941 и 1942 годах и оккупации территории Украины немецко-фашистскими войсками. Боевой путь этого соединения был характерен скоротечными боями с Красной Армией и карательными операциями. Поэтому о чистоте боевого знамени этого соединения, обагренного кровью украинского, польского, словацкого и югославского народов, говорить не просто неуместно, но и кощунственно. Правда, в более позднем издании истории Украины по этому поводу было записано следующее: «Дивизия так и не стала зародышем украинской национальной армии. Из-за патриотических иллюзий лидеров украинский народ снова расплатился своей кровью».

Крымско-татарские формирования вермахта. С января 1942 года с разрешения немецкого командования в Крыму началось формирование татарских рот «самообороны» по 100 человек в каждой для использования их в борьбе с партизанами.

Историк С. Чуев в своей книге «Проклятые солдаты», изданной 2004 году, приводит более детальные сведения о вербовке крымских татар по состоянию на 15 февраля 1942 года. На то время записались в подразделения «самообороны» в Симферополе – 180 человек, в Алуште – 728 человек, в Карасубазаре – 1000 человек, в Бахчисарае – 389 человек, в Ялте – 350 человек, в Биюк-Онларе – 248 человек, в Джанкое – 281 человек, в Евпатории – 794 человека, в Джанкое – 141 человек. Большое количество добровольцев поступили на немецкую службу в эти подразделения с территории оккупированной Украины. Так, из Николаева прибыло 2800 добровольцев, из Херсона – 163. Достаточно большое количество добровольцев поступило и из лагерей военнопленных. Так, лагерь военнопленных в Симферополе поставил в ряды подразделений татарской «самообороны» 334 человека, а лагерь, созданный в районе города Судак после неудачно

завершившихся десантных операций советских войск, – 988 человек. Всего же из различных источников на службу вермахта в татарские батальоны «самообороны» записалось 9255 человек.

Немецкое командование за счет поступивших ресурсов приступило к формированию боевых подразделений. 1632 человека были включены в состав 14 рот самообороны, дислоцировавшихся в Карасубазаре, Бахчисарае, Симферополе, Ялте, Алуште, Судаке, Старом Крыму и Евпатории, а остальные составили активный резерв. К ноябрю 1942 года было сформировано 8 батальонов крымских татар (номера со 147-го по 154-й). Весной 1943 года к ним прибавился еще один батальон, а несколько батальонов и хозяйственных рот находились в стадии формирования.

В организационном и оперативном отношении все части татарской «самообороны» были подчинены начальнику СС и полиции генерального комиссариата «Таврия» и одновременно составляли Крымско-татарский легион вермахта. При этом состав батальонов не был чисто татарским: в их рядах служило много русских и украинцев, а также армяне, крымские немцы, болгары и даже эстонцы. Батальонами и ротами командовали бывшие командиры Красной Армии, большей частью нетатарского происхождения. Германский кадровый персонал был представлен офицером связи и 8 унтер-офицерами в качестве инструкторов.

Крымско-татарские роты и батальоны несли охрану военных и гражданских объектов, вместе с частями вермахта и полиции принимали активное участие в поиске партизанских баз и складов продовольствия. С их помощью немецко-румынские оккупационные войска и полиция разгромили партизанские базы в горах Яйлы, выжгли населенные пункты вблизи лесных массивов и истребили их жителей, создав таким образом вокруг партизанских отрядов «мертвую зону». Отдельные взводы татарских формирований использовались для охраны концлагерей и участвовали в массовых расстрелах гражданского населения.

В апреле – мае 1944 года крымско-татарские батальоны принимали участие в боях против ворвавшейся в Крым Красной Армии. Так, 13 апреля в бою за станцию Ислам-Терек против частей советского 11-го гвардейского стрелкового корпуса сражались три

крымско-татарских батальона, которые только пленными потеряли 800 человек.

В то же время нужно отметить, что с конца 1943 года под влиянием неблагоприятного для немцев хода войны в крымско-татарских частях участились случаи перехода солдат на сторону партизан. Наиболее значительным из них стал переход 152-го батальона под командованием майора Раимова.

После освобождения Крыма советскими войсками, эвакуированные из полуострова части в июне 1944 года были сведены и Татарский горно-егерский полк СС трехбатальонного состава, переформированный месяц спустя на территории Венгрии в 1-ю Татарскую горноегерскую бригаду СС под командованием штандартенфюрера СС Фортенбаха. Численность этой части достигала всего до 2500 бойцов. 31 декабря 1944 года эта бригада, так и не завершившая специального обучения, была расформирована и влита в состав Восточно-тюркского соединения СС в качестве боевой группы «Крым». Организационно она состояла из двух пехотных батальонов и одной конной сотни.

В марте 1945 года остатки боевой группы «Крым», ввиду больших потерь, включили в Азербайджанскую боевую группу как отдельное подразделение. Еще часть крымско-татарских добровольцев была переброшена во Францию и включена в состав запасного батальона Волжско-татарского легиона, дислоцировавшегося в г. Ле Пюи. Еще несколько сот человек из состава крымско-татарских частей в конце войны служили в рядах 35-й полицейской дивизии СС. Кроме того, часть эвакуированных из Крыма татар (в основном молодежь) была зачислена в состав вспомогательной службы ПВО.

Калмыцкий кавалерийский корпус. В сентябре 1942 года командир 16-й моторизованной дивизии вермахта генерал-майор З. Хайнрици, которая вела боевые действия на необъятных просторах калмыцких степей, из местного населения и пленных красноармейцев сформировал в Элисте калмыцкий кавалерийский эскадрон. Вскоре калмыки зарекомендовали себя как хорошие разведчики и храбрые бойцы, и опыт создания калмыцких частей был продолжен. К ноябрю 1942 года на стороне немцев в калмыцких степях сражалось уже 4 эскадрона калмыков, общее руководство которыми осуществлял

немецкий штаб во главе с зондерфюрером Рудольфом Вербе, носившим псевдоним д-р Отто Долл.

К концу 1942 года общее число калмыцких эскадронов достигло десяти. Эскадроны использовались для патрулирования не занятых немецкими войсками участков фронта, нападений на отдельные советские гарнизоны и борьбы с партизанами. Штаб партизанского движения на Южном фронте зафиксировал 628 случаев задержания калмыками советских разведчиков на участке советской 51-й армии с последующей передачей их в руки немецкой контрразведки.

С началом немецкого отступления с территории Калмыкии, несколько тысяч калмыков, сотрудничавших в период оккупации с немцами, покинули свою родину и ушли на запад, опасаясь мести советских властей. Весной 1943 года калмыцкие эскадроны вместе с казаками несли охрану побережья Азовского моря. В мае 1943 года все они были собраны в районе Херсона, где штабом 4-й танковой армии генерала В. Неринга было сформировано несколько новых отрядов. В августе все эти части были объединены в Калмыцкий кавалерийский корпус доктора Долла, который состоял из четырех дивизионов по пять эскадронов в каждом. Командование подразделениями корпуса первоначально находилось в руках офицеров калмыков. Однако вскоре, с целью поднять боевые качества и повысить надежность этого формирования, все командные должности были замещены немцами. На вооружении корпуса находилось 6 минометов, 15 станковых и 15 ручных пулеметов, 33 немецких и 135 советских автоматов, советские, немецкие и голландские винтовки.

С осени 1943 года Калмыцкий кавалерийский корпус использовался для охраны коммуникаций на правом берегу Днепра, будучи в подчинении 444-й и 213-й охранных дивизий и командования тылового района 6-й армии. По состоянию на 6 июля 1944 года он насчитывал 3600 бойцов, в том числе 92 человека немецкого кадрового персонала.

Кроме Калмыцкого кавалерийского корпуса еще пять калмыцких отдельных эскадронов действовали в советском тылу как партизаны.

В течение с лета 1944 года – по зиму 1945 года корпус понес большие потери в боях против Красной Армии на территории Западной Украины и Польши. После чего на учебном полигоне в Нойхаммере остатки корпуса были пополнены калмыками,

прибывшими с Западного фронта и из Италии. В результате этого общую численность соединения удалось вновь довести до 5000 человек. Одновременно калмыцкие офицеры прошли курсы переподготовки при формировавшейся в Мюнзингене 1-й дивизии РОА. Сформированный в последние недели войны Калмыцкий кавалерийский полк был отправлен в Хорватию, где вошел в состав 3-й пластунской дивизии 15-го Казачьего кавалерийского корпуса.

Кавказские союзники вермахта. Население Кавказа в подавляющем большинстве добросовестно сражалось с врагом, нередко проявляя чудеса храбрости и личного героизма. Кто не слышал имена видных советских военачальников армянской национальности И.Х. Баграмяна и Р.Н. Бабаджаняна, осетина И.А. Плиева. Героями Советского Союза в годы войны стало 90 армян, 90 грузин, 43 азербайджанца, 32 осетина, 7 кабардинцев, 6 адыгейцев, 5 абхазцев... Правда, в этом списке не оказалось ни чеченцев, ни ингушей.

Фашистская агрессия против СССР, как и все предыдущие войны против Российской империи, стали действенным фактором активизации антироссийски настроенных националистических сил Северного Кавказа. И вновь лидерство в беспокойном районе захватили чеченцы. Они массово уклонялись от призыва в действующую армию, уходили в горы, откуда ради пропитания и одежды совершали грабительские набеги на поезда и селения, зачастую с применением оружия.

К декабрю 1941 года чеченские бандформирования активизировались настолько, что для борьбы с ними был создан специальный 178-й мотострелковый батальон оперативных войск НКВД. Операции против горцев велись весьма активно. В историческом формуляре этой части сохранились следующие записи:

«В начале октября 1941 года на территории Шатоевского, Итум-Калинского, Галанчезского и Шароевского районов Чечено-Ингушской АССР немецко-фашистскими агентами поднялось восстание, в результате которого пострадало большинство колхозов и сельских Советов.

С 30 октября по 5 ноября 178-й батальон во взаимодействии с частями Красной Армии разгромил восстание. В ходе операции убито

36 бандитов, задержано 127 повстанцев и 7 бандитов, изъято 47 винтовок, ручной пулемет, 11 револьверов...

Всего за период с 30 октября 1941 года по 1 января 1942 года было убито 59 бандитов, изъято 78 винтовок, 2 станковых и ручных пулемета, 23 револьвера и пистолета. Наши потери – 10 убитых и 8 раненых...»

Возрастание масштабов противоправных действий населения Северного Кавказа потребовало увеличения сил для борьбы с ними. В январе 1942 года 178-й отдельный мотострелковый батальон был развернут в 141-й горнострелковый полк, подчинявшийся руководству НКВД. Его формуляр пестрит записями подобного содержания: «11 июля 1942 года в Шатоевском районе была обнаружена банда под командованием Асуева, военного руководителя бандитов. В результате боя было убито 6 бандитов, в том числе и сам Асуев, задержано 2. Из состава части было убито 6 и ранено 4 человека».

Внутренняя обстановка на Северном Кавказе особенно осложнилась к концу лета 1942 года, когда немецко-фашистские войска, выйдя на рубеж Пятигорск, Прохладный, начали наступление на Грозный и Баку. В историческом формуляре 141-го горнострелкового полка за тот период имеется следующая запись: «15 августа 1942 года под руководством и при непосредственном участии немецких десантников началось восстание в Итум-Калинском и Шароевском районах. Восставшие разгромили районный центр Химой, блокировали гарнизон в Итум-Кале и начали наступательные действия в тылу Красной Армии. В течение шести дней боев противник был разгромлен. Было убито 210 бандитов. Наши потери – 1 убитый и 1 раненый».

25 августа фашистские войска захватили Моздок, форсировали Терек и создали небольшой плацдарм на его правом берегу. Затем 25 октября они заняли Нальчик и развернули наступление на Орджоникидзе. Невероятными усилиями советских войск враг был остановлен в восьми километрах севернее этого города. На Северо-Западном Кавказе вражеские войска, еще в сентябре, потеснив 46-ю армию, овладели горными перевалами и создали угрозу захвата Сухуми.

Перенос линии фронта на территорию Северного Кавказа и появление там фашистских войск вызвало новый всплеск

антисоветских и антироссийских настроений среди горцев. В Чечне была образована подпольная партия кавказских братьев (ОПКБ), установившая связь с германским командованием. На гербе этой организации был изображен орел, держащий в когтях правой лапы ядовитую змею, символизирующую русского-большевика, а в левой – свинью, олицетворявшую христианского варвара. В числе главных целей ОПКБ назывались ускоренная гибель большевизма на Кавказе во имя поражения России в войне с Германией и создание по мандату Германии на Кавказе свободной федеративной республики, а также выселение с региона русских, евреев и других инородцев. Ряд членов этой организации занимали видные посты в государственных структурах Чечено-Ингушской АССР.

Немедленно развернулось партизанское и террористическое движение. Сохранились данные о нападениях их отрядов на отдельные воинские подразделения, тылы и транспорты. Стали массовыми случаи террористических актов против военнослужащих и отдельных граждан, диверсий на предприятиях, коммуникациях, линиях связи.

Советское командование для охраны тыла войск Кавказского фронта было вынуждено проводить специальные операции, к которым привлекались значительные силы. Их результаты были впечатляющие. Только силами одного 141-го горнострелкового полка в течение 1942 года было уничтожено 529 и задержано 632 бандита. В ходе операций было изъято 2 миномета, 2 станковых и 11 ручных пулеметов, 17 автоматов, 913 винтовок, 413 револьверов и пистолетов. Потери полка в ходе операций составили 65 человек убитыми, 28 ранеными, 34 винтовки, 12 автоматов и 2 ручных пулемета.

Немецкое командование, хорошо зная обстановку на Кавказе, конечно же использовало настроения отдельных групп населения этого края в своих целях. 30 декабря 1941 года был отдан приказ о формировании Армянского и Грузинского легионов. Правда, А. Гитлер выразил сомнение по поводу восточных легионов, заметив: «Я не знаю, как эти грузины будут вести себя. Они не принадлежат к тюркским народам... я считаю надежными только мусульман... Всех остальных я считаю ненадежными. На данный момент я считаю формирование этих чисто кавказских батальонов очень рискованным, в то время как я не вижу никакой опасности в создании чисто

мусульманских формирований... Несмотря на все заявления Розенберга и военных, я не доверяю также армянам».

Тем не менее создание легионов из лиц кавказской национальности было начато. В последующем часть этих формирований стали основой для создания соединений войск СС. Были созданы армянские соединения (SS-Waffengruppe Armenien), азербайджанские соединения (SS-Waffengruppe Aserbeidschan), грузинские соединения (SS-Waffengruppe Georgien) и восточно-тюркское соединение (Osttürkischen Waffen-Verband der SS). Наиболее крупными из них были Армянский и Грузинский легионы, а также кавказский батальон специального назначения «Бергманн» («Горец»).

Армянский легион был сформирован в Польше. Его комплектование осуществлялось за счет военнопленных армянской национальности из концлагерей. Пополнение шло также за счет молодежи армянской диаспоры из разных стран Европы. Была открыта офицерская школа, получившая затем статус бригадной.

Армянские легионеры были одеты в старые (до 1939 года) модели обмундирования германской армии, и лишь некоторые из пехотных батальонов впоследствии получили обмундирование образца 1940–1944 годов. Для Армянского легиона специально были разработаны погоны, петлицы и нарукавные знаки. В основу были взяты символика Армянской армии и 1-й Республики Армения (1918–1920). Основной офицерский костяк Армянского легиона составили бывшие армяне-офицеры царской России, Болгарии, Греции, Сербии, Польши, Венгрии, Румынии и Франции.

Как и все пехотные батальоны восточных легионов, армянские имели точно определенную численность и деление на более малые боевые единицы. Этим они существенно отличались от структуры самих германских подразделений. Командирами некоторых батальонов (после 1943 года армянские комбаты были на этой должности формально) были немецкие офицеры, и к каждому батальону был прикреплен один переводчик унтер-офицер, знающий армянский язык.

Численность батальона доходила до 1000 человек, и состоял он из пяти рот: три стрелковые, одна пулеметная и одна штабная. Каждая стрелковая рота делилась на четыре взвода (три стрелковых и один пулеметный). В штабной роте были взвода минометный, противотанковый, саперный и связи. На вооружении личного состава

батальонов имелись не только немецкое стрелковое оружие и пулеметы, но также и трофейное оружие советского производства. Минометный взвод имел на вооружении от 9 до 15 минометов разных калибров, а противотанковый взвод 3–4 противотанковые пушки (45 мм). Общее число армянских стрелковых батальонов, сформированных до конца 1943 года, составило одиннадцать. А всего за период с 1941 по 1945 год из армян было сформировано 22 стрелковых, строительных, конструкционно-инженерных, железнодорожных и специально-технических батальонов.

Формально Армянский легион имел статус бригады, но по количеству личного состава он представлял собой дивизию. Общая численность всего личного состава на 1943 год достигала 22 тыс. человек, но только 7 тыс. из них были вооружены и находились в стрелковых батальонах. Остальные 7 тыс. состояли в резерве, а 8 тыс. несли службу в строительных и конструкционных батальонах. На вооружении армян-добровольцев в составе соединения имелось преимущественно легкое оружие: ручные пулеметы, ротные минометы, противотанковые ружья и карабины германского производства.

В конце августа 1942 года некоторые части армянского соединения были отправлены на Восточный фронт. При этом их личному составу, как и грузинам, в целях сохранения тайны было приказано выдавать себя за испанских басков, а азербайджанцам и северокавказцам – за боснийских мусульман.

Ответственным за деятельность всех стрелковых батальонов Армянского легиона являлся штандартенфюрер Вартан Саркисян. Он родился в Тифлисе в 1898 году, в 1935 году окончил военную академию в Ленинграде. В плен к немцам попал в 1941 году. С декабря 1944 года он командовал разрозненными остатками армянских стрелковых и кавалерийских частей СС, которые были включены в Кавказское кавалерийское соединение СС, общей численностью около 2400 бойцов. Из этого количества только около 470 человек были армянами. В самом конце войны Саркисян и несколько десятков армян-добровольцев, которые сумели уцелеть, сдались в плен союзникам, но те, по договору, передали их советским властям. Все из этой группы, включая штандартенфюрера Саркисяна, все как предатели были расстреляны в конце мая 1945 года.

Боевые действия Армянского легиона на Кавказе в период с июля 1942 по январь 1943 года велись в рамках общегерманского плана захвата нефтяных районов Северного Кавказа. План предусматривал окружение и разгром войск Северного фронта севернее и северо-западнее Ростова, захват Северного Кавказа, затем обход Кавказского хребта с запада для овладения городами Новороссийск и Туапсе. Обходом Кавказского хребта с востока намечалось взятие Грозного и продвижением в юго-восточном направлении захват Баку. Одновременно германская армия должна была в центре перейти через Кавказский хребет и, пройдя через перевалы, выйти в Закавказье для воссоединения с дивизиями Турецкой армии, размещёнными по всей протяжённости границ Грузии и Армении. Считалось, что в случае удачного исхода и полнейшего захвата Закавказских республик откроется возможность дальнейшего продвижения германской армии на страны Средней Азии.

Для осуществления этого плана была отведена группа армий «А». Быстрое и стремительное наступление ее соединений создало все условия для окружения и уничтожения советских войск на восточном направлении. Части Красной Армии поспешно отступали к предгорьям Северного Кавказа в направлении Грозного. До конца года противником было захвачено несколько районов Северного Кавказа.

Но уже к началу 1943 года ситуация на фронте коренным образом изменилась. Исход Сталинградской битвы положительно сказался на положении Красной Армии на Кавказе, которая смогла не только остановиться, но и перейти в контрнаступление.

В боевых действиях на Кавказе принимали участие 808-й и 809-й батальоны. В боевых сводках и донесениях германского командования 809-й батальон упоминается как выделяющееся, боеспособное и храброе подразделение, выполняющее любые боевые задачи в тяжёлых горных условиях. Этому батальону было присвоено имя «Зейтун».

В августе 1942 года, в самый разгар боев за Сталинград, немецкое командование приняло решение о создании особой воинской части № 808, входившей в состав Армянского легиона. Его появлению предшествовала достаточно активная и целенаправленная деятельность проживавших в Берлине армянских генералов из числа эмигрантов. Начало формирования легиона пришлось на середину мая

1942 года. Именно в это время в Барановическом лагере для военнопленных немцы начали активно отбирать армян, грузин, азербайджанцев, узбеков и других представителей нерусской национальности.

24 мая группу наиболее крепких физически армян в составе 40 человек направили в лесной лагерь, расположенный в 22 километрах западнее Барановичей. К концу мая объединенную группу численностью в 500 человек направили под Варшаву. К тому времени там уже было собрано около 1600 человек различных национальностей. Отсюда 140 армян отдельным эшелоном отправили в лагерь, расположенный в 10 километрах от города Радома, где к тому времени уже находились около 1000 военнослужащих армянской национальности. Все были переодеты в польскую и французскую военную форму, разбиты на 5 рот по 150–160 человек в каждой. Так возник 1-й армянский стрелковый батальон вермахта, которому было присвоено имя «Вартан Зоравар» («Полководец Вартан»).

В начале июля батальон был переведен в город Пулавы, где был реорганизован в 1-й боевой армянский батальон в составе трех стрелковых, одной пулеметной и одной штабной рот. Стрелковые роты насчитывали по 180–200 человек, пулеметная – свыше 140, штабная – около 250 человек личного состава.

В течение всего пребывания батальона в Пулавы шло его пополнение за счет прибывающих новых партий военнопленных-армян. Всего ко времени отправки батальона на фронт в его состав дополнительно влилось около 800 человек, попавших в плен в боях, главным образом, под Керчью и Севастополем.

Деятельность немецкого командования по созданию Армянского легиона не ограничилась формированием контингента только в Пулавы. Одновременно отбор военнопленных из армян и формирование новых подразделений для легионов проводились в городах Дубна и Люблин. Здесь бывших военнопленных – всего около 800 человек, переодели во французскую и частично бельгийскую военную форму и после соответствующей трехмесячной подготовки свели в четыре стрелковые роты. В мае 1942 года личный состав всех рот был направлен в предместье города Радома, в специальный военный городок. Сюда же в мае прибыли еще две партии

военнопленных численностью до 500 человек, из которых была сформирована пятая рота.

Судьба многих армян – бывших военнослужащих Красной Армии, приведшая их в легион, судя по опросным листам, была достаточно типичной. Вот как описывает ее перебежчик Г.Т. Гурунъян, перешедший линию фронта в районе Котловина 20 ноября 1942 года. Он родился в 1917 году в селе Небельца Сухумского района. По профессии учитель. До момента пленения 23 сентября 1941 года в селе Вишенки под Киевом, служил сержантом в 698-м стрелковом полку 146-й стрелковой дивизии 12-й армии. В плен попал вследствие ранения. После пленения попал в Белоцерковский лагерь. В феврале 1942 года решил поступить в Армянский легион.

Во главе сформированного армянского батальона был поставлен майор немецкой армии, который активизировал процесс подготовки личного состава: были собраны сведения о военных специальностях всех легионеров, организованы двухнедельные курсы командного состава, на которых обучали строевой подготовке и санитарному делу. Младший командный состав батальона (от командира отделения до командира взвода) формировался после окончания, курсов на основании сдававшихся зачетов.

В период с 20 по 25 июня личный состав батальона, завершив курс военной подготовки, получил вооружение, снаряжение и был переодет в немецкое обмундирование образца 1939 года. 20 июня 1942 года личный состав батальона принял военную присягу на верность новому государству, которому предшествовала двухдневная репетиция. Текст был следующим: «Я клянусь перед Богом и Адольфом Гитлером быть преданным немецкому государству и армянской земле, и до последней капли крови бороться за дело национал-социализма против большевиков и империалистов». На этом церемония не закончилась. На флагштоке было поднято боевое знамя Германии, а рядом с ним – трехцветный национальный армянский флаг.

В течение всего времени пребывания батальона, в городе Пулавы проходила интенсивная, фактически ежедневная, за исключением воскресений, боевая подготовка его личного состава. Основной упор делался на строевую подготовку, тактику и изучение материальной части оружия, при этом тактические занятия и изучение материальной

части проводились на русском и армянском языке, команды давались на немецком.

В июле были проведены итоговые двухдневные учения с выездом в поле в полном боевом порядке и боевой стрельбой. Большое внимание наряду с боевой подготовкой батальона уделялось формированию его командного звена. Во главе батальона был поставлен майор немецкой армии. Основным костяк командиров также составляли немцы и армяне-эмигранты – всего около 40 офицеров и унтер-офицеров. Штаб батальона состоял из 8 человек (4 немца, 4 армянина), по одному унтер-офицеру и переводчику находилось в каждой роте, остальные проходили службу в штабной роте и ведали материально-боевым обеспечением. Немецкие унтер-офицеры также командовали взводами, а их помощниками были армяне.

Одним из основных направлений деятельности немецкого командования по формированию 808-го армянского батальона была идеологическая, националистическая обработка его личного состава. С личным составом батальона, регулярно проводились групповые и личные беседы. При этом особое внимание уделялось младшему командному составу из числа армян. Каждая рота раз в неделю получала по 15–20 экземпляров газеты «Новое слово», издававшейся на русском языке в Берлине, дважды в неделю приходила также берлинская газета на армянском языке «Арменіен».

Для 35 легионеров с целью «ознакомления с лучшими сторонами жизни в Германии» были организованы двухнедельные экскурсии в Берлин. Экскурсанты отбирались немецким командованием из числа наиболее образованных и развитых легионеров, главным образом младших командиров из расчета привлечения их к последующей пропагандистской работе среди личного состава батальона. В столице члены делегации посетили редакцию армянской еженедельной газеты «Арменіен», встретились с руководителями армянских дашнаков, одним из главных идеологов создания легионов генералом Дро и другими.

Идеологическая обработка личного состава батальона активизировалась в начале августа 1942 года, перед самой отправкой его на фронт. Ради этого из Варшавы приезжала группа армян-эмигрантов, выехавших из СССР еще в период Гражданской войны.

19 августа 1942 года legionерам сообщили об отправке на Восточный фронт, и батальон приступил к погрузке в эшелоны. 20 апреля 808-й армянский батальон из Пулавы двинулся в путь по маршруту Брест-Литовский, Барановичи, Гомель, Киев, Харьков, Таганрог. В Таганроге батальон выгрузился и до Кавказской станции двигался пешим порядком. На станции Кавказская батальон снова погрузился в эшелоны, и по железной дороге он доехал через Армавир до станции Невиномысская. Отсюда походным маршем батальон был направлен в Майкоп.

В пути выдвижения наблюдалось снижение морального духа legionеров, что, прежде всего, способствовало росту дезертирства. Так, по пути на фронт на станции Невиномысская из третьей роты батальона дезертировали 5 человек. В 10–12 километрах от Майкопа во время двухчасового привала из батальона дезертировали еще свыше 5 человек. Уже в Майкопе в ночь на 26 сентября из батальона дезертировала группа в 10 человек во главе с командиром отделения одной из стрелковых рот – бывшим капитаном Красной Армии Хачатуряном. В эту же ночь из батальона ушла еще одна группа legionеров в количестве 8 человек. Но эта группа под утро была задержана немецким патрулем. Пойманных legionеров раздели догола и в таком виде провели по улицам города. Всего по дороге на фронт из батальона бежало около 50 человек.

В Майкоп батальон прибыл 25 сентября и был размещен на юго-восточной окраине города. Legionерам было объявлено, что батальон будет охранять штаб немецкой дивизии, ведущей боевые действия поблизости от города Туапсе. По прибытии в Майкоп местное население сообщило legionерам, что национальные части по прибытии на фронт (около Нефтегорска) вливаются отдельными группами в различные немецкие части. Однако армянский батальон в полном составе был направлен в район боевых действий на рубеж Даховская – Темнолесская – Каменно-Мостская по Кавказскому хребту.

В боевой обстановке активизировала свою работу в батальоне созданная еще в учебном лагере подпольная группа. Она ставила своей целью подготовить личный состав legionа к переходу на сторону Красной Армии, если батальон будет послан на Восточный фронт.

Переход был намечен на 29 сентября 1942 года, но он не удался из-за предательства нескольких легионеров.

Тем не менее 20 ноября 1942 года на сторону Красной Армии на участке 40-й стрелковой бригады перешло 23 легионера 1-го армянского батальона во главе с бывшим политруком Сатарьяном. Из Майкопа к партизанам бежал командир отделения Н. Арамян. С ним ушла часть отделения, захватив с собой 2 ручных пулемета.

После арестов подпольной группы немецкое командование разоружило батальон и реорганизовало его в дорожно-строительный батальон. Но 18 ноября 1942 года батальон был снят с дорожных работ и направлен в район Нефтяная. Отвод батальона был вызван, прежде всего, непрекращающимся дезертирством легионеров.

С февраля 1943 года в рядах армянских частей началось массовое вычисление так называемых «ненадежных элементов» и аресты членов прокоммунистической подпольной организации. Так, в период с 20 по 23 февраля было арестовано 20 человек. Их места вскоре заняли армяне-эмигранты из Германии и Франции, которые добровольно изъявили желание «вступить в батальон и вернуть его потерянную славу».

Начались изменения и в командном составе – командиром был назначен немецкий армянин Алфред Мурадян (майор). Батальон, однако, не отправлялся на советско-фашистский фронт, а действовал в составе сил «Antipartisan» в тылу – борясь с партизанскими отрядами. Пройдя двухмесячную идеологическую подготовку, батальон был снова переформирован в стрелковый и вернул свое боевое знамя. Через некоторое время батальон был отправлен во Францию для несения охранной службы у побережья в Нормандии.

809-й батальон, который был сформирован практически в то же время, что и 808-й, был отправлен на фронт двумя месяцами позднее. Дело в том, что в этот период активизировались вылазки польских партизан в районе городка Пулавы. Партизаны несколько раз нападали на лагерь легиона, в результате чего было убито и ранено до 20 легионеров.

29 октября 1942 года части легиона погрузились в эшелоны и отправились на фронт. После прибытия батальон был передан в подчинение 1-й танковой армии, которая действовала в районах Нальчика и Моздока.

С 18 ноября 1942 года части 809-го батальона участвовали в боевых действиях на фронте. При этом были отмечены и случаи дезертирства. Так, за первые два месяца боев дезертировало 5 человек, а до 1944 года его ряды покинуло 25 человек.

Оценивая опыт использования частей Восточных легионов на Кавказском фронте, начальник штаба группы армии «А» генерал-лейтенант Грайфенберг указал, что «809-й армянский стрелковый батальон действовал в крупных лесных районах часто полностью самостоятельно, успешно боролся с бандами и отрядами противника и внес большой вклад в дело обеспечения умиротворения этих районов».

Позже батальон так же участвовал в боях и обороне Кубани (несколько сот солдат и офицеров удостоились награды Кубанский щит) и Керченского полуострова. В боевых сводках и донесениях германского командования 809-й батальон упоминается как выделяющееся, боеспособное и храброе подразделение, выполняющее любые боевые задачи в тяжелых горных условиях.

За храбрость и мужество, проявленные на Кавказском фронте, 809-й батальон удостоился специальной благодарности от генерал-фельдмаршала Э. фон Клейста и генерала кавалерии Э. Кестринга, как «мужественное формирование, достойное воинских традиций своих героических предков». Многие солдаты и офицеры были награждены различными степенями «Восточной медали» и Железным крестом.

После участия в ожесточенных боях за Кавказ батальон был переброшен на Украину, а в дальнейшем – в Польшу, где вел боевые действия по борьбе с партизанами. Наград удостоились почти все легионеры, а по числу награжденных батальон занимал одно из самых высших мест в Восточном легионе. 16 октября 1943 года 809-й стрелковый батальон прибыл в Бельгию для дальнейшего прохождения службы в Нидерландах.

Не считая 809-й стрелковый батальон, остальные армянские формирования в боевых действиях на Восточном фронте в целом показали себя очень плохо. Целые роты попросту отказывались стрелять по «своим». Были случаи, когда под покровом ночи во главе командиров армянские добровольцы, обезоружив немецких офицеров, переходили на сторону Красной Армии.

После переподготовки по приказу командования основная часть армянских стрелковых батальонов было переброшена на западные

рубежи Третьего рейха или на Балканы. Часть 198-го батальона была направлена в Белоруссию, а оттуда – в район городка Новоржев. Батальон был передан группировке армии «Север» и действовал в лесных массивах против партизан.

Грузинский легион. Грузинский легион начал формироваться в декабре 1941 года и просуществовал до 1945 года. Его численность в лучшие времена достигала 30 тыс. человек. В числе наиболее известных командиров этого формирования были Шалва Маглакелидзе, Михаил Цулукидзе и Соломон Залдастани.

Легион был сформирован из грузин-военнопленных и эмигрантов, скрывавшихся в Европе от советской власти после 1921 года. Кроме того, в его составе также сражались осетины, черкесы, кабардинцы, балкарцы и карачаевцы. Главной идеей данного формирования была государственная независимость Грузии от Советского Союза, которая была гарантирована со стороны Германии.

Грузины проходили обучение на территории Западной Украины и начали боевые действия осенью 1942 года. Также грузины служили в Северокавказском легионе вермахта и в других легионах, подобранных по этническому принципу.

Из участия грузин и иных кавказцев в других подразделениях известен спецотряд для пропаганды и диверсий «Бергманн» – «Горец», который насчитывал в своих рядах 300 немцев, 900 кавказцев (известны из них своими акциями легионеры-чеченцы) и 130 грузин-эмигрантов, составлявших специальное подразделение абвера «Тамара II». Его создали в Германии в марте 1942 года. Первым командиром отряда стал Т. Оберлендер, кадровый офицер разведки и крупный специалист по восточным проблемам. Подразделение имело в своем составе агитаторов и состояло из 5 рот: первая, четвертая и пятая грузинские; вторая – северокавказская; третья – азербайджанская.

С августа 1942 года спецотряд «Горец» действовал на кавказском театре военных действий, где осуществлял диверсии и агитацию в советском тылу на Грозненском и Ищерском направлении, в районе Нальчика, Моздока и Минеральных Вод. Кроме того, за период боев на Кавказе в 1942 – начале 1943 года из перебежчиков и пленных были сформированы еще четыре стрелковые роты и четыре конных эскадрона, в том числе одна рота и один эскадрон грузинские.

Позднее, по прошествии некоторого времени, в судьбу Грузинского легиона активно вмешался Альфред Розенберг. Проблема стояла в том, что А. Гитлер не доверял батальонам, состоявшим из бывших советских военнослужащих, в том числе и из грузин. По всей Европе, особенно в Италии и Франции, многие грузины-солдаты вермахта дезертировали и вступали в ряды местного движения сопротивления. Вследствие этого многие были взяты под стражу и репрессированы соответствующими органами рейха. Результатом вмешательства Гитлера в дела «восточных войск» стала ситуация, когда оставшиеся грузинские батальоны переправлялись дальше вглубь оккупированных земель Европы – в Нидерланды.

В соответствии с соглашениями, все советские граждане, оказавшиеся на оккупированных союзниками территориях на момент окончания войны, были переданы Советскому Союзу. Все вернувшиеся были пропущены через фильтрационные лагеря, лишь небольшое количество пособников оккупантов, участвовавших в зверствах на территориях СССР и Польши, были казнены или отправлены в лагеря. Подавляющее большинство лиц, не сотрудничавших с нацистами, были после необходимой проверки освобождены.

В годы войны Грузинским легионом называли добровольческое формирование из грузин в вермахте, а позднее в составе войск СС, во время Великой Отечественной войны. Он состоял из четырёх батальонов, каждый из которых насчитывал 1000 солдат и офицеров. Батальонам присвоили имена великих исторических деятелей грузинской государственности и культуры, внесших большой вклад в историю нации. например, «Георгий Саакадзе», «Давид Строитель», «Царица Тамара», «Илья Чавчавадзе». В конце 1943 года грузины получили приказ о дислокации на Западном и Южном фронтах, что вызвало массовое негодование.

Так, 795-й батальон «Шалва Маглакелидзе» в 1942 году участвовал в боевых действиях в Северной Осетии, а в 1943 году – во Франции. 796-й батальон в 1942 и начале 1943 года вел боевые действия в районе Туапсе на Северном Кавказе. 797-й батальон «Георгий Саакадзе», 799-й батальон «Давид Строитель», 823-й батальон «Шота Руставели» и 798-й батальон «Ираклий II» в 1943 и

1944 годах участвовали в боях во Франции. 824-й батальон «Илья Чавчавадзе» в 1944 году принял участие в боях в районе Львова.

С пришествием войск союзников в Западную Европу, 822-й грузинский батальон легиона, расположенный на острове Тексел, восстал против немецкого командования. В результате произошло длительное сражение, иногда описываемое как последнее сражение в Европе, которое шло с 5 апреля по 20 мая 1945 года. Оно известно как Грузинское восстание на острове Тексел.

Нидерландский остров Тексел являлся ключевым пунктом германского Атлантического вала и был сильно укреплён. На нем дислоцировался 882-й батальон Грузинского легиона в составе около 800 человек. Он был сформирован в июне 1943 года из грузин, набранных немцами из лагерей советских военнопленных на территории Польши, и первоначально использовался для действий против партизан в окрестностях польского города Радом.

24 августа 1943 года батальон был отправлен на запад и прибыл в Зандвоорт. Там он простоял до начала 1944 года. Батальоном командовал немецкий майор Клаус Брайтнер. В начале 1944 года в батальоне возникла подпольная организация, и немцы, заподозрив это, 6 февраля 1945 года перевели батальон на остров Тексел, где грузины выполняли вспомогательную роль.

Восстание произошло в период с 5 апреля по 20 мая 1945 года. В ночь с 5 на 6 апреля 1945 года, надеясь на скорую высадку войск союзников, бывшие советские солдаты (при участии сил голландского сопротивления) подняли восстание против немцев и за короткое время взяли остров под свой контроль. Около 400 немцев было убито в самом начале боев. Однако восставшим не удалось захватить береговые батареи на севере и юге острова.

Для подавления восстания немцы высадили с материка десант в составе до 2 тыс. человек из 163-го пехотного полка. Они отбили остров после двух недель ожесточённых боёв. Но и после этого грузины разбились на несколько групп, отошли за минные поля и продолжали сопротивление. Бои продолжались даже после того, как Германия капитулировала, и велись вплоть до 20 мая 1945 года. Позже западные источники назовут их «Последняя битва Европы». За время восстания было убито, по разным оценкам, от 800 до 2000 немцев, свыше 560 грузин и около 120 местных жителей.

Выживших грузин ждала нелёгкая судьба. Но после репатриации в СССР, в отличие от многих других бывших заключённых лагерей для военнопленных, они в советские лагеря не попали. Один из последних участников восстания Евгений Артемидзе, 1920-го года рождения, жил в Манглиси и умер 21 июня 2010 года.

В 1953 году голландцы на собственные средства воздвигли на острове гранитный монумент в Ходеберге около Оудешильда в память этого восстания. Постоянная экспозиция о восстании существует в музее авиации аэропорта острова. До 1991 года советский посол в Нидерландах ежегодно 4 мая посещал могилы погибших, а 4 мая 2005 года эти могилы впервые посетил президент Грузии Михаил Саакашвили.

В 1968 году киностудия «Грузия-фильм» выпустила фильм «Распятый остров» режиссёра Шота Манагадзе по сценарию Реваза Табукашвили, посвященный восстанию на острове Тексель. В 1989 году тбилисское издательство «Мерани» выпустило роман Реваза Джапаридзе «Страстная неделя», который также посвящен этому восстанию.

Кавказский батальон специального назначения «Горец». Кроме Армянского и Грузинского легионов в период с ноября 1941 года по март 1942 года в Нойхаммере был сформирован кавказский батальон специального назначения «Бергманн» («Горец»). Он имел в своем составе штаб с группой пропаганды и пять стрелковых рот (1, 4 и 5-я – грузинские, 2-я – северокавказская, 3-я – азербайджанская). Его общая численность достигала 1200 человек, в том числе 900 кавказцев и 300 немцев. Помимо добровольцев, отобранных в лагерях военнопленных, в батальон было включено около 130 грузин-эмигрантов, составлявших специальное подразделение абвера «Тамара II». На вооружении имелось преимущественно легкое оружие: ручные пулеметы, ротные минометы, противотанковые ружья и карабины германского производства. Командиром батальона был назначен кадровый офицер абвера профессор Кёнигсбергского университета обер-лейтенант Т. Оберлендер.

Пройдя горнострелковую подготовку в Миттенвальде (Бавария), батальон в конце августа 1942 года был отправлен на Восточный фронт, причем его личному составу в целях сохранения тайны было

приказано выдавать себя за испанских басков или боснийских мусульман.

В августе – сентябре 1942 года специально подготовленные группы легионеров из батальона «Бергманн» были выброшены в советском тылу с парашютами для осуществления разведывательно-диверсионных акций. Одна из групп в составе 10 немцев и 15 кавказцев высадилась в районе объектов нефтедобычи города Грозного с целью их захвата и удержания до подхода передовых частей 1-й танковой армии. Но попытка прорыва немецких войск на Грозный 25–27 сентября окончилась провалом. Группе удалось благополучно вернуться назад и даже привести с собой несколько сот дезертировавших из Красной Армии грузин и азербайджанцев, которые пополнили ряды батальона.

С сентября 1942 года батальон «Бергманн» действовал против советских партизан в районе Моздок – Нальчик – Минеральные Воды. 29 октября был направлен на передовую на Нальчикское и Ищерское направления. Чтобы доказать надежность батальона, его роты бросали на самые трудные участки фронта.

В последующем из перебежчиков, военнопленных и местных жителей удалось сформировать в дополнение к имевшимся еще четыре стрелковые роты (грузинскую, северокавказскую, азербайджанскую и смешанную запасную) и столько же конных эскадронов (один грузинский и три северокавказских). Это позволило к концу 1942 года развернуть батальон «Бергманн» в полк трехбатальонного состава общей численностью 2300 человек. Первый батальон был грузинский, второй – азербайджанский и третий – северокавказский.

Во время отступления германской армии с Кавказа подразделения «Бергманна» осуществляли арьергардное прикрытие отходящих войск и выполняли специальные задачи, включая уничтожение промышленных предприятий и других объектов. В феврале 1943 года полк был выведен в Крым, где использовался на охране южного побережья полуострова и в борьбе с местными партизанами. Здесь, по некоторым данным, была предпринята попытка формирования на его основе Кавказской дивизии, однако дело не продвинулось дальше проектов и пропагандистских заявлений.

Таким образом, кавказцы в составе национальных воинских формирований воевали на стороне вермахта. Часть из них

добросовестно выполняла свой долг, другая – от безысходности только имитировала службу немцам, третья даже оказывала сопротивление немецким войскам. Все это имело место, и нельзя с полной уверенностью говорить, лучше или хуже служили врагу горцы, особенно если учесть, что десятки тысяч русских, украинцев и белорусов служили в Русской освободительной армии А.А. Власова, десятки тысяч представителей этих же национальностей служили в полиции на оккупированной врагом территории.

Российское казачество в немецких мундирах. 15 ноября 1942 года германскому правительству через командующего войсками безопасности тыла генерала пехоты Э. Фридрици в Новочеркасске была передана Декларация Войска Донского. Она гласила:

«Всевеликое Войско Донское в 1918 году восстановило свой исторический суверенитет, нарушенный царем Петром Первым в 1709 году, выразило свою государственность в Донской Конституции и три года защищало свою исконную территорию от нашествия советской армии (1918–1920 гг.).

Германия признала де-факто существование Донской Республики, имевшей территорию, избранный всем народом Законодательный Орган – Войсковой Круг, Войсковое Правительство, армию и финансы.

Германская армия, во взаимодействии с Донской Армией, сражалась с большевиками на границах Дона, тем самым утверждая его суверенитет.

Ныне Войско Донское объявляет о восстановлении своей самостоятельности и воссоздает свою государственность, руководствуясь Основными Законами Всевеликого Войска Донского.

Донское Войско просит Германское Правительство признать суверенитет Дона и вступить в союзные отношения с Донской Республикой для борьбы с большевиками».

Далее в Декларации излагались конкретные мероприятия, которые, по мнению ее составителей, должны были способствовать созданию Донской Республики. Предлагалось:

Немедленно освободить из всех лагерей военнопленных казаков всех Войск и направить их в Штаб походного атамана и отпустить в распоряжение походного атамана всех казаков, находящихся в германской армии.

Не производить на территории Казачьих Земель принудительный набор молодежи для отправки в Германию.

Отозвать хозяйственных комиссаров с территории Казачьих Земель и производить снабжение германской армии за счет продовольственных ресурсов казачества только на договорных началах.

Отозвать комендантов из Управления донскими конными табунами, являющимися неприкосновенной собственностью Войска Донского.

При этом Донской походный атаман ставил германское правительство в известность о том, что воссоздаваемая Казачья армия должна иметь свою историческую форму одежды, прежние знаки военного различия, свой национальный флаг: синяя, желтая и красная продольные полосы, и свой герб: олень, пронзенный стрелой. Также он прилагал карту территории Дона, изданную Донским правительством в 1918 году, и копии Основных Законов всевеликого войска Донского, принятых Большим войсковым кругом 15 сентября 1918 года.

В развитие Декларации Войска Донского полковник С.В. Павлов в конце ноября 1942 года создал Особую комиссию по казачьим делам в Ростове-на-Дону при представительстве Штаба Войска Донского. Возглавил ее профессор М.А. Миллер, а членами стали профессора Богачев, Иванов, Краснянский и др.

Немецкое руководство с иронией отнеслось к Декларации и требованиям самозванного донского походного атамана. Тем не менее его обращение стимулировало ряд мероприятий, итогом которых явилось создание немцами Казачьего Управления (КЛШ) во главе с Н.А. Гимпелем. Тем более что к концу осени 1942 года присутствие отдельных казаков в вермахте, существование значительного неучтенного количества разных казачьих подразделений на фронте и в оперативном тылу стали фактом.

Н.А. Гимпель разработал проект организации КЛШ. Г. фон Менде передал этот проект на утверждение А. Розенбергу. Розенберг, всячески поощрявший территориальное раздробление оккупированных и подлежащих оккупации земель, предложил создать три самостоятельных КЛШ – Дона, Кубани и Терека под общим руководством Н.А. Гимпеля. Размещалось Казачье Управление в Берлине на Ренкштрассе, 10.

Энергично взявшийся за развертывание КЛШ Н.А. Гимпель в декабре 1942 года вступил в тесный контакт с находившимся в эмиграции бывшим Донским атаманом генералом от кавалерии П.Н. Красновым. Ближайшей целью этого сотрудничества было полное исключение казаков и казачек, которые на то время находились на работах в Германии, из состава «унтерменшей» и восточных рабочих, с предоставлением им статуса свободных рабочих. Последующей – формирование и развертывание крупных казачьих частей и соединений.

Надо сказать, что первая часть плана была реализована достаточно успешно. До середины 1943 года КЛШ удалось освободить более 7 тыс. казаков, вывезенных на работы в Германию и находившихся на положении «остов», добиться для них выдачи германских иммиграционных паспортов, закрепивших их новый статус иностранцев.

В последующем в компетенцию КЛШ входило рассмотрение следующих вопросов:

- освобождение казаков из лагерей военнопленных и восстановление их правового положения;
- освобождение казаков от принудительных работ, к которым они привлекались в качестве «восточных» рабочих;
- материальное обеспечение беженцев;
- установление связей и восстановление семей в беженской среде;
- оказание юридической помощи, установление связей и контактов между казачьими подразделениями на Восточном фронте, параллельно между ними и тылом;
- координация деятельности беженцев с традиционных казачьих земель в России после начала наступления Красной Армии в январе 1943 года;
- подготовка объединительного процесса в казачьей среде и т. д.

Казачьим Управлением издавался специальный журнал на русском языке «Казачьи Ведомости» для строевых казаков и беженцев тиражом до 12 тыс. экземпляров. Первый номер этого журнала вышел 25 августа 1943 года, в последующем он издавался ежемесячно, вплоть до весны 1945 года.

Однако на фронте дела шли не так гладко. Казаки считали себя не наемниками, набранными в вермахт на оккупированных восточных

территориях, а равноправными союзниками Германии со всеми истекающими из этого последствиями. Естественно, немецкому командованию не мог нравиться такой расклад.

2 января 1943 года командующий группой армий «А» Э. фон Клейст подписал приказ об образовании Кавказского штаба по эвакуации беженцев. 3 января было опубликовано его распоряжение о начале отхода с территории Терека всех казаков Войска Терского и горцев, желавших эвакуироваться вместе с частями вермахта. Начальником штаба по эвакуации был назначен комендант Пятигорска генерал вермахта Мержинский.

Беженцев оказалось неожиданно много. Маршруты многотысячной эвакуированной массы людей пролегали по проселочным дорогам от Моздока и осетинского села Эльхотово на станцию Прохладную, от Пятигорска через станцию Невинномысскую на Армавир, от Георгиевска через Моздок и Кизляр на Армавир и от Кисловодска через станцию Баталпашинскую на Кропоткин. У Кропоткина немцы заворачивали беженские потоки на запад к Краснодару. Туда же стремились беженцы из Ставрополя.

В январе – марте 1943 года на 16-километровой песчаной полосе Чушка на севере Таманского полуострова нашли пристанище, по немецким данным, почти 120 тыс. беженцев, среди которых насчитывалось более 80 тыс. казаков, казачек и их детей, отступивших вместе с немцами с Северного Кавказа, Ставрополя и южной Кубани. Даже прокормить такую массу людей было сложно.

Эвакуация казаков с Северной Кубани была поручена Э. фон Клейстом начальнику германской полевой комендатуры № 810 полковнику вермахта фон Кольнеру. Его усилиями в течение трех недель в Крым с Таманского полуострова под прикрытием германских и румынских кораблей были перебросены более 100 тыс. беженцев, которые сосредоточились в основном в район Керчи. Затем через сеть КПП они направлялись к Перекопу, откуда двигались на Херсон, обозначенный как место сбора донцов, кубанцев и терцев.

Но небольшая часть эвакуируемых строевых казаков не покинула пределы Крыма, а влилась в мелкие казачьи формирования и крымско-татарские батальоны. В составе этих подразделений они участвовали в боях с советскими войсками на Крымском полуострове весной 1944 года.

12 февраля в селе Ново-Спасское войсковой старшина И.И. Саламаха приступил к формированию 1-го Кубанского казачьего полка. 20 февраля полк в количестве 960 человек завершил формирование. Командиром этой части стал И.И. Саламаха. В апреле полк вошел в состав 1-й казачьей дивизии полковника Х. фон Паннвица.

С конца января 1943 года из строевых казаков и мелких казачьих подразделений по приказу Клейста спешно формировались кавалерийские и пластунские части, которые уже в феврале 1943 года вводились в бой против советских войск 2-й гвардейской армии. Это было важно, тем более что за двое суток до штурма Новочеркасска, 10 февраля, полковник Оринеску, командир одной из пехотных румынских дивизий, заявил коменданту города полковнику Грюнвальду, что румыны покидают Новочеркасск, «так как солдаты будут бунтовать», а поэтому им принято решение отозвать всех румын из города и продолжать далее марш на запад. В пригородных и уличных боях за Новочеркасск 13 февраля совместно с 79-й пехотной дивизией вермахта и прочими сборными частями участвовали 1-й Донской казачий полк походного атамана полковника С.В. Павлова (около 900 человек), казачий боевой отряд абвера № 201 полковника Т.К. Хоруженко (около 1 тыс. человек) и еще приблизительно до 2 тыс. неорганизованных казаков.

Понеся серьезные потери (не менее 30–40 % от личного состава полка), 13 февраля Павлов во главе беженских колонн покинул Новочеркасск вместе с немцами и двинулся по направлению к Матвееву Кургану. В пути к Павлову присоединился со своей колонной войсковой старшина Греков – атаман станицы Грушевской.

Активное участие в боях за Ростов-на-Дону в ночь с 13 на 14 февраля, особенно за завод «Ростсельмаш», принял 17-й Донской казачий пластунский полк войскового старшины Т.Г. Бударина, который потерял не менее 360 человек убитыми и ранеными, в том числе был убит и командир полка. Тем не менее утром 14 февраля этот полк оставил Ростов-на-Дону и начал отступление в направлении на Таганрог.

Арьергардное прикрытие осуществлял Отдельный казачий конный полк полковника Шведова, сформированный в апреле 1942

года под Харьковом и входивший в состав Восточных войск. Но и он не смог устоять под напором советских войск и отошел к реке Миус.

На Миусском фронте из остатков отступавших частей немцами был сформирован 6-й Семигорьевский казачий пластунский полк, участвовавший в боях к северо-востоку от Таганрога. Там же сражался и 1-й Донской казачий конный полк Донского атамана генерала от кавалерии графа М.И. Платова под командованием полковника И.С. Луизова. Этот полк, полностью экипированный и обмундированный в форму Войска Донского, насчитывал до 1,5 тыс. человек.

Фельдмаршал Э. фон Клейст делал все для того, чтобы поддержать боеспособность казачьих частей. Он систематически пополнял и казачьи формирования, участвовавшие в боях за Кубанское предместное укрепление, и отдельные казачьи гарнизоны, находившиеся в Крыму. Общее число казаков войска Кубанского, сражавшихся в войсках Клейста весной 1943 года, достигало 9 тыс. человек.

В это же время вспыхнул острый конфликт между походным атаманом С.В. Павловым, которого признавало большинство беженцев, и назначенными Клейстом Донским атаманом П.М. Духопельниковым, Кубанским атаманом И.И. Белым и Терским атаманом Н.Л. Кулаковым. Создав в Херсоне свой казачий штаб, Духопельников и Белый концентрировали здесь значительные партии казаков, не спешили направлять их в Млаву (Польша). Но их деятельность вызывала негативную реакцию сторонников С.В. Павлова, считавших, что только он, как законный последний избранный на Дону походный атаман, имеет право распоряжаться всеми людскими и материальными ресурсами казачьих областей.

События на фронте развивались стремительно. Казачьи части под командой С.В. Павлова были вынуждены отойти далее на запад, а сам он со своим штабом переместился в Запорожье. Там, собрав совещание, Павлов предложил ревизовать работу Духопельникова и Белого с тем, чтобы отстранить их от дел. Но вскоре после этого сам Павлов, который приехал в Кривой Рог, был арестован по приказу П.М. Духопельникова. После этого он поспешно перенес свой штаб в Кировоград.

Другие казачьи вожаки П.М. Духопельников и И.И. Белый прямо из Херсона уехали в Млаву (Польша), где весной и летом 1943 года

формировалась 1-я казачья кавалерийская дивизия вермахта. Но там они уже не смогли занять среди казачества достойное место и были вынуждены уйти в тень.

Всего в Млаве за счет прибывших казаков на формирование 1-й казачьей дивизии было направлено 11 358 человек, определено на формирование казачьих частей в составе Восточных войск вермахта – 11 780 человек, выделено в распоряжение этапных германских комендатур – 7656 человек, отправлено во Францию в распоряжение организации ТОДТ – 12 707 человек. Таким образом, можно говорить о том, что на немецкой службе к лету 1943 года состояло 43,5 тыс. человек.

Между тем беспорядочно отступавшие в конце весны и начале лета 1943 года казачьи массы беженцев рассыпались по южной и юго-западной Украине. Хаотичность и неуправляемость различных казачьих групп привела к возникновению в их среде различных «комитетов» и «штабов», претендовавших на главенство.

К осени 1943 года в рядах беженцев появилось много лиц, недовольных политикой походного атамана С.В. Павлова. Часть из них отказалась от движения на Проскуров, избранный Павловым местом сосредоточения, и с 1 октября большое число одиночек и даже организованных групп беженцев начали продвижение по украинским проселочным дорогам на юго-запад, в Румынию. Правда, в последующем почти все они были настигнуты советскими войсками.

Части походного атамана С.В. Павлова на пути из Кировограда в Проскуров в 30 км северо-западнее Умани в районе села Христиновка столкнулись с полевым штабом сводной казачьей конной дивизии под командованием генерал-лейтенанта графа фон Шуленбурга. В состав этой дивизии входили Лейб-Атаманский, 5-й Кубанский, 12-й Донской и 18-й сводный казачьи полки. Некоторое время эта дивизия вела активные боевые действия против партизан в районах: Кировоград, Бобринец, Новый Миргород, Старая Буска, Балта, Гайсин, Умань и в 150-километровой полосе лесов под названием Зеленая Брама.

Генерал Шуленбург не стал разбираться, куда движутся и что представляют собой казаки С.В. Павлова. Он отдал приказ о сдаче павловцами оружия, что вызвало у казаков крайне негативную реакцию. Едва не дошло до боя. И только благодаря личному вмешательству Э. фон Манштейна, конфликт был урегулирован. На то

время, по имеющимся данным, в распоряжении С.В. Павлова насчитывалось около 18 тыс. казаков.

10 ноября 1943 года под редакцией П.Н. Краснова была принята специальная декларация германского правительства. Она призывала казаков сплотиться под германскими знаменами, обещая им и всем, кто сражался под казачьими знаменами, большие блага. В частности, в ней было записано:

«Когда доблестная Германская армия подошла к вашим рубежам, вы явились к ней не как пленные, но как верные соратники. Вы с семьями, всем народом, ушли с германскими войсками, связали свою судьбу, предпочитая все ужасы войны, биваки и зимнюю стужу, кочевую жизнь – рабству под большевизмом. Все, кто только мог сражаться, взяли за оружие. Второй год вы сражаетесь плечо к плечу, стремя к стремени с германскими войсками. Вы пережили весь ужас власти большевиков и вы никогда с ней не примиритесь. Германская армия нашла в вас честных и верных союзников!»

Затем казакам были обещаны «все права и преимущества служебные, каковые имели ваши предки в прежние времена», «самостоятельность» и «неприкосновенность земель».

Декларацию подписали начальник штаба Верховного Командования В. Кейтель и рейхсминистр Восточных областей А. Розенберг».

Безусловно, это был только фарс. Обещать земли, которые уже давно немецкими войсками были безвозвратно утеряны, и самостоятельность без территории – ничего не стоило. Тем не менее в развитие этой декларации 14 ноября 1943 года было опубликовано открытое письмо П.Н. Краснова, растиражированное в русской печати на фронте и в тылу. В частности, в нем он писал: «С каким волнением прочтет казак Объявление Германского Правительства к казакам, подписанное высокими представителями... Пришло, чего ждали казаки! Пришло удостоверение германской власти в признании казачьих заслуг перед миром, обещание защиты и покровительства...

Война с коммунистами не кончена. Нужно уничтожать коммунистов везде, где они могут мешать нам получить то, что делается теперь. Где бы это ни было, мы, казаки, должны везде, где нам укажут, не щадя жизни своей, споспешествовать этой победе».

19 ноября в Виннице состоялось совещание, на котором С.В. Павлов был подтвержден в качестве походного атамана и общеказачьего лидера на всем Восточном фронте. Он стал организатором и создателем так называемого Казачьего Стана. Затем руководил казачьим поселением в Белоруссии, организованном под Новогрудком (май – июнь 1944 года). 17 июня 1944 года был убит у деревни Омневичи в районе Городища. Посмертно произведен генералом от кавалерии П.Н. Красновым в чин генерал-майора. При дальнейшем отступлении немецких войск останки С.П. Павлова в августе 1944 года были тайно вывезены и были перезахоронены в городе Варта (Польша).

Начальник Казачьего отдела министерства восточных оккупированных территорий рейха и начальник Главного управления казачьих войск П.Н. Краснов после окончания войны пытался спастись от возмездия в зоне оккупации англичан. Но тем он был совершенно не нужен. В 1946 году Краснов был передан советскому командованию и 17 января 1947 года по приговору Верховного суда СССР повешен в Москве.

Русские эмигранты и православные священники на службе вермахта. В летописи Великой Отечественной войны остается еще немало недостаточно изученных страниц, в том числе связанных с участием в боях на стороне войск нацистской Германии представителей белой эмиграции и сотрудничеством с немецкими оккупационными властями священнослужителей Русской православной церкви.

Между тем, например, только в 15-м кавалерийском корпусе СС, по данным на 1944 год, служили более 4000 российских эмигрантов. Бывшие белогвардейцы или сыновья бежавших после Гражданской войны за пределы России людей составляли кадры так называемого «Русского отряда», действовавшего вместе с частями 9-й армии вермахта в районе Вязьма – Ржев – Зубцовка.

Русский охранный корпус, сформированный в сентябре 1941 года из эмигрантов, находившихся в Югославии, на протяжении всей войны сражался на ее территории с партизанами. Из 17 090 человек личного состава это соединение потеряло 11 506 солдат и офицеров.

Созданный в марте 1942 года добровольческий батальон из белоэмигрантов, в основном воспитанников русских кадетских

корпусов, функционировавших в Югославии, был в 1944 году развернут в особый полк СС «Варяг» (из трех батальонов). В конце войны он перешел под командование генерала А. Власова, а после капитуляции гитлеровской Германии с боем пробился к югославской границе, где был разоружен англичанами.

Кстати, уже незадолго до краха Третьего рейха, весной 1945 года, русские эмигранты предоставили в распоряжение власовского командования около 2500 членов Объединения русских воинских союзов.

Сложным был процесс интеграции в советскую систему в годы Великой Отечественной войны Русской православной церкви, подвергшейся разгрому и гонениям в предвоенные годы. До начала Великой Отечественной войны всего в СССР функционировало 4275 приходов, из них лишь около 500 в границах 1939 года, остальные находились в Западной Украине и Западной Белоруссии, присоединенных к Советскому Союзу в соответствии с пактом Молотова – Риббентропа.

С началом агрессии нацистской Германии против СССР на оккупированной советской территории часть священнослужителей пошла на сотрудничество с командованием вермахта. Были воссозданы церковные округа и приходы. Главой Православной церкви стал экзарх Эстонии – митрополит Сергей (Воскресенский), проживавший в Риге. Он создал в августе 1941 года своим указом так называемую Русскую Православную миссию в освобожденных областях России (РПМ) с управлением в Пскове. Во многих областях открылись храмы, например, только в Ленинградской области вновь стали проводиться службы в 168 церквях, 2 католических костелах (до 1941 года там действовало всего 5 церквей).

В захваченных германскими войсками республиках и областях СССР обязательный характер носили обряды крещения, регистрации браков в церкви. Их несоблюдение рассматривалось немецкими властями как посягательство на порядок. Среди верующих граждан на оккупированной территории были организованы сборы пожертвований на восстановление храмов.

По указанию германской администрации, вся церковная политика была направлена на решение трех основных задач: развертывание пропаганды, имеющей своей целью представить немцев в роли

защитников русского народа; оказание активного содействия оккупантам в проведении экономических и политических мероприятий; сбор сведений о политических настроениях населения, экономическом положении районов; борьба с советским подпольем и партизанским движением. Для решения этих задач с июня 1942 года с разрешения оккупационных властей выходил журнал «Православный христианин». В марте 1942 года управлением РПМ было выпущено воззвание по поводу отмены немцами колхозной системы и нового порядка землепользования, а в дальнейшем рассылались циркуляры с разъяснениями позиций германских властей.

Русская православная церковь поддерживала тесный контакт с «Русским комитетом» генерал-лейтенанта А. Власова, ими совместно готовились листовки, содержащие призывы к вступлению в ряды Русской освободительной армии.

22 июня 1941 года митрополит Сергей обратился к верующим с посланием Церкви по случаю начала войны, в котором благословил всех православных «на защиту священных границ нашей Родины».

Взносы Русской православной церкви в Фонд обороны за годы войны составили более 300 млн рублей. Примечательно, что средства жертвовались даже на оккупированной противником территории, хотя часть священнослужителей сотрудничала с немцами. Так, священник Ф. Пузанов из Псковской области собрал среди верующих золота, серебра и церковной утвари на сумму около 500 тыс. рублей и передал их через партизан на Большую землю.

Именно всплеск религиозности населения в период немецкой оккупации оказал серьезное влияние на советское руководство, которое пошло в 1943 году на частичное восстановление религиозной жизни на всей территории СССР. Сталин под давлением военной обстановки и воскрешения церковной жизни на оккупированной немцами территории вынужден был пойти на уступки.

Кроме того, война, к ужасу правящей элиты СССР, выявила явную религиозность значительной части населения Советского Союза, в том числе и среди мобилизованных в армию. Это заставило лидеров ВКП(б) искать в войне с немцами союзника внутри страны в лице Русской православной церкви.

Влияние религии возрастало в наиболее тяжелой обстановке войны. Богослужения в блокадном Ленинграде проходили при

переполненных храмах, и на некоторых из них присутствовало командование Ленинградского фронта. 16 клириков местной епархии во главе с митрополитом Алексием были награждены медалью «За оборону Ленинграда». В конце 1942 года Сергей, к тому времени патриарший местоблюститель, призвал духовенство и верующих к сбору средств на строительство танковой колонны и обратился с просьбой о государственном оформлении соответствующих денежных перечислений. На средства, собранные Церковью, были построены и переданы Красной Армии танковая колонна имени Дмитрия Донского и авиационная эскадрилья имени Александра Невского.

Не забудется потомками деятельность архиепископа Луки Войно-Ясенецкого, спасшего своей талантливой работой в качестве хирурга не одну сотню человеческих жизней, протоиерея Александра Романушко, в полном смысле слова партизанского священника, участвовавшего в боевых операциях, ходившего в разведку. В 1943 году отец Александр на отпевании полицая при большом скоплении народа и в присутствии вооружённой полицейской охраны прямо на кладбище сказал: «Братья и сестры, я понимаю большую горе матери и отца убитого, но не наших молитв и «Со святыми упокой» своей жизнью заслужил во гробе лежащий. Он – изменник Родины и убийца невинных детей и стариков. Вместо «Вечной памяти» произнесём же «Анафема». Подойдя к полицаям, он просил их искупить свою вину, обратив оружие против фашистов. Эти слова произвели на людей очень сильное впечатление, и прямо с кладбища многие ушли в партизанский отряд.

Лучшие представители православного духовенства оставались верными основным принципам и заповедям христианства. Они оказывали помощь, а нередко и спасали от гибели людей, независимо от их веры и национальности. Украинский священник Иоанн Карбованец и монашки Домбокского монастыря близ города Мукачево, рискуя жизнью, спасли обречённых на неминуемую голодную смерть 180 детей, вывезенных немецкими захватчиками в августе 1943 года из Орловского детского дома.

Весной 1942 года немецкое гестапо выявило немало случаев, когда лица еврейской национальности обращались в православные церкви с просьбой произвести «обряд крещения» над своими детьми и

выдать им об этом свидетельства. Церковь принимала их, надеясь уберечь от гибели.

В оккупированном городе Орле было создано возглавляемое Н.Ф. Локшиным объединённое попечительство церквей, оказывающее бесплатную помощь больным и престарелым людям, ежемесячно отчисляя деньги из заработка священнослужителей на нужды больных. Широкой известностью и уважением среди прихожан Богоявленской церкви пользовался член попечительства доктор И.М. Варушкин, бесплатно лечивший их. В городе весь период немецкой оккупации успешно действовал подпольный госпиталь, одним из руководителей которого был врач В.И. Турбин, в 1930-е гг. принявший чин инок. Благодаря его личному мужеству и самоотверженности медперсонала немало оказавшихся в плену бойцов Красной Армии было спасено в этом госпитале, а после излечения переправлено через линию фронта.

Церковь постепенно обретала государственную опору. 4 сентября 1943 года состоялась встреча Сталина с Сергием, на которой обсуждались первостепенные нужды Московской патриархии и были приняты важные решения, среди них, согласие на избрание Патриарха Московского и всея Руси, пост который после кончины Тихона пустовал много лет. 18 сентября Собором епископов на этот пост был избран митрополит Сергей.

Таким образом, в период войны сформировалась новая церковная политика советской власти. Ее главными чертами являлись относительная веротерпимость и контроль за религиозной деятельностью со стороны государства. Эта политика включала силы Церкви в борьбу с врагом и способствовала более широкой поддержке СССР в странах антигитлеровской коалиции.

Тайное оружие вермахта

Ведение войны предполагает использование не только оружия летального воздействия на противника. Еще в древности одним правителем было сказано, что для достижения победы хороши любые средства. Со временем власть ради этого прибегала к все новым средствам, нисколько не заботясь об их гуманности и честности. Наряду с ударами войск использовались подкуп, «пятые» колонны, экономические блокады, обман и многое другое. Одним из видов оружия нелетального действия стали и фальшивые деньги.

Известно, что еще во время войны за независимость в 1776 году США начали выпускать английские деньги, рассчитывая таким путем подорвать экономику противника и лишить англичан возможности продолжить военные действия против Америки.

В свою очередь англичане после Великой французской революции начали выпуск фальшивых денежных знаков и финансовых документов на французское имущество с принудительным курсом для валюты Франции. Цель этой акции заключалась в желании потопить Францию в экономическом хаосе.

В 1811 году Наполеон Бонапарт, в преддверии войны с Россией, также наладил выпуск фальшивых российских денег. Качество этих фальшивок было таким, что русские были вынуждены перейти на новые банкноты.

Во время Гражданской войны в 1918 году Германия отправила в Россию несколько миллионов фальшивых рублей, отпечатанных в Берлине. Они имели широкое хождение на территории, оккупированной немцами, особенно на Украине. Затем, уже в 1920-е гг., грузинские эмигранты Садатарашвили и Карумидзе, в Германии начали печатать в огромных количествах советские червонцы, надеясь вызвать государственное банкротство и переворот в СССР. Правда, их афера не увенчалась успехом. В августе 1927 года во Франкфурте-на-Майне немецкой полицией было обнаружено это производство и конфисковано двенадцать центнеров фальшивых банкнот.

Но идея использовать фальшивые деньги для подрыва экономики государства противника продолжала рассматриваться как одно из

действенных средств ведения экономической войны. В самом начале Второй мировой войны Германией это средство, по предложению президента Рейхсбанка и имперского министра экономики Яльмара Шахта, было решено применить в войне с Англией. Известно, что в сентябре 1939 года руководитель гитлеровской полиции безопасности Рейнхард Гейдрих вызвал к себе руководителя технической группы в Главном имперском управлении безопасности гауптштурмфюрера СС Альфреда Науйокса и поручил ему организовать производство фальшивых фунтов стерлингов. Операция получила кодовое название «Андреас».

Первые трудности возникли при изготовлении бумаги для печатания этих денег. Подлинная бумага, на которой печатались английские деньги, имела в основе волокна льна, который имел турецкое происхождение. И вскоре из Турции в Германию на специально зафрахтованном судне было привезено несколько тонн льна, из которого и было соткано полотно. Потом по рекомендации химиков куски этого полотна использовались на заводах для протирания машин. Через некоторое время лоскуты были очищены, вторично использованы в качестве ветоши и только после вторичной очистки переданы для изготовления бумажной массы. Полученная таким путем бумага при исследовании всеми известными германским специалистам методами не отличалась от настоящей.

Столь же сложным оказалось изготовление матриц для водяных знаков и клише для печатания изображений. Их выполнили лучшие граверы при участии рецидивистов-фальшивомонетчиков, которые состояли на учете в полиции либо отбывали в то время наказание в тюрьмах рейха. При этом использовались самые новейшие технологии контроля за качеством изделий. Оттиски готовых клише проецировались на экран с двадцатикратным увеличением рядом с подлинными банкнотами и сопоставлялись в мельчайших деталях, и после этого только вносились необходимые исправления. Достаточно сказать, что процесс изготовления клише длился семь месяцев. Известные математики занимались расшифровкой системы, принятой английским казначейством для нумерации банкнот.

И вот, наконец, заработали печатные станки. Немецкие фальшивомонетчики отпечатали банкноты достоинством 5, 10, 20, 50, 100 и даже 500 и 1000 фунтов стерлингов. Из осторожности последние

два вида банкнот не сбывались совсем, а стофунтовые – только в порядке исключения. Немецкие химики изучили процессы старения бумаги и краски и научились искусственно воспроизводить их в фальшивых деньгах. Пачки банкнот комплектовались чрезвычайно тщательно: старые и новые денежные билеты лежали вперемешку, ни в одной пачке не было билетов с последовательными номерами. Была продумана и тщательно разработана система сбыта фальшивых денег.

Руководителем службы по распространению денег был назначен штурмбанфюрер СД Фридрих Швенд. В марте 1941 года он отправил своего ассистента Рудольфа Блашке в «отпуск» в Швейцарию. Но швейцарские пограничники были поставлены в известность, что в страну направляется весьма подозрительная личность, имеет смысл тщательно проверить и багаж. Но таможенники не обнаружили ничего предосудительного. После этого в путь отправился сам «коммерсант». Через банковское учреждение СД проинформировало швейцарские органы, специализирующиеся на выявлении фальшивых денег, что в Базеле предполагается реализовать крупную сумму фунтов стерлингов, которые могут оказаться поддельными. Банковские служащие Швейцарии исследовали банкноты и признали их настоящими.

В тот момент, когда производство фальшивых банкнот могло развернуться на полную мощность, оно было внезапно остановлено по политическим причинам. Дело в том, что в это самое время нацистское руководство, готовясь к нападению на Советский Союз, решило не «дразнить» лишний раз Англию, надеясь, что она воздержится от союзничества с СССР.

Но Лондон повел себя иначе, и летом 1942 года по заданию «правительства рейха» СД вернулось к фальсификации английских фунтов стерлингов, теперь уже на крупной индустриальной основе. Руководителем центра фальшивомонетчиков был назначен начальник «группы Ф» в VI управлении РСХА гауптштурмфюрер СС Бернгард Крюгер. Он-то и переименовал операцию «Андреев» в операцию «Бернгард», дав ей, таким образом, свое имя.

Начиная массовое производство фальшивых иностранных денег, нацистское руководство преследовало три основные цели.

Во-первых, германский рейх очень нуждался в дефицитном сырье и других материалах для военной промышленности. Получить их можно было лишь через нейтральные страны и только за иностранную

валюту, а валютная касса рейха в то время была почти пуста. Поэтому Гитлер надеялся, что, организовав производство и сбыт фальшивых иностранных денег, он сможет утолить валютный голод и одновременно ослабить бремя военного бюджета Германии, который к 1943 году достиг 160 млрд марок, значительно превысив расходы Германии в Первой мировой войне.

Во-вторых, посредством производства фальшивых иностранных денег гитлеровцы намеревались подорвать экономическую мощь соответствующих государств, натравить пострадавшие от фальсификации денег народы на их правительства и дезорганизовать мировой денежный рынок. Удар, прежде всего, был нанесен по английскому фунту стерлингов, который с 1932 года многими странами использовался для создания валютных запасов, а во время Второй мировой войны имел хождение как международное платежное средство.

И, в-третьих, фашистское руководство рассчитывало таким образом получить средства, необходимые для содержания огромной армии зарубежных шпионов и участников «пятых колонн».

Всего за период с 1942 по 1944 год фашистские фальшивомонетчики напечатали только английских фунтов стерлингов 8,9 млн купюр на сумму 134 610 810. Но после тщательной проверки выяснилось, что из этой общей суммы лишь 10 368 430 фунтов стерлингов практически не имели дефектов (7,5 %). Во вторую группу попали банкноты с почти неразличимыми дефектами. В третью – банкноты, на которых был допущен один слабый печатный дефект. Все остальное считалось браком.

Бывший руководитель заграничных операций объединенной службы германской разведки Вальтер Шелленберг писал: «Два бумажных завода – один в Рейнской провинции» другой в Судетах – были целиком заняты изготовлением фальшивых купюр. Очень сложный процесс гравировки можно было начать только после того, как были выявлены сто шестьдесят основных опознавательных признаков. После этого мы отыскивали самых искусных гравировщиков Германии, которые приняли присягу о сохранении тайны и принялись за работу. Профессора математики установили с помощью сложных формул систему нумерации английских банкнот. Выпускаемые нами денежные знаки всегда опережали нумерацию английского банка на

сто-двести номеров. Эти фальшивые денежные знаки были изготовлены настолько тщательно, что ни один самый внимательный кассир не мог обнаружить подделки...

В техническом совершенстве, которого мы достигли в производстве банкнот, мы убедились в конце 1941 года, когда один из наших людей обменял в Швейцарии значительную сумму пяти- и десятифунтовых банковских билетов. При этом он настойчиво требовал проверить, не фальшивые ли они, заявив, что получил их на черном рынке. Английский банк изъял из этой партии около десяти процентов кредитных билетов как фальшивые, подтвердив, что остальные являются настоящими. Это было сигналом к тому, что можно приступать к массовому выпуску этих денег».

Для изготовления фальшивых денег в концентрационном лагере Заксенхаузен два барака № 18 и 19 были оборудованы самыми современными машинами. Обитателей этих бараков наглухо изолировали от всех внешних контактов заборами из колючей проволоки и многочисленной охраной. Здесь трудилось сто сорок человек заключенных. Они изготавливали бумагу для поддельных денег, печатали их, затем специально загрязняли свеженькие банкноты так, чтобы они были похожи на бывшие в употреблении, и связывали их в пачки, предварительно перемешав номера серий.

Секретность данного производства соблюдалась самая строгая. Стоило узнику из этой команды заболеть, как его сразу же отправляли в крематорий. Таким образом, эти зловещие бараки покидали лишь ящики с фальшивыми деньгами, лица с особыми удостоверениями и мертвецы.

Также печатались и фальшивые доллары, в которых очень нуждались германские агенты, работавшие на территории США. По предложению Отто Скорцени граверов, занятых изготовлением клише для фальшивых долларов, а также работавших над поддельными документами, перевели в городок Фриденталь, менее подвергавшийся опасности бомбардировок. Отсюда готовые клише направлялись прямым путем в Заксенхаузен, где уже печатались «доллары».

Распространение фальшивых денег на территории зарубежных стран происходило несколькими способами. План рейхсмаршала Германа Геринга по сбрасыванию купюр над Англией провалился, так как немецкие самолеты с трудом преодолевали систему английской

ПВО. Зато Вальтер Шелленберг успешно использовал деньги для финансирования предприятий за рубежом там, где он знал, что имеет дело с корыстными дельцами. Кроме того, фальшивые деньги щедро тратились на контрабандную покупку оружия германскими секретными агентами. В странах, где существовало движение Сопротивления, у некоторых партизан приобреталось английское и американское оружие, а потом оно использовалось в операциях против них же.

25 июля 1943 года дуче Муссолини был арестован новым итальянским правительством и укрыт в неизвестном месте. Скорцени получил от Гитлера личный приказ найти и освободить своего верного союзника. Скорцени смог это сделать, уплатив за сведения о нахождении Муссолини пятьдесят тысяч фальшивых фунтов стерлингов.

Одной из самых крупных денежных операций германской разведки стала оплата операции «Цицерон». Эту кличку дали немцы своему агенту, работавшему камердинером у английского посла в Анкаре, «Цицерон» передал немало ценной информации, изъятой им из сейфа английского посла, в том числе о Каирской и Тегеранской конференциях, о планах открытия второго фронта. За услуги «Цицерону» выплатили триста тысяч фунтов стерлингов. Деньги, естественно, были фальшивыми. След «Цицерона» после войны затерялся, и, казалось, на этом дело закончилось. Но бывший сотрудник западногерманской разведки (он же советский разведчик) Хайнц Хельфе в своих мемуарах вспоминал, что в пятидесятые годы в ведомство канцлера в Бонне поступило письмо от «Цицерона» — Эльяса Базны, в котором тот напоминал о своих услугах, оплаченных фальшивыми деньгами, и требовал возмещения, но на этот раз иностранной валютой???

Печата фальшивые деньги, фашистские главари не забывали и о своих личных интересах. Так, В. Шелленберг вспоминает, что глава РСХА Кальтенбруннер имел намерения использовать фальшивые деньги на покупку для себя товаров на черном рынке.

О том, какие реальные потери понесла Великобритания от эмиссии фальшивых денег, официальных данных не имеется. Но известно, что в 1945 году в результате операции «Бернгард»

Английский банк был вынужден выпустить новые пятифунтовые банкноты и изъять из обращения старые.

В октябре 1944 года в Страсбурге состоялось тайное совещание, на котором было принято решение очистить сейфы Рейхсбанка, а их содержимое, включая валютный фонд, золотой запас, художественные ценности, награбленные в оккупированных странах, поделить и передать доверенным лицам. Ценности было решено по возможности отправить в нейтральные страны. По мнению гитлеровского руководства, после проигранной войны эти сокровища должны были использовать в борьбе за создание «Четвертого рейха».

Руководство этой операцией было поручено Кальтенбруннеру, который с помощью Скорцени организовал «Альпийскую крепость» в горах Тироля, недалеко от городка Бад-Аусзее, где находились заброшенные горные выработки, которые предлагалось использовать в качестве бункеров для хранилищ ценностей. При этом Кальтенбруннер и впредь надеялся распоряжаться фальшивыми деньгами, установив предварительно контакты со швейцарскими банками.

Но события развивались стремительно. 30 апреля пришла радиограмма, сообщавшая, что Гитлер покончил жизнь самоубийством. Руководители операции «Бернгард» засуетились – необходимо было срочно заметать следы. С профессорами математиками, изготовителями бумаги, художниками, граверами и другими участниками производства вопрос решили просто – их расстреляли и сожгли в печах крематория. Печатные машины взорвали, фальшивые банкноты упаковали в водонепроницаемые ящики, клише и рецептуру бумаги уложили в стальные футляры. Списки зарубежных складов фальшивых денег, агентов по их распространению и выписки их замаскированных счетов в различных банках запечатали в специальную сумку. Вполне вероятно, что некоторые из этих «сокровищ» где-то хранятся и сейчас, но использование их со временем просто стало бессмысленным.

Германское руководство стремилось наводнить фальшивыми деньгами и продуктовыми карточками и территорию СССР. Для этого было налажено производство этих документов, но в ограниченном масштабе. Но все попытки массово применить данные «наработки» за линией фронта, как правило, заканчивались неудачей. Причиной этого было то, что в годы Великой Отечественной войны весь контроль за

распределением продуктов и других средств массового потребления Советское государство взяло на себя путем введения карточной системы. Карточки выдавались гражданам на предприятиях, где те работали, отоваривались в специальных магазинах, зачастую находившихся при этих предприятиях или в районах массового проживания. На карточках стояли печати предприятий и росписи ответственных лиц, которые были хорошо известны продавцам и руководителям торговых точек. В этих условиях фальшивые деньги можно было только распространять на стихийных рынках, но и там в большей степени работал товарный обмен, чем денежный расчет. Поэтому появление больших сумм денег у любого гражданина непременно вызывало интерес у правоохранительных органов, а сами деньги не обеспечивали безбедное существование гражданина. В годы войны стало распространенным воровство продуктовых карточек и хищение продуктов питания, но случаи хищения денег, особенно в больших суммах, были большой редкостью.

Заговоры против фюрера

Гитлер пришел к власти в результате достаточно острой борьбы, которая велась в Германии различными политическими группировками.

В 1934 году, уже придя к власти, Гитлер расправился со своим соратником по партии Эрнстом Ремом, который считал себя истинным и единственным вождем штурмовиков. В «ночь длинных ножей» (30 июня 1934 года) было арестовано около 150 руководителей СА, которых расстреляли у стен казарм кадетского училища в Лихтерфельде. Одновременно специальные отряды полиции прикончили и некоторых политических деятелей, в верности которых А. Гитлер сомневался. Сколько всего погибло людей в эту ночь – до сих пор неизвестно. Выступая 13 июня в рейхстаге, А. Гитлер заявил, что расстрелян 61 человек, в том числе 12 высших руководителей СА, ещё 31 погибли «при сопротивлении аресту» и трое «покончили с собой» – всего 77 человек. Но «Белая книга о чистке», изданная эмигрантами в Париже, говорит о том, что был убит 401 человек. На Мюнхенском процессе 1957 года прозвучала цифра – более чем 1000 человек. Вполне понятно, что после этого друзей у Гитлера не прибавилось. А вот врагов?!

8 ноября 1939 года в мюнхенской пивной «Бюргербройкеллер» некто Георг Эльзер, житель Берлина, краснодеревщик по профессии, попытался убить фюрера с помощью самодельной бомбы. 20 человек были ранены, пятеро убиты, но покушение не достигло цели – Гитлер покинул пивную за полчаса до взрыва. Гестапо быстро вышло на след террориста, и он по приговору военно-полевого суда был казнен.

Та же участь постигла полковника рейхсвера Ганса Остера, 8 ноября 1940 года заложившего мину замедленного действия все в той же пивной. Однако на этот раз Гитлер ввиду занятости даже не прибыл в «Бюргербройкеллер». Жертвами стали около 30 человек, в том числе семеро были разнесены в клочья.

Вторичное неудавшееся покушение необычайно усилило в Гитлере уверенность в собственном предназначении, и все радиостанции Германии передали его хриплый от возбуждения голос:

«Теперь я совершенно спокоен! Я умру только тогда, когда моя миссия на этом свете будет выполнена!»

Встает вопрос – почему покушения устраивались в одном и том же месте и в один и тот же день? Дело в том, что 8 ноября 1923 года именно в «Бюргербройкеллере» Гитлер собрал своих сторонников. Дьявольская идея о превосходстве немецкой расы над всеми иными родилась не в пивной, а в умах собравшихся. В «Бюргербройкеллере» она оформилась в колонну изрядно накачавшихся пивом единомышленников Гитлера, которые под его предводительством той ноябрьской ночью двинулись к Оден-платц для захвата правительственных учреждений земли Бавария, но были обстреляны и рассеяны полицией, а зачинщик «пивного путча» и его ближайшие подельники были отправлены в тюрьму на четыре года. В 1927 году Гитлер вышел на свободу, и с тех пор «пивную вечерю» Адольф и его единомышленники стали ежегодно отмечать 8 ноября в «Бюргербройкеллере».

Но это были террористы-одиночки, которые только чудом могли рассчитывать на успех. Были у Гитлера и более опасные противники.

Считается, что политическая оппозиция Гитлеру, толкавшему Германию к войне, начала складываться уже в 1936 году. Одним из первых, кто начал сопротивляться фюреру, был бургомистр Лейпцига Карл Гёрделлер, который решил порвать с нацизмом из-за его антисемитизма и политики лихорадочного вооружения. Затем к нему присоединились прусский министр финансов Иоганнес Попиц и президент Рейхсбанка доктор Шахт. В последующем к оппозиции примкнули и другие влиятельные в Германии лица.

В начале 1938 года, когда А. Гитлер готовил операцию против Чехословакии, в оппозицию ему стали многие высшие военные чины Германии. В эти дни генерал Йодль сделал следующую запись: «Выявляются достаточно резкие противоречия между интуицией фюрера, подсказывающей, что мы должны это сделать в текущем году, и армией, которая считает, что мы не в состоянии этого сделать, так как западные державы наверняка вмешаются, а мы еще не можем с ними равняться». Так проницательный штабной офицер вермахта подметил трещину в отношениях между Гитлером и некоторыми генералами самого высокого ранга.

Оппозицию грандиозным агрессивным планам фюрера против Чехословакии возглавлял начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Людвиг Бек. Это был именно тот человек, который еще в 1930 году, будучи командиром полка, всячески поддерживал национал-социалистов, а затем поддерживал приход к власти Гитлера. Теперь же, достаточно время поработав в высшем органе управления сухопутными войсками Германии и хорошо разобравшись в обстановке, он стал намного сдержаннее и осторожнее. В частности, он считал, что только нехватка стратегического сырья не позволит Германии выиграть большую войну, в которой противником Германии могут выступить Англия, Франция, Соединенные Штаты и Советский Союз.

Об этом Бек откровенно написал в своей докладной записке, которую тут же вручил главнокомандующему сухопутными войсками и непосредственному начальнику генералу В. фон Браухичу. При этом он предупредил, что ряд генералов, в случае игнорирования этой записки фюрером, готовы подать в отставку.

Браухич передал меморандум Бека Гитлеру. Но фюрер на него отреагировал очень просто. Вместо того чтобы выслушать возражения мятежных генералов, он 10 августа пригласил в свою резиденцию в Бергхоф их заместителей и выступил перед ними с пламенной речью. Но и во время этой встречи Гитлера поддержали далеко не все генералы. Но это было последнее совещание, на котором фюрер позволил военным задавать вопросы и вести обсуждение его решений. Отныне всю власть в армии Гитлер твердо брал в свои железные руки.

Одним из первых «сломался» Браухич, который в то время как раз разводился со своей первой женой и добивался разрешения жениться на некой Шарлотте Шмидт. Понимая, что его личная жизнь зависит от поддержки фюрера, он не нашел другого решения, как завить Гитлеру: «Я – солдат и мой долг – повиноваться». Так же поступили и многие другие генералы.

Бек понял, что он побежден из-за беспринципности своих соратников, и 18 августа 1938 года подал в отставку. Гитлер принял ее, но сделал все возможное для того, чтобы причина отставки не стала известной за рубежом. Сам Бек также не проявлял особой активности. В результате факт смены начальников генерального штаба сухопутных

войск Германии удалось сохранить в тайне от мировой общественности вплоть до октября 1938 года.

Преемником Бека на посту начальника Генерального штаба сухопутных войск стал пятидесятичетырехлетний генерал Франц Гальдер. Это был кадровый военный. Он начал службу в 1902 году юнкером, вскоре после сдачи экзаменов был произведен в офицеры, а в 1914 году окончил баварскую военную академию и был направлен на штабную работу. За годы войны Гальдер прошел все основные звенья штабной службы – от дивизии до группы армий.

После войны он служил в рейхсвере. С приходом к власти фашистов Ф. Гальдер начал активно сотрудничать с этим режимом. В последующем службу проходил в должностях начальника штаба 6-го военного округа (Мюнстер), командира 7-й баварской дивизии, 2-й, затем 1-й обер-квартирмейстер генерального штаба, руководивший боевой подготовкой сухопутных войск. Гальдер был заместителем Бека, который, уходя в отставку, рекомендовал его Браухичу, считая, что тот продолжит начатую им политику.

27 августа 1938 года Ф. Гальдер был назначен на должность начальника генерального штаба. Надежды Бека имели свое основание. Ф. Гальдер разделял убеждения своего шефа и всячески помогал ему. И став начальником генерального штаба, он не перестал критически относиться к тому, что предлагал фюрер.

В 1938 году в ряды оппозиции вступили и некоторые другие немецкие генералы. В ее состав вошли командующий третьим военным округом, включавшим Берлин и прилегающие территории, генерал Эрвин фон Вицлебен, начальник Потсдамского гарнизона генерал Эрих фон Брокдоф-Алефельд и командир танковой дивизии, расположенной в Тюрингии, генерал Эрих Гёпнер. Заговорщики дошли до того, что даже составили план отстранения Гитлера от власти сразу же после того, как он отдаст приказ о нападении на Чехословакию. Но уступничество Гитлеру со стороны Англии и Франции помешало реализации этого плана.

9 сентября 1938 года Гитлер вызвал Кейтеля, Браухича и Гальдера в Нюрнберг на совещание, которое началось в 10 часов вечера, а закончилось в 4 часа утра. Это совещание проходило очень бурно. Ф. Гальдер оказался в очень щекотливом положении. Ему, главному заговорщику против Гитлера, приходилось в деталях докладывать

фюреру план нападения на Чехословакию. При этом Гитлер постоянно упрекал Гальдера и Браухича в трусости и неспособности руководить подготовкой операции.

После этого посещения Гальдер продолжал работу, направленную против агрессивных планов Гитлера. С целью более глубокого изучения обстановки, он поручил сотруднику абвера полковнику Остеру постоянно информировать его о политических шагах фюрера и через надежных людей предупредил руководителей Англии и Франции о подготовке вторжения в Чехословакию. Затем он встретился с Шахтом и еще раз детально уточнил план выступления против Гитлера.

Переворот был назначен на 13 сентября 1938 года, сразу же после того, как Гитлер вернется в Берлин с партийного съезда, проходившего в Нюрнберге. Но фюрер, словно почуяв опасность, в Берлин не вернулся, а поехал сначала в Мюнхен, а затем в Берхтесгаден, где должен был встретиться с британским премьером.

Дата путча была перенесена на 28 сентября. Позже в своих показаниях на Нюрнбергском процессе Ф. Гальдер по этому вопросу сообщил следующее: «В полдень 26 сентября ко мне в кабинет зашел Вицлебен. Мы обсуждали положение дел. Он хотел, чтобы я отдал приказ действовать. Мы обсудили, сколько ему понадобится времени и т. д. Во время нашего разговора пришло известие о том, что британский премьер-министр и французский премьер согласились приехать к Гитлеру для дальнейших переговоров. Тогда я отменил приказ, так как полученные новости лишали наш план всякого смысла...»

Таким образом, политическая победа Гитлера в отношении Чехословакии не только спасла его от свержения генералами, но и сильно повысила авторитет фюрера в глазах германского народа и вермахта. Была выбита идеологическая почва из-под ног Гальдера и его товарищей-заговорщиков, а сторонники Гитлера получили новые козырные карты в свои руки. В эти дни генерал Йодль в своем дневнике записал: «Фюрер с его гением и целеустремленностью, которую не поколебала даже опасность возникновения мировой войны, опять одержал победу без применения силы. Остается верить, что те, кто не верил в его гений, теперь побеждены навечно».

В 6 часов утра 15 марта немецкие войска вошли на территорию Богемии и Моравии. Им не было оказано сопротивления. К вечеру того же дня Гитлер с триумфом прибыл в Прагу. Чехословакия перестала существовать как самостоятельное государство.

При подготовке войны на Западе 14 октября 1939 года Браухич и Гальдер встретились с тем, чтобы обсудить создавшееся положение и выработать единую линию поведения. Агрессия против Бельгии и Голландии очень настораживала Гальдера, который считал, что Германия не готова к большой войне на западе. Он даже в очередной раз поднял вопрос о необходимости устранения фюрера. Но слабовольный Браухич запротестовал, считая, что данная мера только сильно ослабит Германию. Он предлагал только более подробно объяснить фюреру всю сложность обстановки и предупредить его о возможных последствиях. Но Гитлер не желал слушать своего генерала, повторяя, что англичане уступят только после ощутимых ударов на западе.

В очередной раз встал вопрос о заговоре. Но на этот раз в распоряжении заговорщиков не было не одной надежной воинской части. Кроме того, все они искренне боялись, что устранение Гитлера вызовет беспорядки в Германии, которые западные страны сумеют использовать в своих интересах. Поэтому они решили временно ограничиться более тесным сотрудничеством с англичанами и не предпринимать более решительных шагов против Гитлера. И Гальдер и Браухич в этой ситуации проявили явную организаторскую слабость, граничившую с трусостью.

8 ноября 1939 года вечером в мюнхенской пивной, где Гитлер произносил свою традиционную речь в ознаменование «пивного путча», взорвалась бомба, заложенная в колонну за трибуной. Но взрыв прогремел тогда, когда фюрер и другие важные нацистские лидеры уже покинули пивную. До сих пор остается не ясным, было ли это покушение на жизнь вождя германского народа или хорошо спланированная акция гитлеровских спецслужб. 21 ноября Гимлер публично заявил, что имел место заговор с целью убийства Гитлера в мюнхенской пивной, а взрыв был подготовлен по наущению английской секретной службы. Таким образом, подозрение к этому делу генеральской оппозиции было официально снято.

Избежав смерти от покушения (или имитации его) с целью подавления сопротивления оппозиции генералов, А. Гитлер собрал высших чинов вермахта в своей канцелярии 23 ноября 1939 года. Ф. Гальдер был приглашен на это совещание. Идя на встречу с Гитлером, он опасался, что будет обвинен в противодействии замыслам фюрера. Но этого не случилось. Гитлер сознательно уклонялся от этой темы, понимая, что для него важнее опыт генералов, чем борьба с ними.

23 ноября, в шесть часов вечера А. Гитлер вновь пригласил к себе Браухича и Гальдера. Главнокомандующему он прочитал мораль, а начальника генерального штаба сухопутных войск около получаса продержал в приемной, как провинившегося мальчишку. На этой встрече главное командование сухопутных войск фюрер обвинил в пораженческих настроениях, а лично Гальдера в том, что он «проявляет упрямство, которое мешает ему присоединиться к фюреру и поддержать его». Тогда униженный Браухич даже попросил Гитлера об отставке, но Гитлер не принял ее.

День 23 ноября 1939 года во многих отношениях стал вехой в развитии событий. Он ознаменовал собой решительную победу Гитлера над армией, которая в Первую мировую войну свергла императора Вильгельма II и взяла на себя высшую политическую и военную власть в Германии. В частности, он предупредил генералов о том, что уничтожит любого, кто встанет на его пути, и подавит любую оппозицию со стороны генерального штаба «со всей жестокостью». Желающих попасть под такой прессинг тогда не оказалось.

Идея организовать акцию по физическому уничтожению Гитлера возникла у советского руководства осенью 1941 года, когда фашисты вплотную подошли к Москве. Советское руководство не исключало возможность захвата противником столицы, в связи с чем Управлению НКВД по Москве и 2-му (диверсионному) отделу НКВД СССР было поручено создать московское подполье и заминировать главные административные и хозяйственные объекты города. Выполняя приказ, начальник 2-го отдела Павел Судоплатов поставил перед будущими подпольщиками задачу: в случае взятия немцами Москвы и прибытия в город Гитлера попытаться организовать на него покушение, например, во время предполагаемого парада фашистских войск на Красной площади. Опыт проведения подобных операций у советской разведки был. Так, 21 сентября 1941 года в Киеве была взорвана

заранее заминированная смотровая площадка Верхней лавры, в результате чего были уничтожены десятки штабных офицеров. А 3 ноября спецгруппа НКВД под командованием капитана Лутина взорвала радиофугас, заложенный в киевском Успенском соборе. В результате этой акции погибли около 20 старших офицеров и генералов, а гауляйтер Украины Эрих Кох и президент Словакии епископ Иозеф Тисо получили серьезные ранения.

После того как фашисты были отброшены от Москвы и больше о парадах на Красной площади не помышляли, во 2-м отделе, в 1942 году преобразованном в 4-е разведывательно-диверсионное управление НКВД СССР, замысел уничтожить Гитлера продолжали развивать.

4-е управление, внимательно отслеживая перемещения фюрера, установило, что Гитлер периодически и подолгу находится в своей полевой ставке «Вервольф», оборудованной под Винницей. Туда немедленно был переброшен партизанский отряд «Победитель» под командованием Дмитрия Медведева, с июня 1942 года действовавший в районе Ровно. Осенью 1943 года легендарному разведчику Николаю Кузнецову удалось добыть документы, среди которых находился подробный план полевой ставки фюрера. Однако от операции пришлось отказаться, так как с октября 1943 года объект перестал появляться в «Вервольфе».

Начальник 4-го управления Судоплатов и его заместитель Эйтингон решили, что смертельный удар Гитлеру следует нанести в Германии. Но для этого надо было найти человека, который смог бы, не вызывая подозрений у гестапо, организовать покушение. И такой человек был найден. Им стал Игорь Миклашевский – сын известной артистки камерного театра Августы Миклашевской. У мужа Августы – танцора Льва Лащилина, была сестра Инна, вышедшая замуж за известного до войны артиста Всеволода Блюменталь-Тамарина. Осенью 1941 года, когда немцы подошли к Москве, Блюменталь перешел на их сторону. Вскоре немцы стали использовать его в пропагандистских операциях. Выступая на специальных радиоустановках, размещенных на переднем крае, он призывал красноармейцев сдаваться в плен. Позднее он оказался в Берлине, где стал одним из руководителей антисоветского «Русского комитета»,

занимавшегося вербовкой попавших в плен советских солдат и офицеров для немецких «восточных легионов».

Начальник 4-го управления Павел Судоплатов решил использовать предательство Блюменталь-Тамарина для внедрения в окружение Гитлера Игоря Миклашевского, завербованного НКВД зимой 1941 года в качестве секретного агента-ликвидатора. В январе 1942 года, во время ночного боя, Миклашевский, выполняя задание, сдался в плен немцам, заявив, что давно вынашивал намерение перейти на их сторону. При этом он якобы ненароком упомянул имя своего дяди Блюменталь-Тамарина. Правда, на слово ему не поверили. Начались проверки, во время которых гестаповцы подсаживали к нему в камеру провокаторов, а однажды даже провели инсценировку расстрела.

Миклашевский выдержал испытание. Ему начали доверять, а весной 1942 года освободили из концлагеря и зачислили в «ост-легион». Блюменталь-Тамарин, узнав, что его племянник перешел на сторону немцев, немедленно забрал его в Берлин, где Игорь стал работать в Русском комитете.

Оказавшись в Берлине, Игорь связался с Центром, сообщив, что готов приступить к подготовке операции. Вскоре к нему из Югославии прибыла группа в составе трех опытных разведчиков – бывших офицеров белой армии, имевших опыт подпольной и диверсионной работы. Именно они под руководством Миклашевского должны были, по замыслу Судоплатова, совершить покушение на фюрера.

Для того чтобы получить возможность проникнуть в ближайшее окружение Гитлера, Миклашевский установил контакт со знаменитой немецкой актрисой Ольгой Чеховой – женщиной неземной красоты, яркого таланта и необычной судьбы. В 1922 году, выехав из России в Германию с целью получения театрального образования, она добилась ошеломляющего успеха, снялась в десятках кинофильмов в Германии, Франции, Австрии, Чехословакии и в Голливуде. В 1936 году ей было присвоено высшее театральное звание – государственная актриса Германии. Но, покориw западный театральный олимп, Ольга оставалась патриоткой своей исторической родины и иногда помогала советской разведке. В соответствии с планом, разработанным П. Судоплатовым, она и польский князь Радзивилл (секретный агент

НКВД) должны были обеспечить группе Миклашевского доступ к Гитлеру.

Однако в 1943 году Сталин отказался от своего первоначального намерения физического устранения Гитлера. Он опасался, что как только фюрер будет уничтожен, нацистские круги и германский генералитет попытаются заключить сепаратный мир с Англией и США без участия Советского Союза. И эти опасения были небезосновательны. Информация, которую советские разведорганы докладывали вождю, свидетельствовала, что летом 1942 года представитель Ватикана в Анкаре по инициативе папы Пия XII имел продолжительную беседу с немецким министром иностранных дел Папеном, побуждая его использовать свое влияние для подписания сепаратного мира между Великобританией, Соединенными Штатами и Германией. Помимо этого сообщения от нашего резидента в Анкаре советская резидентура в Риме сообщала о встрече Папы с Майором Тейлором, посланником Рузвельта в Ватикане, для обсуждения конкретных тезисов беседы кардинала Ронкалли (позднее он стал Папой Иоаном XXIII) с Папеном.

В 1944 году Судоплатов и нарком НКГБ Меркулов вновь подняли перед Сталиным вопрос об убийстве Гитлера, но и на этот раз получили категорический отказ. В результате покушение на Гитлера так и не состоялось, хотя, по утверждению Судоплатова, разработанная Миклашевским операция имела все шансы на успех.

Но идея заговора против фюрера продолжала жить в самой Германии. В 1943 году в среде старших офицеров и генералов вермахта возникло движение сопротивления, целью которого было физическое устранение Гитлера. И уже в течение этого года на него было совершено 7 покушений. Правда, не все они оказались неудачными.

Итак, все предыдущие заговоры против фюрера оказались неудачными. С приходом в движение сопротивления такой личности, как граф Клаус Шенк фон Штауффенберг, у заговорщиков появились шансы на успех. Казалось, на этот раз Гитлер не мог миновать смерти. Однако 20 июля 1944 года тщательно спланированное покушение вновь, как и другие, провалилось. И вновь помог случай – непосредственно перед взрывом бомбы, заложенной полковником Штауффенбергом, Гитлер без видимых причин перешел на другую

сторону дубового стола, за которым проводилось совещание в его ставке «Волчье логово» в Восточной Пруссии. Это перемещение вывело фюрера из зоны полного поражения.

Тот факт, что и на этот раз Гитлер уцелел, был интерпретирован им в свойственной ему манере – он еще больше укрепился в вере в свою избранность и особое покровительство Провидения. Обращаясь к своему личному врачу, доктору Мореллю, фюрер с пафосом произнес: «Я неуязвим, я бессмертен!»

Сразу после неудавшегося, десятого по счету покушения Гитлер находился в явно приподнятом состоянии, начал всех уверять в своей великой земной миссии. Однако с медицинской точки зрения последствия этого покушения отнюдь не выглядели безобидными: у фюрера отнялась по причине контузии левая рука, на лице появилось множество незначительных резаных ран, волосы на затылке были сожжены, из его ушей сочилась кровь, правое ухо полностью утратило слух. Кроме того, из тела Гитлера медики извлекли около 200 деревянных щепок от стола.

Заговорщиков, а их насчитывалось около сотни, немедленно нейтрализовали, и вскоре те из них, кто не успел застрелиться (а их было несколько десятков), были казнены. Из числа крупных военачальников, находившихся на военной службе, пострадали командовавшие фронтом или группой армий фельдмаршалы Клюге и Роммель, командующий армией резерва генерал-полковник Фромм, находившиеся в отставке фельдмаршал Вицлебен и генерал-полковник Гёппнер. Генерал-полковник Бек покончил с собой.

Таким образом, правление Гитлера в самой Германии никак нельзя назвать безоблачным. Над ним постоянно висел меч, готовый обрушиться на голову фюрера в любую минуту. И, как ни странно, основную опасность при этом представляли не внешние враги, а собственные «доморощенные» генералы. Однако ни один заговор не достиг своей цели, даже несмотря на то, что сам его механизм был запущен. Это еще больше убедило фюрера и Германию в его исключительности, что только увеличило число сторонников Гитлера.

Крах гитлеровской дипломатии

Коалиционные войны стали широко практиковаться уже в начале XVIII века. Тогда Петр I, готовясь к Северной войне, предварительно заручился союзом с Данией и Польско-Саксонским королевством. Шведский король Карл XII, в свою очередь, заключил союзнические договоры с украинским гетманом И. Мазепой и турецким султаном. Но тогда союзники подвели и Петра и Карла.

В конце XVIII и начале XIX века для ведения войн коалиции государств создавались постоянно. Наиболее мощная коалиция была создана Наполеоном Бонапартом, а после ее поражения – коалиция союзных государств, окончательно сокрушившая Наполеона в сражении под Ватерлоо, вошедшем в историю как «Битва народов».

Начало XX века вошло в мировую историю в связи с Первой мировой войной. Она стала крупнейшей войной двух коалиций – Тройственного союза и Антанты, к которым затем прямо или косвенно примкнули еще ряд государств. Накануне и в ходе этой войны дипломаты крупнейших европейских государств и США сделали все возможное для того, чтобы не только чисто военными, но также экономическими, информационными и другими средствами максимально ослабить противника. Вершиной дипломатической «игры» в этой войне стали не поражение Германии и развал Австро-Венгерской империи, а вывод России из списка стран-победительниц и втягивание ее в четырехлетнюю Гражданскую войну.

За несколько лет до начала Второй мировой войны А. Гитлер и дипломатический корпус Германии также начали активно проводить политику с целью создания военно-политического союза государств при безусловном лидерстве Берлина. Вначале этот процесс проходил успешно. К заключенному 27 сентября 1940 года между Германией, Италией и Японией военному союзу (Пакт трех держав) до середины июня 1941 года присоединились Венгрия, Румыния и Болгария, а также марионеточные государственные образования, такие как Словакия и Хорватия. Активно велись переговоры с Испанией и Финляндией.

Но при этом отношение А. Гитлера к союзникам было неоднозначное, и он не спешил посвящать их в свои планы. Видимо, в начале войны Гитлер и его генералы настолько были уверены в своих силах, что первоначально намеревались уничтожить СССР, не прибегая к помощи своих главных союзников – Италии и Японии. По плану войны против СССР под кодовым названием «Барбаросса» к соучастию в войне на востоке допускались лишь Румыния и Финляндия, остальные же «союзники» в этот план даже не посвящались. Так, ближайший соратник Гитлера В. Кейтель пишет: «Фюрер запретил проводить переговоры политического характера (равно как и на уровне генеральных штабов) с союзными нам Венгрией и Словакией, опасаясь утечки информации и разглашения военной тайны. Мне не известно, насколько венгерский генштаб был посвящен в подробности подготовительных мероприятий операции «Барбаросса».

Да и отношение к Румынии и Финляндии было не очень положительное. Гитлер считал, что войска этих стран не могут самостоятельно вести наступательные действия. Румыны – ввиду своей плохой организованности, а финские войска – хотя и храбрые, но слишком малочисленные из-за того, что они еще не оправились после поражения в советско-финляндской войне 1939–1940 гг.

После того как 22 июня 1941 года немецкие войска начали успешное продвижение вглубь советской территории, союзники Германии поспешили также направить свои войска на Восточный фронт, чтобы урвать кусок пожирнее от будущей победы. Летом 1941 года Финляндия и Румыния выставили против СССР по две армии, Италия, Венгрия и Словакия – по одному армейскому корпусу. Одна только Болгария под давлением общественности 25 августа 1941 года приняла решение не направлять свои войска на Восточный фронт, ограничившись действиями на других направлениях и экономической помощью Германии.

Но довольно быстро стало понятно, что планы многих союзников Германии на получение крупных политических и экономических прибылей от этой войны себя не оправдывают.

Перед началом агрессии против СССР А. Гитлер рассчитывал на военный союз с Испанией, но Франко не поддался на уговоры. Правда, 22 июня 1941 года министр иностранных дел Испании заявил своему

берлинскому коллеге, что его страна «выражает величайшее удовлетворение в связи с началом борьбы с большевистской Россией». Но дальше этого на официальном уровне дело не пошло. На советско-германский фронт была направлена большая группа испанских добровольцев, из которых была сформирована так называемая «Голубая дивизия». 14 октября 1941 года эта дивизия появилась в районе Новгорода, а 16 октября участвовала в боях на Волховско-тихвинском направлении. Но обещанного решения о вступлении Испании в войну против СССР или Англии так и не последовало.

«Голубая дивизия», преобразованная в 250-ю пехотную дивизию рейхсвера, постоянно несла большие потери. В боях под Красным Бором 10 февраля 1943 года советскими войсками было уничтожено около половины этой дивизии.

К тому времени у немцев сложилось вполне определенное представление об испанских солдатах. Немцы относились к своим союзникам с нескрываемым презрением, а за низкие боевые качества фалангистов крыли трехэтажным матом. По мнению немцев, в «Голубой дивизии» каждый солдат воевал с гитарой в одной руке и с винтовкой в другой: гитара мешала стрелять, а винтовка – играть. 5 января 1942 года во время очередной «застольной беседы» в кругу своих единомышленников Гитлер заметил: «Немецким солдатам испанцы представляются бандой бездельников. Они рассматривают винтовку как инструмент, не подлежащий чистке ни при каких обстоятельствах. Часовые у них существуют только в принципе. Они не выходят на посты, а если и появляются там, то только чтобы поспать. Когда русские начинают наступление, местным жителям приходится будить их. Но испанцы никогда не уступали ни дюйма занятой территории».

К тому времени серьезно подпортились и дипломатические отношения между Испанией и Германией. 10 октября 1943 года Франко официально заявил о решении Испании соблюдать нейтралитет во Второй мировой войне, а через два дня был подписан приказ об отзыве «Голубой дивизии» с советско-германского фронта. Правда, на советской территории и после этого оставался испанский легион численностью в 2,5 тыс. человек, но отношение Гитлера к Испании, как к союзническому государству, было основательно подорвано.

Не выдержала союзнического договора с Германией и Финляндия. Еще 3 февраля 1943 года на совещании маршала Г. Маннергейма с президентом К. Рюти и некоторыми другими членами финляндского правительства было решено добиваться выхода Финляндии из войны с СССР. При этом ставка делалась на США, с которыми Финляндия поддерживала дипломатические отношения. А Гитлер, узнав об этом, потребовал, чтобы руководители Финляндии дали обязательство, что не будут искать возможности заключить мир с СССР, но те от этого уклонились. Тем не менее в мае 1944 года Финляндия держала на фронте против СССР 19 дивизий.

10 июля 1944 года советские войска развернули мощное наступление против обороны финнов на Карельском перешейке, которое завершилось освобождением почти всей Карелии. Немецкие войска, потерпевшие поражение в Белоруссии, не смогли эффективно помочь финнам. Перед лицом неизбежного поражения финское правительство вступило в переговоры с СССР. 12 сентября 1944 года было подписано соглашение о перемирии Финляндии с СССР, США и Великобританией.

Италия считалась основным союзником Германии во Второй мировой войне и в первое время не жалела ни сил, ни средств, для того, чтобы угодить Берлину. На войну работала ее промышленность. Наиболее высоких показателей в выпуске оружия и боевой техники итальянская военная промышленность достигла в 1941 году. Тогда было произведено 5,7 тыс. артиллерийских орудий, 4,2 тыс. минометов, 780 танков, почти 2,5 тыс. боевых самолетов, 24 боевых корабля основного класса.

Более того, Муссолини в начале войны решил отправить на Восточный фронт (частично моторизованный) подвижной корпус в порядке исполнения союзнических обязательств. И пока итальянские войска находились на марше, Муссолини по приглашению Гитлера выехал на фронт. Их встреча состоялась в Галиции, где спецпоезда фюрера и дуче остановились в специально построенном для этой встречи туннеле. На рассвете следующего дня на нескольких самолетах, в сопровождении эскадрильи прикрытия, вожди вылетели в штаб группы армий «Юг», располагавшийся в то время под Уманью. Там же состоялась и встреча прибывающих итальянских войск. Участник этой торжественной встречи В. Кейтель в своих мемуарах

записал следующее: «После короткого доклада и описания сражения за Умань все выехали встречать итальянские дивизии. Дефилирование войск и выправка «братьев по оружию», несмотря на зычное «Evviva Duce», стали настоящим потрясением для фюрера и всех нас, немецких солдат. Внешний вид «офицеров-переростков», давно выслуживших все мыслимые и немыслимые сроки, произвел на нас крайне удручающее впечатление, в очередной раз заставляя задуматься о сомнительной ценности вспомогательных итальянских войск. Каким образом сумеют противостоять русским эти «полусолдаты», если их разбили наголову убогие греческие пастухи?

Но Италия не была готовой к войне не только по качеству своих войск, но и по состоянию промышленности. Уже в следующем году в военном производстве Италии начался спад. В 1942 году по сравнению с 1941 годом было произведено меньше артиллерийских орудий на 506 единиц, минометов – на 200, танков – на 113, боевых самолетов – на 118, боевых кораблей – на 6 единиц.

С июля 1942 года наметилось ухудшение германо-итальянских отношений. 5 ноября Б. Муссолини впервые заявил германскому послу в Риме, что, по его мнению, нужно заключить мир с СССР. Особенно эти настроения стали ощутимы после того, как в конце осени 1942 года, в начале контрнаступления советских войск под Сталинградом, было нанесено поражение 8-й итальянской, 3-й и 4-й румынским армиям.

Удары по Италии наносили и союзники. В июле 1943 года, после победы советских войск под Курском, англо-американские войска произвели успешную высадку на остров Сицилия, откуда было начато наступление на Южную Италию. Под угрозой разгрома Италии союзниками 25 июля 1943 года Муссолини был отстранен от власти, а 3 сентября новое итальянское правительство П. Бадольо подписало «Краткие условия перемирия» с США и Великобританией.

События в Италии А. Гитлер расценил как предательство. 28 сентября немецкие войска начали оккупацию этой страны и дошли до Неаполя. На занятой ими северной части Италии была создана так называемая республика Сало во главе с Муссолини, но реально власть принадлежала немецкой администрации. Поэтому как союзник эта «республика» стоила очень мало.

Румыния достаточно долго находилась в составе стран гитлеровского блока. Первые германские войска численностью 500 000 человек прибыли в Румынию ещё в январе 1941 года под предлогом защиты режима Антонеску от «Железной Гвардии». Также в Румынию был переведён штаб 11-й немецкой армии. Однако немцы расположились возле нефтяных месторождений, так как боялись потерять доступ к румынской нефти в случае бунтов легионеров. К тому моменту Антонеску успел заручиться поддержкой Третьего рейха в борьбе против легионеров. В свою очередь, Гитлер потребовал, чтоб Антонеску содействовал Германии в войне против СССР. Несмотря на это, никаких совместных договоров не было заключено.

Тем не менее утром 22 июня Румыния атаковала СССР. В последующем румынские войска вели активные боевые действия на правом крыле советско-германского фронта, участвовали в захвате Одессы, Крыма, боях под Харьковом, наступлении на Кавказ, в Сталинградской битве. В ходе Сталинградской битвы румынские войска понесли общие потери численностью 158 850 человек, ВВС Румынии во время боёв потеряли 73 самолёта. Ещё 3000 румынских солдат попали в плен.

Гитлер продолжал строить оптимистические планы в отношении Румынии. 24 марта 1944 года во время переговоров с Антонеску он пообещал вернуть Румынии Северную Трансильванию. Правда, незадолго до этого он пообещал поддержать Венгрию в споре с Румынией. Герман Геринг во время разговора с Антонеску по этому поводу заметил: «в конце концов, зачем вы ссоритесь с Венгрией из-за Трансильвании, которая по существу больше немецкая, чем румынская или венгерская».

Разгром румынских войск в районе Ясс и Кишинева поставил режим Антонеску на порог краха. 23 августа 1944 года Ион Антонеску со своими советниками по совету верного Михая I Константина Сэнэтеску отправился во дворец Михая I для того, чтобы доложить о ситуации на фронте и обсудить дальнейшие военные действия. Он не знал, что Михай I и Коммунистическая партия договорились о государственном перевороте, а коммунисты даже подготавливали вооружённое восстание.

Антонеску, прибыв во дворец, был арестован и отстранён от власти. Одновременно в Бухаресте военные части, возглавляемые

коммунистами, и добровольческие отряды взяли под свой контроль все государственные учреждения, телефонную и телеграфную станции, лишив лидеров страны и германских командиров связи с Германией. Ночью Михай I выступил в радиоэфире. Во время своей речи он объявил о смене власти в Румынии, прекращении военных действий против СССР и перемирии с Великобританией и США, а также о формировании нового правительства во главе с Константином Сэнэтеску, которое уже 24 августа объявило войну Германии. 12 сентября румыны подписали соглашение о перемирии с СССР, США и Великобританией. 31 августа советские войска заняли Бухарест. Советское командование направило на помощь румынским войскам и восставшим 50 дивизий.

Переворот в Румынии не был выгоден Германии и германским войскам, находившимся на территории этой страны. Это была группа армий «Южная Украина», в которую входили 6-я немецкая армия, 8-я немецкая армия, 17-й армейский немецкий корпус и 2-я венгерская армия. Для того чтобы подавить восстание в Бухаресте, туда были направлены германские части, которых остановили верные королю румынские войска. Немецкая авиация предприняла несколько бомбардировок Бухареста. Одновременно румынскими войсками были атакованы немецкие военные части, расквартированные в Плоешти для охраны нефтяных месторождений. Эти части попытались отступить из Плоешти в Венгрию, но понесли большие потери и не смогли продвигаться дальше. В итоге в румынский плен попало более 50 000 германских солдат.

Летом 1944 года резко активизировалось антифашистское движение в Болгарии. На следующий день после того, как советские войска пересекли румыно-болгарскую границу, разгром Болгарии в ближайшее время стал очевидным.

Принимая во внимание благоприятную в целом обстановку в Болгарии, советское командование вместе с тем не могло не учитывать возможность сопротивления некоторых частей ее царской армии, которая к началу сентября имела в своем составе 22 дивизии и 7 бригад общей численностью более 510 тыс. человек. Часть этих сил противостояла войскам 3-го Украинского фронта. В черноморских портах Варна, Бургас и в дунайском порту Русе (Рущук) находились немецкие и болгарские военные корабли. Девять болгарских дивизий и

две кавалерийские бригады были расположены в Югославии и Греции. Когда начался отвод этих дивизий в Болгарию, гитлеровские войска вероломно напали на них и разоружили некоторые части. Управление ими было утрачено. Остальные дивизии и бригады находились в районах южнее Видина, Софии и Пловдива.

В столице Болгарии и крупных городах (Варна, Бургас, Стара-Загора, Пловдив) дислоцировались немецкие части, части морской пехоты и береговой артиллерии, различные команды, многочисленные военные миссии с персоналом обслуживания и охраны. Они контролировали болгарские аэродромы, морские порты и важные железнодорожные узлы. Там же находились всевозможные штабы и базы, строились бараки, предназначенные для размещения новых контингентов немецких войск в случае их ввода на территорию Болгарии. Общая численность немецко-фашистских войск в Болгарии с учетом частей, отошедших из Румынии в конце августа 1944 года, достигала 30 тыс. человек.

Немецко-фашистское командование по-прежнему стремилось сохранить свои позиции в Болгарии. Оно руководствовалось указаниями Гитлера, который 31 июля 1944 года в разговоре с генералом А. Йодлем сказал, что «без Болгарии мы практически совершенно не в состоянии обеспечить спокойствие на Балканах». В конце августа немецкий посол в Болгарии А. Бекерле заявил, что германские войска в ближайшее время не намерены оставлять Болгарию. Руководство фашистской Германии вынашивало планы организации государственного переворота в Болгарии и прихода к власти в качестве главы правительства лидера болгарских фашистов А. Цанкова, намеревалось перебросить в Болгарию немецкие войска из Югославии.

8 сентября советские войска перешли границу и вступили на территорию Болгарии. Этот переход произошел без единого выстрела: население встречало советских солдат цветами, хлебом-солью. Накануне вступления советское командование установило контакт с Главным штабом НОПА. Советские войска также пришли в Болгарию с мирными целями. Перед пересечением болгарской границы командующий 3-м Украинским фронтом маршал Толбухин Ф.И. обратился к болгарскому народу с воззванием. В нем говорилось: «Красная Армия не имеет намерения воевать с болгарским народом и

его армией, так как она считает болгарский народ братским народом. У Красной Армии одна задача – разбить немцев и ускорить срок наступления всеобщего мира».

После этого всю страну охватило антиправительственное восстание. К власти пришло новое правительство, которое тут же объявило войну Германии, а 28 октября подписало соглашение о перемирии с СССР, США и Великобританией.

Одним из первых, кто почувствовал непредсказуемость результатов «восточного похода» вермахта, был венгерский диктатор М. Хорти. 7 сентября 1942 года он прибыл в ставку А. Гитлера под Винницей и потребовал вывода с фронта венгерского корпуса. В. Кейтель пишет: «в сентябре 1941 года в штаб-квартире фюрера меня посетил начальник венгерского генштаба генерал Штромбатели и заявил, что венгерская моторизованная бригада (дивизия) не экипирована для ведения военных действий в условиях русской зимы и должна быть отозвана с передовой еще до форсирования Днепра... Генерал изрядно повеселил меня «глубокомысленными» и с претензией на язвительность замечаниями о «неправильном», на его взгляд, использовании венгерской дивизии на фронте. Мне осталось только порекомендовать ему вначале отучить своих солдат от мародерства и воровства, а потом уже переходить к обсуждению оперативных вопросов».

Тем не менее в начале ноября 1941 года немецкое командование было вынуждено удовлетворить эти требования. Правда, оно требовало от венгерского правительства выполнения своих союзнических обязательств. Но, как оказалось, население Венгрии было более склонным к войне с Румынией, к которой у страны были территориальные претензии, чем к войне с СССР. Об этом, в частности, пишет в своих мемуарах и В. Кейтель. Так, при встрече с Хорти, тот ему сообщил, что он «не вполне представляет себе, как сможет объяснить парламентариям и всему венгерскому народу столь активное участие Венгрии в войне Германии против СССР. Венгры не готовы к войне даже с пропагандистской точки зрения, особенно если речь идет не о войне против... Румынии. Я ответил ему приблизительно следующее: «Как можно думать сейчас о сведении счетов с румынами, когда вся Европа сражается с большевизмом не на жизнь, а на смерть...»

Осенью 1944 года в Берлине стало известно о желании венгерского правительства М. Хорти выйти из войны и подписать перемирие с СССР. Для того чтобы не допустить этого, 15 октября 1944 года в Будапеште немецкие штурмовики Отто Скорцени совершили государственный переворот (операция «Панцерфауст»). Был похищен сын Миклоша Хорти, в результате чего тот был вынужден отказаться от власти в пользу ставленника Германии Ференца Салаши, который получил диктаторскую власть в Венгрии. После этого в результате сильного германского давления все силы и ресурсы были брошены на продолжение войны. Для восполнения численности Салаши провел тотальную мобилизацию, которой подвергалось все население в возрасте от 12 до 70 лет. Благодаря этому венгры выставили на Восточный фронт целую армию (12 дивизий и 2 бригады), а в августе – сентябре еще две армии (19 дивизий и 2 бригады). Кроме того, в Венгрию были дополнительно направлены немецкие соединения.

Но советское правительство также активно работало в данном направлении. 23 сентября 1944 года советские войска развернули наступление вглубь Венгрии. На освобожденной ими территории к концу года было образовано Временное национальное правительство Венгрии, которое 28 декабря объявило войну Германии, а 20 января 1945 года подписало соглашение о перемирии с СССР, США и Великобританией. Правда, полностью исключить участие венгров в войне против СССР не получилось. Впереди были еще кровопролитный штурм Будапешта и тяжелые бои в районе озера Балатон.

Огромную ставку в решении задач Второй мировой войны А. Гитлер делал на военный союз с Японией. Переговоры о военном союзе Германии и Японии активно велись в 1940 и 1941 гг. При этом вопрос о вступлении Японии в войну с СССР, казалось бы, должен был положительно решиться в самое ближайшее время.

27 марта 1941 года во время пребывания японского министра иностранных дел Мацуока в Берлине Риббентроп заверял своего коллегу, что война против СССР закончится легкой и быстрой победой. «На Востоке, – говорил он, – Германия держит войска, которые в любое время готовы выступить против России, и если Россия займет позицию, враждебную Германии, то фюрер разобьет Россию. В

Германии уверены, что война с Россией закончится окончательным разгромом русских армий и крушением государственного строя». В ответ Мацуока заявил Риббентропу: «Япония всегда была лояльным союзником, который целиком отдаст себя общему делу». Тем не менее правительство Японии ограничилось лишь обещанием предпринять военные действия против владений США и Англии на Тихом океане.

Германия же продолжала верить в уступчивость японского правительства. 28 июня 1941 года Риббентроп телеграфировал немецкому послу в Токио генералу О. Отту: «Поскольку Россия находится в состоянии, близком к развалу... просто недопустимо, чтобы Япония не попыталась решить проблему Владивостока и района Сибири, как только будут завершены военные приготовления. Я прошу вас использовать все имеющиеся средства, чтобы настоять на вступлении Японии в войну против России в самые ближайшие сроки... Чем скорее она вступит в войну, тем лучше. Наше естественное желание – встретиться с представителями Японии на Транссибирской магистрали еще до начала зимы».

Но Гитлер просчитался в своей политической игре с Японией, от правительства которой, кстати, даже скрыл работы по плану «Барбаросса». Японская дипломатия оказалась более осторожной и гибкой, чем рассчитывал фюрер. Еще 13 апреля 1941 года, министр иностранных дел Японии по пути из Германии остановился в Москве, где подписал пакт о нейтралитете. Этот пакт Япония соблюдала неукоснительно, несмотря на все усилия германской стороны добиться его нарушения.

Правда, 7 декабря 1941 года японские бомбардировщики внезапно атаковали американскую военно-морскую базу в Пёрл-Харбор. Это нападение стало большой неожиданностью не только для Вашингтона, но и для Берлина. В то же время это было частью гитлеровского плана, направленного на ослабление США – союзника Англии. Но для Советского Союза, когда немецкие танки стояли под самой Москвой, военный конфликт между Японией и США был выгоден, так как существенно снижалась угроза открытия второго фронта на Дальнем Востоке.

Большие шансы создать военную коалицию выявились в первой половине 1942 года. Они заключались в совместном ведении боевых действий против Советского Союза или в морских операциях по

окружению британских и американских укрепленных пунктов на Ближнем Востоке и в Индии. Эти две операции перенапрягли бы обе стороны, но одна из них при концентрации совместного потенциала в первые полгода военного альянса имела бы хорошие шансы на успех. Взгляды руководящих органов этих стран на такую перестановку акцентов, однако, разошлись, в результате чего в Германии пришлось сглаживать возникшие противоречия.

Гитлер слабо верил в военный союз с Японией. Об этом говорит тот факт, что после начала войны Японией фюрер хотя и принял дважды японского посла, чтобы поздравить его, однако затем не встречался с ним более года. Только 21 января 1943 года, когда катастрофа в Сталинграде близилась к своему концу, Гитлер пригласил к себе японского представителя для того, чтобы наконец-то призвать Японию к участию в войне против Советского Союза. Ответ Токио заставил себя ждать до марта, но его и без того можно было предвидеть заранее.

Параллельно велись переговоры с Японией об экономическом сотрудничестве. Они продолжались почти два года. Подписанное (20 января 1943 года) соглашение имело лишь пропагандистское значение, так как транспортировка грузов через океан была почти парализована. Благодаря более позднему (2 марта 1944 года) договору и привлечению ведущих инженеров из гибнущего Третьего рейха Япония в конце войны обеспечила себе лишь техническое «ноу-хау», которое хотя уже и не могло быть использовано в военной промышленности, но помогло обеспечить высокий уровень индустриального возрождения Японии после войны.

Дольше других оставалась верной гитлеровской Германии салашистская Венгрия. Но и этот союз был обречен на гибель. В декабре 1944 года началась Будапештская операция, в рамках которой 1-я венгерская армия совместно с немецкими войсками пыталась удержать город, однако в феврале 1945 года он все-таки был взят Красной Армией. В марте немецкие войска и 3-я венгерская армия начали крупную наступательную операцию в районе озера Балатон (операция «Пробуждение весны»), но и она потерпела неудачу. После провала Балатонской операции, в конце марта 1945 года правительство Салаши бежало в Германию, и режим фактически прекратил своё существование.

Германская дипломатия по заданию Гитлера также усиленно пыталась склонить Турцию к войне против СССР. Но при этом сама Турция могла оказаться очередной жертвой Германии, которая вынашивала планы своего господства на Ближнем Востоке. И в марте 1941 года германо-турецкие противоречия едва не привели к вооруженному конфликту между этими двумя государствами. Германский посол в Мадриде Хассель записал в своем дневнике 2 марта 1941 года, что Риббентроп настаивал на прямом нападении на Турцию. Тогда, зная о намерении Германии, советское правительство сделало заявление, в котором говорилось, что, если Турция подвергнется нападению, она может рассчитывать на полное понимание и нейтралитет СССР. В ответ на это турецкое правительство заявило, что «в случае, если бы СССР оказался в подобной ситуации, СССР мог бы рассчитывать на полное понимание и нейтралитет Турции».

Этот обмен заявлениями имел серьезное политическое значение во взаимоотношениях Турции с Германией. Предупреждение СССР заставило гитлеровцев отказаться от задуманных ими авантюристических шагов в отношении Турции. Тем не менее 6 апреля 1941 года Германия напала на Югославию и Грецию. После этого она шаг за шагом изолировала Турцию от всех, больших и малых государств, которые могли бы получить хотя бы косвенную турецкую помощь против фашистской агрессии. Германские войска оказались в непосредственной близости от Турции не только на ее европейской, но и на части азиатской границы: в случае утверждения Германии в Ираке Турция была бы окружена с трех сторон. Оценивая ситуацию, сложившуюся в мае 1941 года, Нэтчбэлл-Хьюджессен отмечал, что Турция была «действительно отрезана от своих друзей, и ей угрожала опасность вражеского окружения».

18 июня состоялось подписание договора. В основу его лег тот вариант, который был согласован между турецким правительством и Папеном еще в декабре 1940 года. Текст договора гласил: «Германская империя и Турецкая Республика, воодушевленные желанием установить отношения между странами на базе взаимного доверия и искренней дружбы, решили заключить договор с оговоркой, что этот договор будет уважать нынешние обязательства обеих стран.

Договор открывал Германии дорогу к дальнейшему расширению всесторонних, и прежде всего экономических, отношений с Турцией, а самое главное – что турецкое правительство, продемонстрировав исключительную враждебность к Советскому Союзу, открыло перед Германией перспективу создания германо-турецкого политического и даже военного блока, обеспечивающего Германии дальнейшие успехи в военных действиях не только против СССР, но и против Британской империи на Ближнем и Среднем Востоке. Договор должен был привести Турцию к полному подчинению германскому рейху.

Однако уже в июле 1941 года в германо-турецких отношениях возникла определенная напряженность. Это было вызвано, как ни странно, именно тем обстоятельством, что к тому времени турецкие правящие круги поверили в близкий успех «молниеносной войны». Однако турецкие правящие круги, поддерживая Германию в войне против Советского Союза, не только предполагали, но и строили свои расчеты на том, что война между этими странами будет достаточно длительной и упорной и Германия закончит ее ослабленной. Как прямое следствие ослабления Германии ожидалось компромиссное урегулирование англо-германского конфликта, что в свою очередь сняло бы угрозу дальнейшего продвижения германских армий на Ближний Восток. И уже 8 октября 1941 года появилось германо-турецкое заявление, отрицавшее концентрацию германских войск на турецкой границе.

Затем два важнейших события декабря – поражение немцев под Москвой и вступление в войну Соединенных Штатов, которые произвели на турецкое правительство большое впечатление и побудили его к еще большей осторожности и осмотрительности.

Летом 1942 года во время временных успехов вермахта в ходе наступления на Кавказ и к Волге, Германия стала почти ультимативно настаивать на присоединении Турции к оси. Однако в сентябре того же года, в связи с упорным сопротивлением советских войск у Терека, на перевалах Кавказского хребта и в районе Сталинграда у турецкого генерального штаба, пристально следившего за развитием событий на советско-германских фронтах, значительно возросли сомнения в способности Германии добиться решительной победы до наступления зимы. И к концу октября – началу ноября Министерство иностранных

дел Германии располагало сведениями уже о значительной смене настроений в Турции относительно германских перспектив.

В апреле 1944 года под влиянием решительных побед Красной Армии турецкое правительство, убедившись в неизбежности поражения фашистской Германии, прекратило поставки ей хрома, а 2 августа 1944 года разорвало с ней дипломатические отношения и даже 23 февраля 1945 года объявило ей войну.

Таким образом, все усилия Гитлера и его дипломатии по выбору союзников и созданию военного блока государств, направленного против СССР, США и Великобритании, в итоге потерпели крах. Все те, кто поспешил примкнуть к Берлину во время побед гитлеровской армии в начале Второй мировой войны, с началом их военных неудач постепенно отошли от этого блока. но настоящим ударом для Гитлера стала капитуляция Румынии и Болгарии, которые тут же объявили войну Германии и усилили своими соединениями войска 3-го и 4-го Украинских фронтов. Как результат полного краха фашистской дипломатии, 22 апреля на одном из последних совещаний Гитлер заявил: «Это конец! Все меня покинули. Кругом измена, ложь, предательство, трусость. Все кончено...»

До Великой Победы оставались считанные дни...

Таким образом, правительство гитлеровской Германии накануне Второй мировой войны сделало все возможное, чтобы сформировать мощную и многочисленную коалицию союзных государств. Первые успехи вермахта существенно способствовали этому процессу. Однако так продолжалось не долго. Уже первые неудачи союзных войск на советско-германском фронте привели к отказу их правительств к совместным действиям с германскими войсками. Затем эта тенденция не только сохранялась, но и нарастала вплоть до того, что отдельные недавние союзники Германии сами объявили войну гитлеровскому режиму. Именно это ознаменовало полный крах немецкой дипломатии первой половины 40-х гг. XX века.

В лабиринтах большой политики

Вторая мировая война и часть ее – Великая Отечественная война – представляли собой только видимую часть огромного айсберга сложных политических отношений, которые существовали в мире в конце 30-х – первой половине 40-х гг. XX столетия. Под водой оставалось очень многое, что по своей значимости могло существенно повлиять на весь ход истории того периода, и что мало зависело непосредственно от А. Гитлера или от И.В. Сталина. В сложном сплетении политических интриг столь высокого уровня разобраться практически невозможно, но можно краешком глаза заглянуть за кулисы войны и, возможно, увидеть там нечто интересное.

Кроме самой вооруженной борьбы существуют факторы, которые в вопросе победы или поражения страны или группы стран порой играют даже более значимую роль, чем многомиллионные армии стран. Эти факторы носят политико-экономический характер и напрямую затрагивают интересы не только воюющих, но и, главным образом, третьих стран. Не зря при расследовании любого уголовного дела следователи прежде всего задают вопрос: кому это было выгодно?

Почему же не применить это при изучении причин войны? Возможно, ответ на него и станет ответом на главный вопрос – почему Германия, имевшая горький опыт Первой мировой войны на два фронта, в 1941 году снова решилась на такой же шаг и, не покончив с противниками на Западе, вступила в войну с Советским Союзом?

В этом деле ясно только то, что над обычными логикой и математическими расчетами господствовало нечто высшее – экономика и политика.

Любой человек, проснувшись утром, прежде всего думает о пище насущной. Только удовлетворив голод и жажду, он может заниматься другими делами, в том числе и политического характера. В основе политики лежит борьба за власть. Власть – это, прежде всего, право распределения материальных ценностей: территорий, рынков, источников сырья, средств производства, куска хлеба насущного и глотка воды. Перемена власти – перераспределение материальных ценностей.

В начале XX века, когда развились международные экономические связи и появился международный банковский капитал, борьба за власть вышла далеко за пределы одного отдельно взятого государства. Ненасытность капитала обострила борьбу за источники сырья и рынки сбыта готовой продукции, которые к тому времени уже были, в основном, распределенными. Их нехватка приводила к острым экономическим кризисам и как результат, – уменьшению прибылей и разорению. Этому были подвержены все капиталистические государства. Только Советский Союз вследствие своей политической изоляции, несмотря на существовавшие международные экономические связи, в определенной степени сохранял свою независимость.

Из государств Западной Европы от недостатка источников сырья и рынков сбыта готовой продукции особенно страдала Великобритания, уровень развития производства в которой был очень высок. Ставка на рынки экономически отсталых колоний себя не оправдывала. Нужны были новые мощные потребители, способные потребить массу готового товара и заплатить за него большие деньги.

Во второй четверти XX века из всех европейских стран самой высокой динамикой развития экономики обладали две страны – Германия и СССР. Но планы лидеров этих стран превышали их экономические возможности, а личные амбиции не позволяли признать это. В результате в Германии утвердился диктатура А. Гитлера, в СССР – диктатура И.В. Сталина. При этом каждый из диктаторов, выполняя свою программу развития страны, очень мало считался с мнением международного сообщества, которое, рассуждая о человеческих ценностях, никак не отказывалось от хлеба насущного.

Издавна практикуется такой способ удовлетворения своих потребностей, как применение силы. Сначала это были обычные драки, позже столкновения выросли до масштабов войны. Войны между двумя государствами на тысячи лет стали обычным явлением. В XX веке между собой начали сражаться группы государств и войны обрели мировой характер. Но цель этих войн оставалась прежней – борьба за источники сырья и рынки сбыта, а среди коалиции государств всегда какое-то является главным. Ему достается самая богатая доля захваченных богатств, за ним остается право

распределения остальной добычи среди соратников. И в первой и во второй мировых войнах этим государством была Великобритания.

Но еще более высокой степенью международных отношений является та, которая позволяет одной из стран в начале схватки двух коалиций государств, оставаясь в стороне, превратиться в самого крупного международного поставщика товаров и заемщика капитала. Такая позиция всегда сулит безопасность, стремительное развитие собственных производственных сил и сверхприбыли. С начала Второй мировой войны по отношению ко всему, происходившему в Европе, такую позицию заняли Соединенные Штаты Америки. Вступление США в европейскую войну в августе 1944 года, когда в победе союзников уже никто не сомневался, стало очередным продуманным ходом на пути к экономическому мировому господству. После завершения Второй мировой войны Соединенные Штаты стали самым богатым государством мира, на многие десятилетия получили доступ к лучшим источникам сырья и рынкам сбыта произведенной продукции.

Теперь постараемся ответить на главный вопрос: почему А. Гитлер, несмотря на горький опыт Первой мировой войны и незавершенности вооруженного столкновения с Великобританией, в 1941 году решился начать войну с СССР и воевать на два фронта? Неужели он был настолько глупый, что не учел опыт Первой мировой войны, завершившейся поражением Германии?

Ответ напрашивается один – это кому-то было выгодно, и, прежде всего, Великобритании и стоявшим за их спиной Соединенным Штатам Америки, а еще точнее – международному капиталу, который находится в постоянных поисках новых источников сырья и рынков сбыта своей продукции. В этом плане вывод из строя двух самых динамично развивающихся государств, очередной передел мира, расчистка европейского пространства под свои задачи – итог крупнейшей политической борьбы за власть, о котором только можно мечтать. А в США и Великобритании было достаточное количество таких мечтателей.

Доказательством этого может служить письмо, которое днем 21 июня 1941 года А. Гитлер из своей новой подземной ставки Вольфшанце, расположенной в мрачном лесу возле Растенбурга в Восточной Пруссии и продиктовал Б. Муссолини. В частности он писал:

«Дуче!

Я пишу Вам это письмо в тот момент, когда месяцы тревожных размышлений и постоянного напряженного ожидания завершаются принятием мною самого трудного за всю мою жизнь решения.

Обстановка: Англия эту войну проиграла. Подобно утопающему, она хватается за любую соломинку. Тем не менее некоторые из ее надежд не лишены определенных оснований... Разгром Франции заставляет английских поджигателей войны обратить свои взгляды туда, откуда они пытаются начать войну: к Советскому Союзу.

Обе стороны – Советская Россия и Англия – в равной степени заинтересованы в Европе... обессиленной длительной войной. За этими двумя странами стоят Соединенные Штаты Америки, подстрекающие их...

...Все наличные силы русских находятся у нашей границы... Если обстоятельства заставят меня использовать немецкие военно-воздушные силы против Англии, то существует опасность, что Россия в таком случае прибегнет к стратегии шантажа и я буду вынужден молча уступить из-за ее превосходства в воздухе... Англия еще меньше будет готова к заключению мира, ибо тогда появится возможность связать свои надежды с русским партнером... А за всем этим стоят массивные поставки военных материалов из Америки, которые они надеются получить в 1942 году...

Обстановка в самой Англии плохая; снабжение продовольствием и сырьем все больше затрудняется. Настроение продолжать войну сохраняется главным образом лишь в мечтах. Эти мечты основаны на двух предпосылках: Россия и Америка. У нас нет никаких шансов устранить Америку, но в нашей власти устранить Россию...

Учитывая эти обстоятельства, я решил положить конец лицемерной деятельности Кремля...

Что касается воздушной войны против Англии, то мы пока будем находиться в обороне.

Что касается войны на Востоке, дуче, то она наверняка будет трудной, но я ни на минуту не сомневаюсь в огромном успехе. Я, прежде всего, надеюсь, что мы сможем получить общую базу продовольственного снабжения на Украине, которая обеспечит нас такими дополнительными поставками, какие могут понадобиться в будущем...

Что бы ни случилось, дуче, наше положение не может ухудшиться в результате этого шага, оно может только улучшиться... Партнерство с Советским Союзом, несмотря на искренность наших желаний прийти к окончательному примирению, оказалось для меня тем не менее нетерпимым, ибо так или иначе оно неприемлемо для меня из-за моего происхождения, моих концепций и моих прошлых обязательств, и теперь я счастлив, избавившись от этих душевных мук».

В то же время известно, что А. Гитлер понимал всю опасность войны на два фронта и искал союза с Западом. О дипломатических играх того периода написано достаточно много, но еще больше скрыто в секретных архивах и едва ли в скором времени станет достоянием общественности. Тайны дипломатических интриг правительств, как правило, не имеют сроков давности. Но исторические факты налицо. Одним из них является факт окружения немцами английских экспедиционных войск и французских армий в район Дюнкерна в мае 1940 года. Тогда А. Гитлер, искавший союз с Англией, фактически помиловал ее войска, остановил приказом свои танковые армады и позволил противнику эвакуироваться морем.

Но У. Черчилль не принял этого предложения. Англии и США, международному капиталу нужна была большая война в Европе. Поэтому 4 июня 1940 года, когда фактически все англичане были благополучно эвакуированы с континента, премьер прибыл в палату общин и произнес свою знаменитую речь:

«Даже если огромные части Европы и многие старые и знаменитые государства падут или попадут в лапы гестапо и всего одиозного аппарата нацистского правления, мы не расслабимся и не дрогнем. Мы будем сражаться во Франции, мы будем сражаться на морях и океанах, мы будем сражаться с все нарастающей уверенностью и усиливающейся мощью в воздухе, мы будем защищать наш остров, чего бы это нам ни стоило; мы будем сражаться на побережье, мы будем сражаться в местах десантирования, мы будем сражаться в полях и на улицах; мы будем сражаться в горах; мы никогда не сдадимся... наша империя за морями, вооруженная и охраняемая британским флотом, будет сражаться до тех пор, пока по воле божьей Новый Свет (США. – Авт.) со всей мощью и могуществом не выступит на спасение и освобождения Старого Света (Англии. – Авт.).

Комментарии по поводу политического союза Великобритании и США излишни.

В то же время на Западе хорошо знали, о восточных планах А. Гитлера. Еще в своей книге «Майн кампф» он писал: «Итак, ныне мы, национал-социалисты, возвращаемся к тому, что было шесть столетий назад. Мы прекращаем бесконечное германское движение на юг и запад Европы и обращаем наши взоры в сторону земель на Востоке... Когда мы говорим сегодня о приобретении новых земель и нового пространства в Европе, то в первую очередь думаем о России и о подчиненных ей окраинных государствах. Кажется, будто сама судьба указывает нам дорогу туда... Эта колоссальная империя на Востоке созрела для ее ликвидации, и конец еврейского господства в России станет концом России как государства».

Оставалось только дожидаться начала этой войны, позволить Германии и СССР обескровить себя в кровопролитных сражениях и пожать таким образом политические и экономические плоды при минимальной затрате сил и средств.

Это еще раз подтверждает, что война между СССР и Германией 1941–1945 гг. была подготовлена и спровоцирована третьими силами, во главе которых стоял международный капитализм, корни которого произрастали из США и Великобритании, а ветви находились в различных других странах мира. Война велась с целью передела мира, доступа к источникам сырья и рынкам сбыта.

Но Западу нужна была не скоротечная война в Европе, а длительная война на изнурение. Сокрушительные летние поражения Красной Армии 1941 года не на шутку испугали политиков в Лондоне и Вашингтоне. Возникло опасение, что либо Германия достигнет целей войны, либо советское правительство пойдет на переговоры с Берлином. Это грозило появлением на карте Европы новой сверхмогучей империи, которая сможет диктовать свои условия всему миру. Такое развитие событий международным капиталом не планировалось и не допускалось. Поэтому сразу же появилась идея материальной помощи Советскому Союзу, которая выразилась в форме ленд-лиза и обещания открыть второй фронт в Европе.

Безусловно, материальная помощь в то время была важна для Советского Союза, который был вынужден перестраивать свою экономику и временно сократить производство.

Техника и вооружение также поступали в действующую армию по ленд-лизу от союзников по антигитлеровской коалиции – США, Великобритании и Канады. Всего за время войны, начиная с ноября 1941 года, от них было получено 151,7 тыс. единиц стрелкового оружия, 9,4 тыс. орудий и минометов, 11,9 тыс. штук танков и САУ, 5 тыс. штук бронетранспортеров, 18,3 тыс. штук самолетов, 520 штук кораблей. Доля ленд-лиза в общем количестве техники и вооружения составляла: стрелкового оружия – 0,8 %, орудий и минометов – 1,8 %, танков и САУ – около 12,1 %, самолетов – около 15 %, автомобилей – 32,8 %. Для СССР это была существенная помощь.

Но надо понимать истинные цели этих поставок и помнить, что основная помощь СССР начала поступать только в 1943 и 1944 гг., когда Красная Армия уже продемонстрировала свою способность сопротивляться противнику, за полученные от союзников средства Советский Союз должен был расплачиваться золотом далеко не по самым низким ценам, поставка в СССР большого количества техники, вооружения и продовольствия позволяли западным странам избавиться от устаревших образцов и просроченных запасов, а главное – развить собственное производство на основе новейших технологий.

Теперь вспомним историю открытия союзниками второго фронта в Европе. Открытие этого фронта истекавший кровью Советский Союз добивался с 1941 года. Но Великобритания, а затем и США под любым предлогом откладывали высадку своих войск во Франции. Зато они активно включились в переговоры о поставках в СССР военного имущества, естественно не задаром.

Так в переговорах прошел 1942, 1943 год. Советские войска нанесли сокрушительное поражение гитлеровцам под Сталинградом и Курском... Но второй фронт все еще открыт не был.

– В Великобритании населения всего 50 млн человек, – однажды заявил советскому послу Черчилль. – Открытие второго фронта потребует много человеческих жертв. Мы не можем так легко разбрасываться своими людьми. В то же время английский премьер почему-то «забыл» не только о многомиллионных колониях Великобритании, но и обещании США участвовать в этой операции своими вооруженными силами.

И только 6 июня 1944 года высадкой 39 дивизий, 12 отдельных бригад при поддержке почти 11 тыс. боевых самолетов началась операция «Оверлорд» – высадка союзных войск в Нормандии, долгожданное открытие второго фронта в Европе. И тогда оказалось, что фашисты в Нормандии имели намного меньше сил, чем предполагали союзники, а их мощная оборона побережья по многим показателям была лишь результатом бурных пропагандистских фантазий Геббельса. Но союзники словно этого и не знали. Началась решающая схватка за сферы влияния в послевоенном мире.

Но союзники предпочитали спешить медленно – еще не был окончательно исчерпан разрушительный потенциал Германии на ее Восточном фронте. В сентябре 1944 года произошло очередное «чудо» – успешное наступление союзников почему-то остановилось. Немецкие генералы не могли объяснить произошедшее. Союзные генералы, включая Эйзенхауэра, после войны долго спорили, почему это произошло, но так и не дали вразумительного ответа. Говорили, будто Монтгомери предлагал, собрав силы в кулак, нанести мощный удар, прорваться к Руру, лишив немцев их главного арсенала, открыть путь на Берлин. Эйзенхауэр отклонил это предложение и решил наступать на широком фронте. Но материально обеспечить такое наступление он не мог, так как его армии далеко оторвались от своих тылов, а американцы наступать без тушенки, виски и шоколада не могли. Задержка наступления союзников позволила немцам подтянуть свежие резервы и усилить свою оборону.

Наконец наступление союзных войск началось 17 сентября высадкой двух американских и одной английской воздушно-десантных дивизий в тыл войск противника. Но эффективность десанта оказалась низкой. Парашютисты «по ошибке» приземлились в расположение двух танковых дивизий СС, о наличии которых они не знали. Операция потерпела неудачу. После десятидневных ожесточенных боев их войска отошли от Арнема. От английской 1-й воздушно-десантной дивизии, сброшенной близ города, в результате боев из 9 тыс. человек осталось всего 2163. Эта неудача дала возможность Эйзенхауэру доказать правильность своего решения, а английской и американской авиации продолжить разрушение важнейших экономических объектов Германии. Гитлеровцы же получили новую

возможность усилить свое сопротивление на Восточном фронте и продлить сопротивление Красной Армии.

Но все это только рассуждения автора, которые имеют только косвенные подтверждения, но не доказаны и уже, видимо, никогда не будут доказаны учеными-историками. Зато хорошо известно другое – фашизм повержен странами антигитлеровской коалиции, ведущее место в которой занимали Советский Союз, Великобритания и США. И хотя о вкладе каждой из этих стран в достижение Победы все еще ведутся споры, но их совместная роль в этом великом деле неоспорима.

Теперь о материальной стороне Второй мировой войны. Безусловно, война против Советского Союза (Великая Отечественная война 1941–1945 гг.) стала главным событием Второй мировой войны, в огне которой советский народ потерял 26,6 млн человек. Было разрушено 1710 городов и поселков, более 70 тыс. сел и деревень, 32 тыс. промышленных предприятий, 4100 железнодорожных станций, 1870 железнодорожных мостов, 63 тыс. километров железнодорожных путей. 25 млн человек остались без крова. Таких потерь и материального ущерба не понесла ни одна страна мира за всю историю ее существования. В деле повышения своего благосостояния советский народ был отброшен на многие десятилетия назад.

Сильно пострадала Восточная Европа. Разрушительный смерч войны пронесся по территории Польши, Венгрии, затронул своим крылом Румынию, Болгарию, Чехословакию, Югославию.

Безусловно, другие страны также в определенной степени пострадали в результате Второй мировой войны. Потери стран антигитлеровской коалиции составили: Франции – 600 тыс., США – 405 тыс., Великобритании – 375 тыс., Канады – 37 тыс. человек. Но при этом нужно помнить, что на территории США не было разрушено ни одного населенного пункта или предприятия, а национальный доход страны удвоился. Великобритания за период с 1939 по 1945 год по подсчетам британских специалистов, понесла потерь на 4,2 млрд фунтов стерлингов. Но при этом в период войны в британском хозяйстве наметились позитивные сдвиги: усилились масштабы стандартизации производства и его оснащения современным оборудованием; быстрое развитие получили авиастроение, машиностроение, производство стратегических материалов, возникли

такие отрасли производства, как электронная и радиотехническая. Сильный стимул был дан к развитию сельского хозяйства.

Сама Германия потеряла 9,4 млн человек, в том числе на советско-германском фронте, включая пленными, 7,2 тыс. человек. Потери ее союзников в боях против советских войск составили: Венгрии – 809 тыс., Италии – 92 тыс., Румынии – 475 тыс., Финляндии – 84 тыс., Словакии – 67 тыс. человек.

И все же нужно понимать, что Вторая мировая война «перепахала» Восточную Европу несколько раз. Материальные ценности разрушались как наступавшей, так и отступавшей стороной, и чем активнее велись бои, тем значительнее были материальные потери. Война превратила Восточную Европу в огромную развалину, на восстановление которой требовались огромные силы, средства и десятилетия тяжелого труда. Вся эта территория после окончания войны была «великодушно» передана под контроль Советского Союза, который ради ее восстановления снова был вынужден идти к сытому Западу с протянутой рукой, а за излишки его продукции расплачиваться материальными ценностями, отнимая их у собственного народа.

Восстановление Германии происходило в высоких темпах. Также довольно быстро с помощью Советского Союза восстанавливалась Венгрия и Чехословакия. Несколько медленнее этот процесс происходил в Польше, Румынии, Болгарии. Тем не менее к концу 1940-х гг. все эти страны достигли уровня своего предвоенного развития.

Больше всего «буксовал» Советский Союз, не смотря на то, что к концу 1940-х гг. он уже имел собственную атомную бомбу, а во второй половине 1950-х гг. начал освоение космоса. На советский народ-победитель в конце 1940-х обрушился очередной голод, и кусок хлеба стал счастьем, только к концу 1950-х гг. были электрифицированы все крупные села на Украине и в Белоруссии, в 1960-е гг. к ним начали строить дороги с твердым покрытием. В 1965 году в СССР впервые отметили День Победы 9 мая 1945 года как национальный праздник. Тогда медали «XX лет победы над Германией» были щедрой рукой розданы народу, который видел колбасу на своем столе только по большим праздникам. Ветераны-фронтовики традиционно подняли рюмку «горькой» за Победу и спели фронтовые песни, а утром следующего дня фабричные гудки и призывы бригадиров их снова

позвали на предприятия и колхозные поля для того, чтобы наполнять ненасытную копилку Великой Родины и помогать ее многочисленным друзьям в Восточной и Центральной Европе.

Итак, напрашивается вывод, что война между СССР и Германией 1941–1945 гг. была подготовлена и спровоцирована третьими силами, во главе которых стоял международный капитализм, корни которого произрастали из США и Великобритании, а ветви находились в различных других странах мира. Война велась с целью передела мира, доступа к источникам сырья и рынкам сбыта. Основной ареной борьбы была выбрана Центральная и Восточная Европа, но пламя войны также охватило и другие территории, к которым мировой капитал испытывал определенный интерес. Все другие причины войны, особенно идеологические, были названы для того, чтобы объяснить мотивы антагонизма и схватки между конкретными лидерами, в частности, между Адольфом Гитлером и Иосифом Сталиным, между Советским Союзом и фашистской Германией.

Кровью умылась прежде всего Европа. Разрушения, причиненные Великобритании, были весьма незначительные. На территорию Соединенных Штатов не упала ни одна бомба. Уровень послевоенного производства в этих странах вырос в разы. Лидерство США во всем мире на многие десятилетия стало неоспоримым фактом. Это не было прямым итогом вооруженной борьбы на фронтах Второй мировой войны, а стало результатом сложной закулисной возни, которую принято называть большой политикой. Именно в этой области Гитлера победили те «третьи» силы, которые вершат судьбу мира и до сих пор.

Заключение

75 лет назад началась Великая Отечественная война, которая стала самой трудной и самой знаковой для нашего народа. Советский Союз одержал победу в тяжелой и продолжительной борьбе, одновременно решив и задачи, о которых только могли мечтать первые организаторы Советского государства при его создании. Идеи социализма были распространены далеко за пределы СССР за счет ненавистного коммунистам лагеря капиталистов. Тогда это было, и сегодня данный факт невозможно вычеркнуть из страниц всемирной истории, несмотря на попытки многих.

В то же время актуальным остается вопрос о том, какой ценой далась Советскому Союзу и его народу эта победа? Историки подсчитали людские и основные материальные потери. Но это только сухие цифры. За каждой из них стоит гораздо большее – человеческая судьба, которая нередко целиком зависела от одного волевого решения. Видимо, настало время разобраться и в этих решениях.

Хорошо известно, что война не создает льготных условий для человеческой жизни. Более того, она усложняет условия этой жизни, порой доводя их до минимума. Вступают в силу законы военного времени, которые требовательность к человеку доводят до предела. Сопротивляться этому практически невозможно.

В то же время даже в столь экстремальной обстановке любое государство, стремясь выжить, вынуждено строить свои отношения с гражданами на определенных условиях. Это заставляет его, в том числе, и принимать многие неординарные решения как внутри самого государства, так и за его пределами. Именно поэтому в СССР наряду с расстрелами заключенных, созданием штрафных батальонов, заградительных отрядов и проведения других репрессивных мероприятий советское правительство было вынуждено хоть как-то заботиться о своих гражданах: велась борьба с преступностью, работал железнодорожный транспорт, по количеству едоков распределялись имевшиеся продукты. Насколько удачными были такие решения – другое дело.

Сегодня мы живем совсем в другое время. Не существует больше Советского Союза с его коммунистической идеологией. Россия после длительного «плавания» по волнам социализма вернулась в капиталистическую «гавань». Казалось бы, острейшие идеологические противоречия между Россией и Западом разрешены, и впереди всех ждет исключительно процветание и счастливое будущее. Но реально это совсем не так. Как в природе сильный пожирает более слабого, так и в политике у сильного нет братьев, а есть только подданные, за счет которых можно удовлетворять свои потребности. К сожалению, через 70 лет после Великой Победы Россия не может по своей силе сравниться с СССР, и в мире немало тех, кто желал бы насытиться за ее счет.

Благо сегодня для достижения политических и экономических целей не обязательно посылать в бой огромные национальные армии. Для этого есть другие средства. Сражения ведутся на невидимом фронте, не имеющем границ и линий соприкосновения сторон. В объяснение этому появился такой термин, как «гибридная война», истинная сущность и возможности которой до сих пор никем полностью не изучены.

Но самое худшее заключается в том, что никто толком не знает, как вести себя в условиях «гибридной» войны, особенно при том, что очень многое в государстве и, прежде всего, жизненно-важные ресурсы, принадлежат частным лицам. В частных руках финансы, сырьевые, энергетические, продовольственные ресурсы. Вполне понятно, что безвозмездно расставаться с ними никто не захочет. И что тогда? Кто будет отоваривать продуктовые талоны десятков миллионов граждан по всей стране? Против кого проводить репрессии: против голодного и замерзающего народа или против владельцев этих ресурсов, большинство из которых находятся за границей?

Российский народ имеет свою многовековую историю, и перенес много войн и невзгод. Сегодня встречаются единицы тех, кто в сознательном возрасте перенес трудности Великой Отечественной войны. Молодое поколение, воспитанное совсем на других ценностях, без особого интереса относится к рассказам этих глубоких стариков, практически не читает скучные мемуары. Деньги, роскошные квартиры, машины, компьютеры, переписка в Интернете, боевики – вот сфера их интересов. И мало кто из них задумывается над тем, как

он станет защищать свою Родину, как будет спасать родной город и дом под ударами противника, где возьмет пищу и воду, если будут разрушены магазины и водопроводы, и, главное, – как он поведет себя непосредственно на поле боя? А государство, если не услышит четких ответов на эти вопросы, будет вынуждено расстреливать паникеров, возрождать штрафные батальоны и трудовые армии, вводить талонную систему на основные продукты питания и делать многое другое, что последующим поколениям может показаться не гуманным. Но другого выхода у него нет, особенно когда решается вопрос жизни и смерти.

Иллюстрации

«Беспощадно уничтожать фашистских диверсантов». Советский плакат

Групповой портрет бойцов отряда специального назначения
«Славный» НКВД СССР

Тела расстрелянных при отступлении заключенных тюрьмы г. Львова. 1941 г.

Тела расстрелянных заключенных одной из тюрем на Западной Украине

Изготовление снарядов на одном из оборонных заводов Москвы.
1941 г.

Пошив одежды для фронта в г. Куйбышеве. 1941 г.

КОММУНАЛЬНАЯ ВОЛНА ПРОМЫШЛЕННАЯ КАРТОЧКА РАБОЧИМ И ИТР на МЯСО и РЫБУ 2200 г июнь 1942 г. Район <i>Равный</i> № <i>24</i> Карточка № <i>1000000</i>	№ 11 июня мясо рыба 25 г	№ 12 июня мясо рыба 25 г	№ 13 июня мясо рыба 25 г	№ 14 июня мясо рыба 25 г	№ 15 июня мясо рыба 25 г	№ 16 июня мясо рыба 25 г
	№ 17 июня мясо рыба 25 г	№ 18 июня мясо рыба 25 г	№ 19 июня мясо рыба 25 г	№ 20 июня мясо рыба 25 г	№ 21 июня мясо рыба 25 г	№ 22 июня мясо рыба 25 г
	№ 23 июня мясо рыба 25 г	№ 24 июня мясо рыба 25 г	№ 25 июня мясо рыба 25 г	№ 26 июня мясо рыба 25 г	№ 27 июня мясо рыба 25 г	№ 28 июня мясо рыба 25 г
	№ 29 июня мясо рыба 25 г	№ 30 июня мясо рыба 25 г	№ 1 июля мясо рыба 25 г	№ 2 июля мясо рыба 25 г	№ 3 июля мясо рыба 25 г	№ 4 июля мясо рыба 25 г
	№ 5 июля мясо рыба 25 г	№ 6 июля мясо рыба 25 г	№ 7 июля мясо рыба 25 г	№ 8 июля мясо рыба 25 г	№ 9 июля мясо рыба 25 г	№ 10 июля мясо рыба 25 г
	№ 11 июля мясо рыба 25 г	№ 12 июля мясо рыба 25 г	№ 13 июля мясо рыба 25 г	№ 14 июля мясо рыба 25 г	№ 15 июля мясо рыба 25 г	№ 16 июля мясо рыба 25 г
	№ 17 июля мясо рыба 25 г	№ 18 июля мясо рыба 25 г	№ 19 июля мясо рыба 25 г	№ 20 июля мясо рыба 25 г	№ 21 июля мясо рыба 25 г	№ 22 июля мясо рыба 25 г
	№ 23 июля мясо рыба 25 г	№ 24 июля мясо рыба 25 г	№ 25 июля мясо рыба 25 г	№ 26 июля мясо рыба 25 г	№ 27 июля мясо рыба 25 г	№ 28 июля мясо рыба 25 г
	№ 29 июля мясо рыба 25 г	№ 30 июля мясо рыба 25 г	№ 31 июля мясо рыба 25 г	№ 1 августа мясо рыба 25 г	№ 2 августа мясо рыба 25 г	№ 3 августа мясо рыба 25 г
	№ 4 августа мясо рыба 25 г	№ 5 августа мясо рыба 25 г	№ 6 августа мясо рыба 25 г	№ 7 августа мясо рыба 25 г	№ 8 августа мясо рыба 25 г	№ 9 августа мясо рыба 25 г

Карточка на мясо и рыбу для рабочих и ИТР. 1942 г.

ЛЕНИНГРАД

Карточка на ХЛЕБ

на НОЯБРЬ 1941 г.

М. П. *
Фамилия _____
Имя, отчество _____

ПРИ УТЕРЕ КАРТОЧКА НЕ ВОЗОБНОВЛЯЕТСЯ

30	Х I А 50 гр Х Л Е Б	27	Х I А 50 гр Х Л Е Б	24	Х I А 50 гр Х Л Е Б	21	Х I А 50 гр Х Л Е Б	18	Х I А 50 гр Х Л Е Б	15	Х I А 50 гр Х Л Е Б	12	Х I А 50 гр Х Л Е Б
30	Х I Б 50 гр Х Л Е Б	27	Х I Б 50 гр Х Л Е Б	24	Х I Б 50 гр Х Л Е Б	21	Х I Б 50 гр Х Л Е Б	18	Х I Б 50 гр Х Л Е Б	15	Х I Б 50 гр Х Л Е Б	12	Х I Б 50 гр Х Л Е Б

Карточка на хлеб. Ноябрь 1941 г.

КАРТОЧКА

на сахар и кондитерские изделия

на М А Й 1942 года

Иждивенцы

Фамилия Шевченко

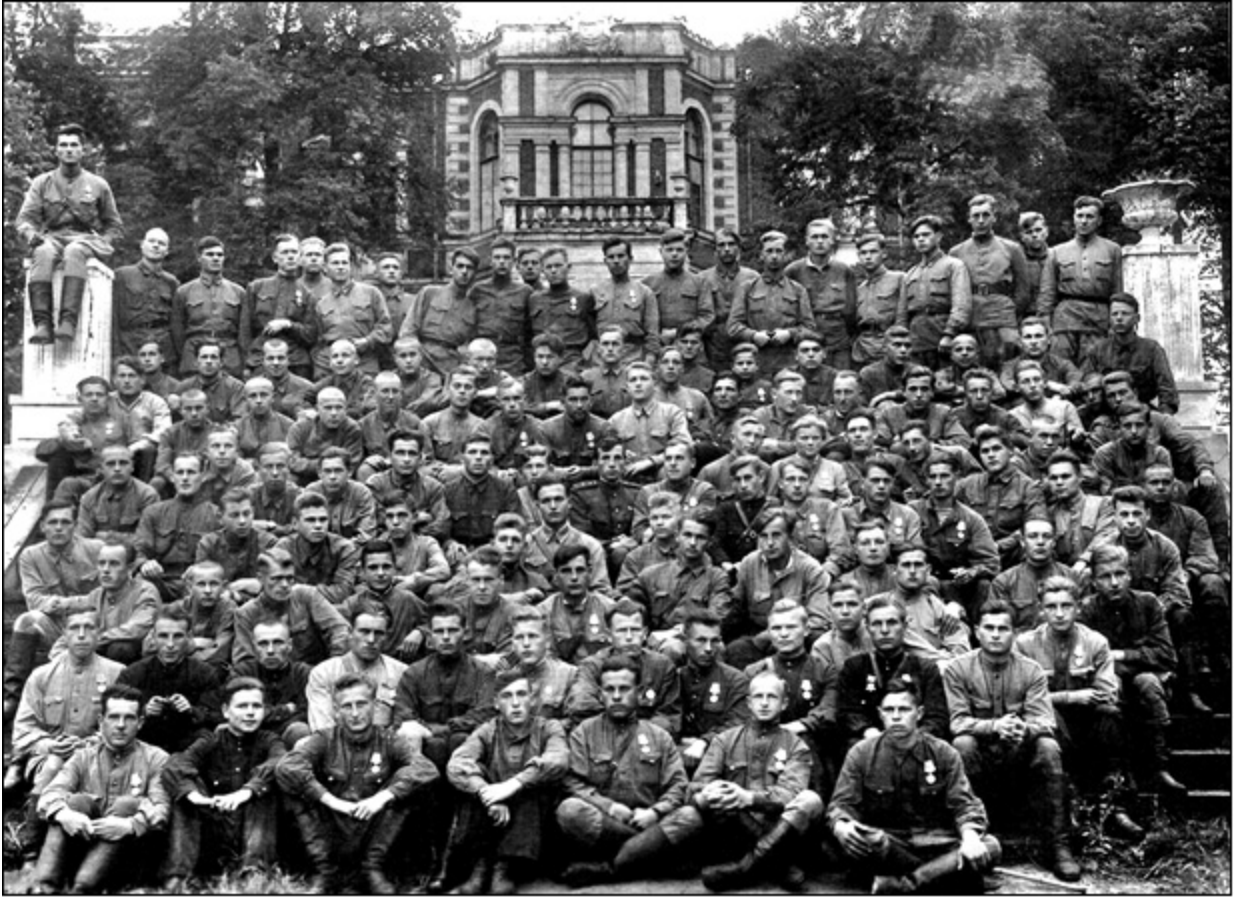
Имя Симона

Отчество Ивановна

При утере карточка не возобновляется

Сахар кондит. изд. И М а й № 9
Сахар кондит. изд. И М а й № 10
Сахар кондит. изд. И М а й № 11
Сахар кондит. изд. И М а й № 12

Карточка на сахар и кондитерские изделия. 1942 г.

Коллективный снимок бойцов-диверсантов истребительного батальона НКВД

Бойцы войск НКВД между боями

Бойцы полка НКВД строят оборонительные сооружения в Сталинграде. 1942 г.

Командный состав 2-й роты 178-го стрелкового полка войск НКВД СССР на Мамаевом кургане

1. СЛ КОНТРАРАЗВЕДКИ
 "СМЕРШ"
 — 82 —
 Государственной Безопасности

15. Марта 1945 г.
 № 1447

Предъявитель сего гв. Смирнов Сергей
 звонка Отдела Кон트라разведки "СМЕРШ" 82 гсзд)

Омладин Григорий Григорьевич
 имеет право производить проверку личных документов
 у граждан и военнослужащих.
 Лиц, не имеющих документов, удостоверяющих
 их личность, задерживать и направлять в ОНР
 "СМЕРШ" 82 гсзд.

просба, всем гражданам и военнослужащим
 оказывать тов. Омладину полное содействие
 при исполнении возложенных на него обязанностей.

Действительно до 31 декабря 1945 года.

Начальник ОНР "СМЕРШ" 82 гсзд
 Гражданин Амелин
 / А А Г И Н /

Удостоверение сотрудника Смерш. 1945 г.

Групповой портрет личного состава отдела контрразведки Смерш 70-й армии у рейхсканцелярии в День Победы. 1945 г.

Генерал А.А. Власов в Дабендорфе

Пропагандист Русской освободительной армии зачитывает советским военнопленным воззвание генерала-лейтенанта Власова

Казак вермахта танцує в оточенні товарищів

Одно из подразделений УПА

Строй бойцов кавказских вспомогательных войск вермахта

В. фон Браухич

Ф. Гальдер

Э. Роммель

К. фон Штауфенберг

Б. Муссолини и А. Гитлер

К. Маннергейм

И. Антонеску

Представители Войска Польского

Генерал В. Андерс, командующий польской армией в СССР, и полковник Л. Окулицкий в кабинете

Б. Монтгомери, Г.К. Жуков и К.К. Рокоссовский в Берлине. 1945 г.

Маршал Жуков вручает генералу Эйзенхауэру орден «Победа»

И. Тито

М. Жимерский

Ф.И. Толбухин и румынский король Михай